

ЛЕВ ЛИНЬКОВ

ПРИЗВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛЕВ ЛИНЬКОВ

ПРИЗВАНИЕ

*Рассказы и повесть
о пограничниках*

РИСУНКИ А. ЛУРЬЕ

МОСКВА "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" 1978

Дорогие ребята!

В книге писателя Льва Линькова вы встретитесь с одними из самых любимых ваших героев — советскими пограничниками. В горах и в тайге, в пустыне и по берегам рек, морей и океанов, в жару и в мороз, в дождь и в бурю несут они неуспянную боевую вахту

Из рассказов и повести, включенных в этот сборник, вы узнаете, как пограничники охраняли границы СССР в первые годы Советской власти, как героически сражались воины в зеленых фуражках с бандами басмачей в Средней Азии.

Узнаете вы, ребята, и о том, как охраняют нашу границу моряки-пограничники на Тихом океане у далеких Курильских островов, как зорко стоят пограничники на страже мирного труда советского народа.

Линьков Л. А.

Л159 Призвание: Рассказы и повесть о пограничниках./ Рис. А. Лурье.— М.: Дет. лит., 1978.— 240 с., ил.

В пер.: 55 к.

Рассказы и повесть о советских пограничниках, охранявших границы СССР в предвоенное время и в годы Великой Отечественной войны.

Л 70803—275
М101(03)78 259—78

Р2

НАЧАЛО ПУТИ

Небольшой конный отряд — двадцать красноармейцев, командир и проводник — пробирался сквозь Уссурийскую тайгу охотничьими тропами. Проводник Федор Иванович Кротенков намеренно повел конников самой чащобой. Командир отряда Семен Кузнецов запротестовал было: «Чего доброго, еще плутать начнем!» Однако Федор Иванович настоял на своем: «Так будет короче. Пройдем, как во Владивостоке по Светланской...»

Верстах в пятидесяти от Никольск-Уссурийска наткнулись на следы бивака.

— Назаровцы либо шубинцы,— насторожился Кротенков.

— Может, охотники? — усомнился командир.

— Охотники гуртом не белкуют. Гляди! — Федор Иванович показал на следы многочисленных сапог и на отпечатки, оставленные в снегу прикладами стоявших в козлах винтовок («Японские винтовки!»).

Он подобрал несколько окурков и молча протянул их командиру. Тот внимательно осмотрел окурки. Все стало окончательно ясно: охотники курят трубки, а тут сигареты, да к тому же еще американские.

— С полста было бандитов, не меньше,— прикинул Федор Иванович по следам.

— К тому же с «максимом»,— добавил Кузнецов.

От бивака уходили в чашу две широко расставленные параллельные лыжни.

— Догнать бы да прикончить банду,— подумал вслух Кузнецов.— Снег не успел засыпать следы, значит, белогвардейцы снялись отсюда совсем недавно, после окончания пурги: Только шут их знает, долго ли за ними гнаться, а отряду дан приказ: как можно быстрее пройти в назначенное место.

— Резона нет,— подтвердил Кротенков,— наскочишь негаданно — еще, чего доброго, перещелкают. Сам говоришь — у них станковый пулемет...

В пути минул февраль, а ветры дули все еще с севера и северо-запада. Они приносили с собой в Приморье остатки амурских и колымских морозов, разыгрывались метелями, донимая и всадников и коней.

— К ночи опять завьюжит,— шурился Федор Иванович на солнце.

Командир вскидывал к козырьку буденовки закованную ладонь, бормотал: «Космография». Огромный белесый обруч окружал солнце, а по бокам его слепили глаза еще два ложных солнца.

Волнами застывшего океана вздымались окрест бесчисленные сопки. На склонах сопок и в широких лощинах — не виданный ранее лес: не то тайга, не то джунгли, знакомые по картинкам в учебнике географии.

Вот вымахнул сажень на двадцать тополь с узловатыми ветвями; лет так сто ему, если не все полтораста! Дубы в два обхвата соседствовали с черемухой. Могучие кедры поблескивали голубоватой хвоей рядом с ясенями, клены и липы побратались с разлапистыми елями. А вот и какие-то совсем неизвестные, чудные деревья, с светло-серой, будто бархатной корой. «Пробковое дерево,— объяснил Федор Иванович,— пробки из его коры делают».

Между всем этим разнодеревьем — густой подлесок. И все переплетено лианами. А на редких прогалинах чуть ли не до самых макушек кедров и кленов взобрались плети дикого винограда.

И командир отряда Кузнецов и большинство бойцов приехали сюда, на Дальний Восток, из России, не видали раньше такой природы и не уставали удивляться...

На пятые сутки отряд снова наткнулся на чью-то недавнюю стоянку.

— Охотники,— с одного взгляда определил Федор Иванович,— соболевщики. Трое их было... Луки делали,— поворошил он носком валенка запорошенные снегом стружки.

В тот же день конники миновали заброшенную китайскую фанзу. Кротенков попросил командира на минутку подзадержаться. Они вошли в небольшую глинобитную, крытую соломой хижину. Промасленная бумага в решетчатых окнах порвана, на полу — по колени снегу, дочерна закопченные стены, давным-давно потухший очаг. И чего тут понадобилось проводнику?

— Это фанза Син Хо,— глухо сказал Федор Иванович.— Син Хо спас меня после «тысячи смертей»... Неуж-

то его убили? — Кротенков показал на десятки пулевых пробоин в стене. — Из пулемета палили...

— А кто он такой, Син Хо?

— Китаец, манза, — сняв малахай, сказал проводник. — Здешние китайцы манзами себя называют. Хороший человек был Син Хо, трудовик. Чумизу сеял, женьшень в тайге искал, да попусту. Слыхал? Корешок такой есть, корень жизни, лекарство, одним словом. В большой цене у китайцев.

Кузнецов хотел было спросить, что это за штука такая «тысяча смертей», но постеснялся.

Отряд тронулся дальше. Таежное безмолвие нарушали дробь дятлов, похрустывание валежника да тяжелое дыхание приморившихся лошадей. Снег лежал неровно: в лощинах кони чуть ли не по грудь увязали в сугробах, а на склонах сопок, особенно с наветренной стороны, он едва прикрывал сухие прошлогодние травы. Местами промерзшая земля вовсе была обнажена и звенела под коваными копытами.

Командир и Дед — так прозвали Кротенкова за окладистую темно-русую бороду — ехали в голове отряда. Федор Иванович сидел немного бочком на своей мохноногой, низкорослой и выносливой сибирке. Чуткая лошадь косила янтарным глазом на заросли жасмина и лещины, настороженно прыдала заиндеветшими ушами — вероятно, где-то поблизости притаились изюбры.

Почти четыре месяца минуло с тех пор, как из владивостокской бухты Золотой Рог удрал последний японский крейсер, а Федору Ивановичу все еще не привелось побывать в родном Сучане, где его ждали жена Даша и сынишка Антон. Пока отец воевал, Антошка научился и ходить и говорить...

Но не только из-за семьи стремился Федор Иванович в Сучан: он, как наяву, представлял себе и широкую

долину, где разбросался рабочий поселок, и надшахтные копры, и то, что в ладонях у него вместо ремennого поводка отполированная мозолями рукоятка обушка и он впервые за всю свою жизнь рубает уголек не для хозяйна, а для самого себя, для народа.

Распростившись с боевыми товарищами — Кротенков три года с лишком командовал партизанским отрядом, — сдав в армейский склад оружие и в губком партии отчет о боевой деятельности отряда, Федор Иванович совсем было собрался домой, как вдруг в канун отъезда, в конце февраля, его вызвали в Особый отдел Никольск-Уссурийской Чрезвычайной комиссии.

«Опять воевать?» — спросил Дед. Честно признаться, он порядком-таки устал за эти годы: поколеси-ка сорок месяцев по тайге да болотам, и всё с боями.

«Не совсем так, но вроде, — сказал начальник Особого отдела. — Рабоче-крестьянское правительство приказало нам взять под охрану государственную границу».

Начальник объяснил, что Деду предстоит провести один из только что сформированных отрядов пограничников к старому кордону на границу с Маньчжурией.

«Контрабандистов ловить станете? Дело! До шута их расплодилось: спиртоносы, пантовщики, соболевщики...»

«И контрабандистов, — подтвердил начальник. — Значит, договорились: доведешь ребят до кордона на Золотой речке — и домой. Места тебе знакомые».

«Не заблудимся!» — сказал Кротенков, мысленно прикидывая, каким путем им лучше направиться...

И вот уже который день отряд пробирается сквозь Уссурийскую тайгу.

«Бедно живем», — хмурился Федор Иванович, поглядывая на спутников.

Пограничники были одеты кто во что: кто в красноармейской форме, кто в трофейной рыжей шинелишке,

кто в коротком поистертом полушубке. Но все в буденовках с красными звездами.

Оружие тоже разнокалиберное: у кого русская трехлинейка, у кого кавалерийская драгунка, у кого берданка, у кого японская винтовка, а у двоих бойцов не было даже берданок, только наганы. У самого Деда за спиной висел американский карабин, сбоку побрякивала о седло длинная самурайская шашка в ножнах, украшенных драконами из накладной меди и иероглифами-заклинаниями. Федор Иванович носил ту шашку с двадцатого года, после боя под Ивановкой.

Заподозрив жителей Ивановки в связи с партизанами, японские каратели окружили деревню и дотла сожгли ее. Из-под обугленных развалин онемевшие от горя и гнева партизаны вытащили почти триста трупов детей, женщин и стариков.

Партизаны настигли карателей, и в ожесточенной рукопашной японский офицер полоснул Федора Ивановича шашкой по левой щеке. Захлебываясь кровью, Федор Иванович изловчился вырвать у самурая шашку и наотмашь развалил его от плеча до пояса.

...А на щеке остался крупный шрам. Чтобы скрыть его, Федор Иванович отрастил бороду, и с тех пор, несмотря на то что ему не было и тридцати пяти, его стали звать Дедом.

Кузнецов в раздумье смотрел по сторонам. По его легкой посадке Федор Иванович с первого взгляда определил: лихой конник!

— Трудновато тут будет,— кивнул командир на густые заросли.

— Зато летом красота,— оживился Дед.— Летом сопки, словно бабы на ярмарке, все в цветах. Дожди у нас щедрые — каждая капля с ягоду, потому и растения буйные. А воздух чуешь какой!

Федор Иванович сразу догадался, чем озабочен молодой чекист: шутка сказать, охранять таежный участок границы протяженностью в тридцать верст — по полторы версты на брата! — а заговорил о другом. Трудно, конечно, да что ж тут вздыхать?..

Вдруг их лошади остановились будто вкопанные. Кузнецов натянул повод и почувствовал, что его Серко дрожит. Федор Иванович поспешно скинул из-за плеча карабин и, привстав на стременах, подался вперед.

«Назаровцы!» — глядя на Деда, скинул винтовку и Кузнецов, поднял левую руку, предупреждая ехавших сзади бойцов: внимание!

— Тигр! — показал Федор Иванович дулом карабина: в снегу отпечатались следы огромных кошачьих лап.

Кузнецов не испугался, но подумал с досадой, что ко всем возможным трудностям прибавляется новая — охраняй границу да поглядывай, не вцепилась бы тебе в загривок полосатая кошка ростом с телку.

— Поехали! — кинул Дед винтовку обратно за плечо. — Во-первых, нас много, а во-вторых, он сыт: видишь, кровь на снегу — тащил кабанчика...

Ехали от зари до полной темноты, когда уже ничего нельзя было разглядеть вокруг, и тогда-то наконец раздавалась долгожданная команда: «На ночлег!..»

Будь полнолуние, наверно, Кузнецов ехал бы и ночью, но луны еще не было, и хотел того или не хотел командир, а приходилось развьючивать лошадей.

Насобирав валежника, бойцы разводили костер, в свете его рубили побольше дров, чтобы поддерживать огонь до утра, и тогда только начинали готовить ужин. Поджаренная на шомполах оленина или козлятина, иной раз и фазан — смотря кого удавалось подстрелить днем — казались бойцам, насидевшимся в городе на просяной и чечевичной похлебке, царской-пищей. Кирпичный чай был

хоть и не сладок, да зато горяч и согревал не только тело, но и душу, развязывал языки.

Погуторив у костра, вспомнив родные места и близких, погоревав, что у тех нет не то что оленины с козлятиной, а, поди, и черного сухаря — в России был голод, — помечтав о тех днях, когда у трудового народа всего будет вдоволь, и заодно пожелав мировой буржуазии ни дна ни покрышки, укладывались спать.

Засыпали на подстилке из кедровых ветвей сразу, будто проваливались в омут, однако сон был тревожным: всю ночь люди вертелись, подставляя к костру то бок, то спину. «С одного бока ильин день, с другого масленица!» — посмеивался Дед Кротенков.

На место прибыли только на десятые сутки к вечеру. Дед вывел отряд по Золотой пади прямо к старому пограничному кордону. Кузнецов сказал, что кордон теперь будет называться заставой.

— А почему этот овраг зовут Золотым? — спросил он, разглядывая извлеченную из походной сумки карту-двухверстку.

— Не овраг, падь, — поправил Федор Иванович. — Золото тут раньше казаки мыли.

— Богатое, значит, место. И речка Золотой называется? — кивнул командир на шумливую, незамерзающую речку.

— Тоже Золотая.

— Ну, значит, и заставу так назовем...

Речка, давшая, таким образом, название новой заставе, быстрым, озорным ручьем появлялась в отрогах приграничного хребта, причудливо крутилась между сопками и, перерезав заболоченную низину, ныряла в озеро.

Застава помещалась в нижнем течении речки. В обрамленные снегом воды смотрелись дубы с уцелевшими кое-где прошлогодними ржавыми листьями, клены, корявые дикие яблони, будто насторожившиеся ели и кедры.

То, что звалось заставой, было низким длинным, почерневшим от времени бревенчатым домом. Вокруг стояло несколько приземистых, полуразрушенных хибарок.

— Это конюшня, это баня, а то склад,— пояснил Дед.

— Была когда-то конюшня,— невесело сказал командир.

— Руки приложить придется,— подтвердил Федор Иванович.— Зато дом крепкий. Мы в позапрошлом году тут месяца два стояли.

«Крепкий дом» оказался, однако, тоже в самом плачевном состоянии: стекла в окнах выбиты, двери сорваны с петель. Хорошо, хоть печь и крыша целы. Пограничники, обрадованные окончанием походных мытарств, в последний раз развьючили лошадей, сложили в помещении двухмесячный запас круп, соли, сухарей, керосина, кое-какой хозяйственный инвентарь, медикаменты и патроны, завесили окна палатками, заткнули щели кедровыми ветками, мхом и расположились отдыхать, впервые за десять суток скинув сапоги.

Назначив четверых бойцов, из тех, что потеплее одеты, часовыми, сделав все остальные нужные распоряжения, Кузнецов окликнул Деда:

— Пойдем, Федор Иванович, потолкуем...

Они вышли на свежий воздух.

С трех сторон к заставе подступала тайга. Темно-сизые сопки высились вокруг.

Падь Золотая шла под прямым углом от границы, ветры гудели в пади, как в гигантской трубе, взвихривая и унося с собой снег.

— Морозец завтра ударит,— сказал Дед, посмотрев на помутневшую луну, окруженную светлыми кольцами.

— А как тут насчет живности? — поеживаясь от холода, спросил Кузнецов.— На губернию расчет плохой.

— Кабанов пропасть, самая лучшая пища. Только учти, на старого секача не ходи: промахнешься — заде-

рет; охотья на самок и на молодых. Зимой ищи их в кедровнике, летом — в падах, а осенью — под дубами: охочи они до желудей.

Федор Иванович глянул сбоку на молодого чекиста: русая прядь волос выбилась из-под козырька на самые брови, светло-серые глаза сосредоточенно серьезны.

— Давненько воюешь?

— С восемнадцатого.

— А с пулей где поцеловался? — Федор Иванович еще в первую встречу заметил на шее Кузнецова яркорозовую полосу.

— Под Одессой. У Котовского служил.

— Геройский, сказывают, человек! — восхищенно произнес Дед. — Каким же манером тебя к нам закинуло?

— Сам попросился... Помнишь, как Ленин сказал? «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский!» — Кузнецов улыбнулся. — Я как услышал эти слова от Владимира Ильича, так покоя лишился: поеду, и баста!

— Неужели ты Ленина видел? — недоверчиво спросил Дед.

— Как тебя. Двадцатого ноября прошлого года на пленуме Московского Совета. Я тогда был курсантом школы ВЦИК...

Дед помолчал.

— Ильичу ведомо, что для Советской России Дальний Восток! Неспроста японцы с американцами на наш край зарились. Тут, брат, такие богатства, такие...

Ничто не могло лучше расположить Федора Ивановича к командиру пограничников, как известие, что тот самолично пожелал служить в Приморье. Кажется, если бы была возможность, Федор Иванович уговорил бы приехать сюда целый миллион человек. Конечно, не из таких, кто ищет легкой жизни, а жадных до труда —

шахтеров, слесарей, пахарей. Да что миллион — прика-
тили бы все десять, для всех места хватит!..

— Сегодня, наверно, обойдется,— прервал Кузнецов
раздумье Деда.

— Как сказать, не зарекайся,— откликнулся Федор
Иванович.— Назаров должен быть где-нибудь поблизо-
сти...

Назаров, бывший полковник царской армии, после
того как и здесь, на Дальнем Востоке, взяла верх Совет-
ская власть, организовал крупную банду, которая рыска-
ла в приморской тайге, нападая на редкие села и мало-
численные красноармейские отряды.

— Завтра уезжаешь, значит? — спросил вдруг Куз-
нецов.

— Завтра, думаю.

— Ну-ну.

Кузнецов ничего не сказал больше, но Дед понял, что
чекисту не хочется так скоро расставаться с ним.

— Заждались меня в Сучане,— словно извиняясь, до-
бавил Федор Иванович.— Отдохну малость, да и уголек
рубать пора...

Однако вышло так, что Кротенков не уехал в Сучан
ни завтра, ни через неделю. Утром он направился с Куз-
нецовым и двумя бойцами по участку показать им, где
проходит линия границы. На луках седел лежали ство-
лы винтовок. Спускаясь с сопок, кони прибавляли шаг,
и было слышно, как поёкивает у них селезенка. Ветер
переменился наконец и дул теперь с востока, но было все
еще морозно. Над речкой висел туман.

— Столбы придется ставить.— Дед показал на замше-
лый камень, служивший пограничным знаком.

— С гербом советским,— улыбнулся Кузнецов.

На сопке Кабаньей — вершина ее совсем голая, похо-
жая на вздернутую кверху кабанью морду,— их обстре-
ляли.

— Вот окаянная сила! — пробормотал Дед, когда напуганные выстрелами кони вынесли их на соседний холм.— Назаров первым нас увидел...

Ночью на заставе никто не ложился. Кузнецов придирчиво осмотрел у бойцов оружие и приказал не смыкать глаз, однако бандиты не появились.

На следующее утро Федор Иванович не рискнул даже заикнуться о своем отъезде. Надо было помочь пограничникам и советом и делом: как поскорее отремонтировать здание заставы, в каком месте отрыть окопы на случай нападения бандитов.

Словом, Дед задержался.

А вскоре начались чрезвычайные происшествия, как их назвал молодой начальник заставы.

Пограничник Панченко задержал сразу трех контрабандистов, направлявшихся в Маньчжурию с тюками, набитыми шкурками соболя. Контрабандисты настолько привыкли к тому, что в последние годы граница не охранялась, что шли не таясь. Они предложили Панченко десяток соболей за то, чтобы тот отпустил их, и никак не могли уразуметь, почему солдат отказался от богатой взятки.

Бойцы Голубев и Рябов вступили в перестрелку с неизвестными, пытавшимися пройти по Золотой пади в глубь советской территории, и отогнали их. Вероятнее всего, это были назаровцы.

— Прощупывает наши силы, подлюга,— высказал догадку Дед.

Новый день ознаменовался еще одним происшествием. Часовой у ворот заметил, что кто-то осторожно выглядывает из-за ближайшей ели, и щелкнул затвором винтовки.

— Твоя не стреляй, моя хорошо! — раздался испуганный возглас.

Из-за ели вышел старик китаец в треухе, в куртке и

штанах, сшитых из шкуры изюбра, в мягких меховых унтах. С опаской поглядев на винтовку, он вдруг заулыбался и показал пальцем на звезду на шлеме пограничника:

— Твоя красный, хоросо! Зови красный начальника.

Как раз в это время Кузнецов и Дед вышли из дома, и, к немалому изумлению чекиста, Федор Иванович радостно бросился к незнакомцу.

— Син Хо! Син Хо! — повторял он. — Жив, старина! Откуда взялся? Я заходил в твою фанзу. Один снег... Это Син Хо, — весело улыбаясь, объяснил Дед Кузнецову. — Помнишь, я говорил, что он спас меня после «тысячи смертей»?

Растроганный Син Хо рассказал, что года два назад японцы обстреляли его фанзу, но он с сыном успел убежать. Сначала жили в тайге, в шалаше, потом добрались до китайской деревни в Маньчжурии, где и поселились. На днях Син Хо услышал добрую весть, что в Золотую падь пришли красные солдаты. Син Хо просит начальника спасти маньчжурскую деревню от полковника Назарова. Солдаты Назарова хуже тигров: они грабят бедных крестьян и зверствуют.

Кузнецову и Деду стоило немалого труда разъяснить старику, что красные пограничники не могут нарушать границу, а если Назаров вознамерится прийти сюда, то они разгромят его.

— Твоя фанза цела, подправишь немного — и живи, — убеждал Федор Иванович старого друга. — Начальник, — Дед кивнул на Кузнецова, — не даст Син Хо в обиду. Начальника и красных солдат прислал сам Ленин. Японцев здесь больше нет. — Партизан выразительно поддал коленкой. — Понял? А где же твой сын?

— Чен Пен! — позвал старик.

Из-за ели вышел юноша.

— Вот и хорошо! — воскликнул Кротенков.

Но теперь пришла его очередь удивляться. Кузнецов отозвал его в сторонку и сказал, что не вправе разрешить Син Хо и его сыну остаться здесь жить.

Кротенков широко раскрыл глаза.

— Они пришли из-за границы. Разрешить может только Никольск-Уссурийск,— твердо сказал чекист.

— Коли так, я сам сведу их к начальнику Особого отдела.— Дед даже обрадовался, что таким образом скорее попадет домой. Ведь, кроме Син Хо с сыном, надо доставить в Никольск-Уссурийск трех контрабандистов.

На том и порешили.

— Завтра и пойду,— заключил Кротенков.

Но завтра, отправившись пораньше утром на охоту, он вместо кабана поймал совсем другую дичь.

Приехав с проверки нарядов на границе, Кузнецов даже опешил от неожиданности: перед заставой стоял невысокий худощавый японец, руки у него были скручены веревкой за спиной, под левым глазом темнел здоровенный синяк. Рядом прохаживался Федор Иванович. Кузнецову еще не доводилось видеть Деда в такой ярости. Чуть поодаль стояли пограничник Рябов и Син Хо с сыном.

— Видал кабанчика? — выкрикнул Дед, повернувшись к командиру.— Вздумал угостить меня джиуджитсу!

Дед так внушительно потряс большим костистым кулаком перед самым носом японца, что тот в страхе отшатнулся.

— В чем дело? Доложите по порядку,— предложил Кузнецов, едва сдерживая улыбку.

Чтобы не производить шума близ заставы, Кротенков отправился на охоту подальше от границы, в кедровник. Он долго лежал в кустах с подветренной стороны у облюбованного кабанями места и наконец увидел самку с тремя поросятами. «Мясо на дорогу будет!» — подумал

он, прицеливаясь. И вдруг явно кем-то напуганные кабаны скрылись в подлеске.

Не тигр ли? Дед замер. Ему еще не доводилось встречаться с хозяином тайги один на один.

— А вместо тигра-то на меня вылез вот этот самый подлюга,— волнуясь, рассказывал Федор Иванович.— В руке пугалку держит.— Дед презрительно сплюнул на лежащий на земле легкий карабин.— Я, значит, выскочил и хватя его за руку. А он, гнилая душа, вздумал пинать меня в живот. Ну, раз не хочешь подобру-поздорову, получай: пришлось о его физию руку марать...

«Откуда в тайге японец? Куда он шел? Зачем?» — гадал Кузнецов, рассматривая пленного, высокомерно поджавшего губы.

— Вы его обыскали?

— Все, как полагается.— Кротенков вытащил из карманов пару пистолетов.— А здесь продукты и прочее,— ткнул он валенком в лежащую на снегу котомку.

Командир посмотрел на ловко пригнанную охотничью одежду, в которую обрядился японец, потом на большие, военного образца ботинки:

— Снимите обувь!

Японец даже не повернул головы, словно не понимал, что ему говорят.

— Слушаться! — повысил Кузнецов голос.

Японец вскинул черные близорукие глаза и, присев на бревно, начал торопливо снимать ботинки. Ему дали взамен армейские сапоги и увели в баню, временно приспособленную под арестное помещение.

Кузнецов и Дед прошли в канцелярию заставы — так командир громко назвал одну из комнатушек.

Кузнецов взял кинжал, и не успел Федор Иванович глазом моргнуть, как он отодрал с каблуков ботинок набойки.

— Зачем добро портишь! — возмутился Дед.

— А чего нам жалеть, коли они сами не жалеют,— усмехнулся Кузнецов и, стукнув ботинками о стол, вытряхнул из выдолбленных в каблуках потайных ямок два маленьких сверточка.

— Штуковина! — покачал головой Дед и взглянул на чекиста с таким изумлением, что тот расхохотался.

Кузнецов осторожно развернул один сверточек. В пергамент и вату были завернуты несколько граненых камешков, с маленькую горошину каждый. Кузнецов подвинул их на угол стола, под солнечный луч, и горошины засверкали всеми цветами радуги.

— Неужто бриллианты? — прошептал Федор Иванович.

— Они самые... Семь штук,— сосчитал Кузнецов.

— Вот грабитель, вот гнилая душа! — возмутился Дед.— Это же они нас грабят! Я на ихние разбойничьи дела нагляделся: из Владивостока целыми пароходами наше добро увозили.

— Подожди раньше времени волноваться, посмотрим, что здесь.— Кузнецов с той же осторожностью развернул второй сверточек.

Во втором сверточке оказалась какая-то бумага, тщательно запакованная в резиновый мешочек. Кузнецов быстро пробежал глазами бумагу, но ничего не понял: полная бессмыслица, беспорядочный набор слов и цифр. Наверняка шифровка.

Дед всем своим видом выражал явное нетерпение, но чекист не мог удовлетворить его любопытство.

— Твой кабанчик, наверно, тоже из Никольск-Уссурийска пожаловал. Не иначе, как из потайного гнезда.

— Может, к самому полковнику Назарову на связь шел,— вставил Кротенков.

— Может, и к Назарову,— согласился чекист.— А в общем-то, Федор Иванович, это уже не нашего

ума дело. Нам здесь, в тайге, с этим не разобраться.

Кузнецов задумался, глядя в окно, в которое с грехом пополам удалось вставить осколки стекла.

— Что делать со шпионом? Не ровен час, удерет по дороге, а птица, видать, важная...

Не желая мешать командиру новыми вопросами, Дед перекатывал с ладони на ладонь сверкающие бриллианты.

— Я сам должен доставить этого типа в Никольск-Уссурийск,— сказал Кузнецов.— Я с вами завтра тоже поеду. Попутно разрешим вопрос и насчет твоего дружка Син Хо. За начальника оставим на заставе Платона Панченко. Вашей шахтерской фамилии парень, из Луганска. Деникину пятки скипидаром смазывал.

— Я ему помогу,— перебил Федор Иванович.— Где месяц, там и неделя.

Кузнецов даже вскочил от радости:

— Так ты меня выручил, так выручил!..

— При чем тут «выручил»,— обиделся Дед.— Ты что ж думал, я совсем без понятия?..

Кузнецов уехал в начале марта. С ним отправились двое пограничников и Син Хо с сыном. В середине маленького отряда ехали три контрабандиста и задержанный Дедом японец.

А на другой день Панченко сообщил Деду, что утром на маньчжурской стороне кто-то жег костры.

— Не иначе, как Назаров,— встревожился Федор Иванович.— Держи ушки на макушке!..

Присматриваясь к Панченко, он с удовлетворением отметил про себя, что Платон парень находчивый, самостоятельный, как и положено рабочему человеку, только, пожалуй, через край самонадеянный.

Ночью Панченко собрался проверить высланные на границу наряды: бдительно ли несут службу молодые бойцы?

— Может, сегодня тебе лучше с заставы не отлучаться? — подсказал Дед.

— Чего там! — усмехнулся Платон.— Если Назаров вздумает сунуться, на самой границе мы ему скорее лапы обрубим.

Федор Иванович хотел сказать, что, пожалуй, разумнее оттянуть пограничные наряды к заставе да выставить пару-тройку дозоров — неизвестно ведь, сколько у Назарова штыков,— да вдруг Панченко высмеет: «Струсил, Дед?»

Как же корил себя потом Федор Иванович, что не уговорил Платона! Но известно, что после драки махать кулаками дело бесполезное.

Панченко взял с собой Голубева, и они ускакали к границе. Дед наработался за день на ремонте конюшни и прилег в комнате Кузнецова отдохнуть.

Кузнецов не успел еще толком обжиться на новом месте, но уже соорудил полку для книжек. Правда, маловато у него еще книжек, но, видать, они самые важные, если он привез их за тысячи верст, из Москвы.

Федор Иванович с уважением перелистал «Коммунистический Манифест»; взвесил на ладони объемистый Марксов «Капитал»; шевеля губами, прочел на обложке брошюры: «Ленин. Очередные задачи Советской власти». Разглядел он на полке и томик стихов Некрасова, и пушкинскую «Полтаву».

Самодельная моргалка, заправленная кабаньим жиром, чадила, еле освещая комнатушку. «Завтра днем разбейся, а выкрой время, прочитай, что пишет Ленин насчет очередных задач», — наказал сам себе Федор Иванович и тут только заметил на стене, над дощатым столом, чью-то карточку. «Видать, кто-то из Семеновых боевых друзей». Поднес к карточке моргалку и даже крикнул от изумления: «Мать честная!..» С пожелтевшей фотографии улыбалась большеглазая молоденькая

женщина в буденовке, с винтовкой в руках. «Кем же она доводится Семену — женой либо невестой?..»

Рассматривая миловидное лицо красноармейки, Федор Иванович опять и опять вспомнил своих Дашу и сынишку, и взгрустнулось: «Надолго ли застрял в тайге?..»

Наступала уссурийская весна. Днем все сильнее пригревало солнце, кое-где появились проталины, и хотя ночами прихватывал еще мороз, но над падами уже разносились голоса лебедей-кликунов. На полыньи озера опускались стаи рыболовов-бакланов. Не замедлили появиться и голенастые китайские журавли.

«Скоро цапли с ибисами прилетят,— прикидывал Федор Иванович,— снег сойдет, а там, глядишь, болота отогреются, половодье нагрянет, все размокнет, и не выберешься отсюда до самого июня. Скоро ли Кузнецов обернется?.. Даша все, поди, плачет, а может, уж и плакать перестала».

Так и не полежав, не отдохнув как следует, Дед пошел в канцелярию. Семилинейная лампа была прикручена. На стене висела схема участка заставы. Чертил ее, пользуясь советами Деда, сам Кузнецов. До гражданской войны он работал слесарем первой руки в саратовском депо и умел немного чертить. На схеме были нанесены падь Золотая, распадки и сопки, успевшие зарости молодняком, старые просеки. Жирная извилистая линия обозначала государственную границу.

Кроме Деда и дежурного Морозова, в эту ночь на заставе находилось всего троё пограничников — двое из них спали, третий стоял часовым у ворот.

Дежурный, с явным трудом сдерживая зевоту, перечитывал газету двухмесячной давности.

— Ко сну клонит? — посочувствовал Дед.

— Клонит,— признался дежурный.

— А ты газету-то брось и голову в ведро с водой окуни. Часового давно проверял?

— С полчасика.

— Пора еще раз проверить.

Кротенков вышел во двор. Темнота была такая, что он с трудом разглядел стоявшего на часах Гладышева.

— Кругом ходишь?

— Кругом,— прошептал Гладышев.— Все в порядке, тихо...

Федор Иванович, прислушиваясь и всматриваясь во тьму, тоже обошел вокруг заставы. Со стороны незамерзающей речки доносился глухой говор воды; словно встрепенувшись под порывом ветра, прошумели верхушки кедров и елей; дробно постучали друг о дружку голые ветви дуба, легким хлопанием о древко напомнил о себе кумачовый флаг над крышей.

Федор Иванович вернулся в канцелярию, хмуро бросил дежурному:

— Разбуди-ка ребят, товарищ Морозов,— не ровен час, что случится. На воле зги не видно!

Муторно было почему-то на душе, беспокойно. Дед осмотрел внутренние, из дубовых досок ставни на окнах: крепко ли замкнуты? Молодец Кузнецов, что, не мешкая, сделал эти ставни с бойницами. Такие и пуля не пробьет.

За полночь Кротенков снова решил проверить часового: не уснул бы хлопец...

В сенях была тьма кромешная. Придерживаясь о стенку, он направился к выходной двери и замер, услышав сдержанное дыхание.

— Сдавайся, во имя господи! — прохрипел кто-то.

Сени молнией осветила яркая вспышка, грохнул выстрел. Дед, выбросив вперед руки, ухватился за ствол чужой винтовки и рванул ее на себя.

— Давай сюда, давай! — услышал Кротенков, и в это время кто-то большой, тяжелый повалился на него.

Падая, Федор Иванович растопырил пальцы правой руки, наугад ткнул ими перед собой, угодив в глаза бан-

дту — кто ж иначе это мог быть! Бандит вскрикнул от резкой боли. И тут же одновременно распахнулись двери из казармы и с улицы. Сени осветили вспышки новых выстрелов.

«Прохлопали!» — промелькнуло в сознании Деда. Он лихорадочно нащупал на полу винтовку, брошенную врагом, вскочил и, не целясь, выстрелил в проем наружной двери, где только что видел фигуры бандитов. Снова кто-то истошно завопил, кто-то наткнулся в темноте на лавку, опрокинув стоящие на ней ведра с водой. Наружная дверь захлопнулась.

— Морозов, к окошку в канцелярию, Ефремов, в казарму, Мокин, к начальнику! — скомандовал Кротенков. Он понял, что застава окружена.

Оставшись в сенях один, он поспешно задвинул на двери дубовый засов, пошарил по внутренней двери в казарму, ища ручку, и тут кто-то схватил его за ноги, пытаясь свалить.

«Притаился, подлюга!..» Дед с силой опустил вниз приклад винтовки, что-то хрустнуло, бандит коротко всхлипнул и умолк.

...До рассвета трое пограничников и Кротенков отстреливались от банды сквозь амбразуры в окнах, а на заре прискакал с границы Платон Панченко с десятью бойцами, ударил банде в тыл и рассеял ее.

Тяжел был урон, понесенный в этом первом бою. Часового Гладышева нашли у ворот насмерть заколотым — наверно, бандиты неслышно подкрались к нему сзади. Панченко — ах ты, Платон, Платон, горячая твоя голова! — навек останется калекой — пуля насквозь пробила ему бедро. Кость она не задела, но, по-видимому, повредила нерв, так как нога у Платона сразу отнялась и он чуть не плакал от нестерпимой боли.

— Насмотрелся я на такие дела. Сохнуть у него нога начнет, — сказал Дед Морозову, когда они остались одни.

Бойца Мокина контузило в голову пулей, отскочившей рикошетом от круглой, обитой железом печки, но и сам Михаил и товарищи не вдруг поняли, что он оглох.

— Что вы шепчетесь?! — закричал Мокин на Деда и Морозова, а они и не думали шептаться.

Бандиты подожгли конюшню, и в огне погибли шесть лошадей, в том числе и кротенковская сибирка, верно служившая ему все годы его походной, партизанской жизни.

Потери банды были куда серьезнее — девять убитых назаровцев зарыли пограничники в дальнем распадке; наверняка были среди бандитов и раненые, да разве это могло служить утешением?..

Гладышева похоронили рядом с заставой под дубом. На прибитой к стволу дощечке Морозов выжег шомполом:

«Питерский пролетарий, красный пограничник, комсомолец Степан Гладышев. Погиб на боевом посту от злодейской руки врагов революции 12 марта 1923 года.

Вечная тебе память, дорогой товарищ!..»

...Кузнецов возвратился из Никольск-Уссурийска лишь в канун апреля. За это время заставе пришлось выдержать еще один бой — бой с бандой есаула Шубина, по счастью окончившийся для пограничников без потерь. Бойцы Ефремов и Голубев задержали трех спиртоносов, обвешанных под одеждой плоскими фляжками, наполненными ректификатом. Чтобы не было соблазна, Дед вылил спирт в речку Золотую.

— Я за беду в ответе, — заключил Федор Иванович, рассказав Кузнецову обо всем, что случилось в его отсутствие.

— При чем тут ты, товарищ Кротенков? — возразил Кузнецов. — Пусть и не было меня на заставе, а я начальник, мне и ответ держать. Не приучен я на чужие плечи вину перекладывать — это раз, а во-вторых, на войне, к

сожалению, без потерь не бывает. И плюс тоже есть — бандюков вы прсучили крепко.— Кузнецов помолчал.— Знаешь, Федор Иванович, кем оказался твой японец? Жил во Владивостоке с девятьсот восьмого года, прачкой в порту работал, а перед тем окончил в Токио академию генерального штаба. Прачка в чине полковника! Ловко? И представь себе, действительно ведь, подлюга, шел на связь к Назарову с директивой насчет объединения банд в ударную войсковую группу.

— Опять интервенцию затевают? — нахмурился Дед.— Мало им под Волочаевкой да под Спасском бока намяли?

— Пусть сунутся! — Кузнецов побарабанил пальцами по кобуре маузера.— Что же ты не спрашиваешь про своего дружка Син Хо?

— Ну, ну, как он?

— На выбор ему предложили: или жить в своей фанзе, или поехать на остров Аскольд — там создают питомник черно-бурых лисиц.

— Что же он решил?

— Поехали оба на Аскольд: и отец и сын. Кстати, я давно тебя хочу спросить, что это за штука такая «тысяча смертей»? Помнишь, ты говорил, что Син Хо спас тебя после «тысячи смертей»?

— Игра самурайская,— недобро усмехнулся Федор Иванович.— Поставят тебя к стенке, выстроят взвод солдат, офицер взмахнет клинком: «Пли!» Винтовки грохнут, а ты живехонек — холостыми палили. Потом опять на допрос поведут. Пытают, пытаются, видят, толку от их иголок да шомполов нет — к виселице приговорят. Повесят, у тебя аж глаза на лоб вылезут, и в сей момент перережут веревку — живи! И опять на допрос, опять иголки и щипцы в ход. Молчишь? Решат голову отрубить, на плаху положат, палач подойдет, размахнется и ударит топором перед самым носом. И все в таком ро-

де. Который человек нервами слабый, у того сердце не выдержит. Это вот самое и называется «тысяча смертей».

— За что же они тебя так?

— Да все пытали, сколько в Сучане в подполье большевиков осталось да где мы прячем оружие. Я тогда из Сучанского ревкома во Владивосток пришел договариваться насчет создания партизанского отряда из наших шахтеров, и не то шпики меня выследили, не то провокатор выдал. А когда я, значит, бежал из тюрьмы и в тайгу подался, меня Син Хо укрыл у себя и вылечил. Такая вот история...

Дед не любил распространяться о своих заслугах перед революцией.

— А на дворе-то, брат ты мой, полная весна! — перевел он разговор на другое.

Весна и в самом деле наступала все дружнее. С каждым днем усиливался лет дикой птицы. Никогда еще не видел Кузнецов такого множества гусей, лебедей и уток. Правда, в ветреные, холодные дни лета вовсе не было, зато в ясную погоду птичьих стаи появлялись с восходом солнца и летели до глубоких сумерек. Неумолчный шум стоял над сопками и падами. Кряканье, писк, курлыканье, шипенье, гогот — каких только птичьих голосов не наслушались пограничники!

В пасмурные дни, а особенно вечерами утки и гуси летели чуть ли не над самыми деревьями и кустами, и, по совету Деда, пограничники настреляли их несколько сот штук. Большой погреб был загодя набит льдом, и выпрошенная дичь могла сохраняться довольно долго.

А вскоре с юга пошли стада диких коз. Они шли днем и ночью, в тайге шуршало, хрустело, между деревьями мелькали быстрые тени, и пограничники в нарядах то и дело настораживались: не нарушитель ли? Не бандиты ли?

Этих коз тоже набили изрядно. Федор Иванович научил, как их нужно свежевать, солить, коптить и вялить, как подручными средствами выделывать кожу и тачать из нее сапоги и шить брюки и куртки.

— Незаменимый человек этот Дед. Трудно будет нам без него,— с грустью говорил Кузнецов Морозову.

К середине апреля на озере взломало лед, и по ночам от него тянуло холодом, будто там открыли гигантский погреб. Но дни стояли теплые, часто шли щедрые дожди, и начались разливы. Речка Золотая вышла из берегов, затопила распадки, подступила уже совсем близко к заставе. Рана у Панченко поджила, и нужно было спешить с отъездом, пока окончательно не развезло дороги.

Для Платона сделали из козых шкур носилки.

В помощь Кротенкову Кузнецов назначил двух бойцов. Возвращаясь на Золотую, они захватят из Никольск-Уссурийска почту и кое-что по мелочи, самое необходимое в хозяйстве.

Утром в день отъезда Федор Иванович зашел к начальнику взять письмо.

Кузнецов свернул письмо треугольником, надписал: «Саратов, Липки, дом бывший Бугрова, Петру Васильевичу Кузнецову».

— Бате, значит,— прочитал Кротенков адрес.— А гражданочке письмеца не будет? — кивнул он на фотографию женщины в буденовке.— Кем она, курносая, тебе доводится?

— Пулеметчицей у нас в эскадроне была. Под Жμερινкой погибла.-- Кузнецов наклонился над столом и почему-то начал перезаряжать пистолет.

— Ты, товарищ начальник, еще в губчека бумагу напиши,— неожиданно сказал Дед.

— Какую такую бумагу?

— Ну, одним словом, пусть зачислят меня в твои по-

мошники. Если, конечно, с твоей стороны не имеется возражений.

— Есть одно,— едва сдерживая радость, неопределенно сказал Кузнецов.

— Что ж замолчал? — нахмурился Федор Иванович.— Выкладывай!

— Бороду сбрей. Не к лицу пограничнику с таким помелом ходить. Чего раньше времени в старики-то определился?

— Сбреем...

— А как же с Сучаном будет, с семьей?

— Очень даже просто: на обратном пути заверну в Сучан. Даша у меня в момент соберется...

ПОСТ СЕМИ ГЕРОЕВ

К рассказам не принято писать предисловия, однако события, о которых речь будет ниже, требуют нескольких предварительных слов.

В Киргизии многие знают историю высокогорного пограничного поста Кашка-Су и, рассказывая ее, обязательно добавят, что на том месте, где стоял пост, воздвигнут памятник, на котором высечены имена семи комсомольцев-пограничников.

Если тебе, читатель, доведется побывать в тех местах, обнажи голову, суровым молчанием почти память героев и спроси свое сердце, так ли преданно бьется оно, как бились их сердца.

Дорога к «Посту семи героев» идет через Алайскую долину. По южную сторону долины возвышается Заалай, за хребтом — граница. Она извивается по ущельям, падает в пропасти, пересекает стремительные пенистые, холодные реки, круто взбирается в горы...

В апреле 1927 года в этот район, охраняемый алай-гульчинской пограничной комендатурой, вторглись из-за рубежа басмаческие банды Барбаши Мангитбаева и Джаныбека-Казы. Сотни басмачей, вооруженных старыми длинноствольными ружьями и новенькими английскими карабинами, напали на немногочисленные гарнизоны пограничных застав, стремясь прорваться в глубь Советской Киргизии.

1

О появлении басмачей первым сообщил на пост Кашка-Су вернувшийся под утро из дозора Иван Ватник: «По Черному ущелью продвигается банда сабель в двести».

Старшина поста Андрей Сидоров решил немедленно предупредить соседние заставы Ой-Тал и Ишик-Арт о грозящей им опасности. На Ишик-Арт он послал Ивана Ватника, на Ой-Тал направился сам.

Миновав спящий кишлак — с десятков прилепившихся к горному склону юрт, — Сидоров услышал конский топот. Кто-то стремительно скакал встречь. Старшина придержал лошадь и скинул с плеча винтовку-драгунку. Из-за скалы вымахнул всадник; увидев старшину, вздыбил взмыленного коня. Сидоров с удивлением узнал в лихом джигите старого чабана Сулеймана из кишлака Сары-Бай. Они познакомились два года назад, когда пограничники учили киргизов косить траву и заготавливать на зиму сено. С тех пор Сулейман называл себя вечным другом «зеленых шапок»: овцы не гибнут больше от страшного джута¹.

¹ Дж у т — массовый падеж скота от бескормицы.

Не слезая с разгоряченного коня, Сулейман с тревогой рассказал, что ночью в Сары-Бай приезжали неизвестные люди; они раздали манапам¹ винчестеры и патроны. Сегодня манапы ждут курбашей² Мангитбаева и Джаныбека-Казы. Старшине ехать через Сары-Бай нельзя. Возможно, что сейчас басмачи уже в кишлаке.

Сидоров поблагодарил старика и посоветовал ему переждать день-другой на посту: вдруг басмачи дознаются, что Сулейман предупредил пограничников.

— Седая борода не сделала Сулеймана трусливым козлом! — гордо усмехнулся чабан и повернул обратно.

Путь на заставу лежал через Сары-Бай. Но, конечно, Сулейман прав — ехать там нельзя: угодишь в засаду. Сидоров направил свою низкорослую лошадь-киргизку в объезд. Крутая тропа вывела старшину высоко в горы. Отсюда сквозь просветы в облаках виднелась Алайская долина и протекавшая вдоль нее бурная Кызыл-Су³. Размывая песок и глину, река окрасилась в бледно-кирпичный цвет. По берегам Кызыл-Су зеленели луга; на склонах росли кусты терескена и одинокие березы, храбро взбегавшие под самые облака, навстречу стройным серебристым тянь-шаньским елям. Выше, над тропой, где летом цветут лиловые фиалки и красные маки, еще не стаял снег, подновленный ночной порошей.

У брода через быструю безымянную речку старшина остановился: от его взора не ускользнули едва приметные в осыпавшейся гальке следы конских копыт. На противоположном берегу они были еще влажными: неизвестные всадники проехали тут совсем недавно. Лошади, судя по короткому шагу, были или чем-то тяжело нагружены, или устали от дальнего пути.

«И здесь басмачи!» Сидоров свернул в глухое ущелье.

¹ М а н а п ы — кулаки, богатеи.

² К у р б а ш и — басмаческие главари.

³ К ы з ы л - С у — красная вода.

Двое суток подряд начальник заставы Ой-Тал Воробьев не смыкал глаз и лишь под утро задремал, уронив голову на стол. Но тревожная дрема — не сон. Он вскочил с табурета, поправив сползшую кобуру: кто-то подскакал к заставе.

— Куприна, значит, не встретил? — нахмурился начальник, выслушав доклад старшины. — Я послал его с четырьмя бойцами вам в подкрепление.

— Не встретил, — подтвердил Сидоров. — Я ехал через ущелье. В Сары-Бае басмачи.

— Веселое дело! — в сердцах произнес Воробьев.

Вторые сутки из самых различных пунктов на заставу поступали сообщения о появлении в горах басмачей. Однако до приезда Андрея Сидорова не было известно, что они уже так близко. Будь телефон, все обернулось бы по-другому, о басмачах давно знала бы комендатура, но разрушенную лавиной телефонную линию раньше июня не восстановить.

На заставе осталось всего пятнадцать бойцов, и расплывать силы, направляя в кишлаки и на высокогорные посты еще других пограничников, было явно неразумно.

На прощание Воробьев сказал старшине:

— Если Куприн не прибыл, уничтожь документы и пробивайтесь сюда. Все уничтожь! Понятно? Вшестером, вам не продержаться. А я пошлю в Алай-Гульчу гонца...

Вместе с командиром отделения Куприным на усиление поста Кашка-Су направлялись пограничники Сомов, Охупкин, Багиров и Гребешков.

На рассвете, не подозревая о засаде, они въехали в

расположенный по пути спящий кишлак Сары-Бай и тотчас были окружены несколькими десятками притаившихся басмачей. Схватка была неравной и недолгой. Под Куприным, Багировым и Сомовым сразу убили лошадей, и не успели пограничники подняться с земли, как их оглушили ударами прикладов.

Гребешков дрался упорно. Обнажив клинок, он врубился в гущу врагов, ранил двоих, но его вышибли из седла. Привстав на колени, Гребешков изловчился и нанес удар подскакавшему басмачу, но тут же был смертельно ранен в спину. Он был уже мертв, а его все еще кололи и били...

Дольше всех сопротивлялся Охапкин. Свалив в ожесточенной схватке троих басмачей, он вырвался из кольца банды и поскакал в горы.

Внезапно конь его оступился и, сломав ногу, рухнул. Разъяренные бандиты настигли Охапкина и взяли в сабли. Один удар рассек ему руку, сжимавшую драгунку, другой обрушился на голову.

Окровавленного, потерявшего сознание пограничника басмачи сбросили в пропасть...

4

Возвратившись с заставы Ой-Тал на пост Кашка-Су, Сидоров убедился в самых худших своих предположениях: посланная начальником заставы поддержка не прибыла. Хорошо еще, что благополучно вернулся из Ишик-Арта Иван Ватник, незамеченным проскочивший мимо басмаческого коша¹.

Старшина сжег документы, а потом велел вытащить во двор запас продовольствия, постели, книги, свалить все в кучу, облить керосином и поджечь.

¹ Кош — стоянка, бивак.

С собой Сидоров взял только патроны и пулемет да разрешил Ивану Ватнику захватить общую любимицу— балалайку.

Пограничники сумрачно смотрели на пламя, уничтожавшее добро, с таким трудом доставленное в горы.

Какой же дорогой добираться до заставы? Через Сары-Бай ехать нельзя; ущельем, по которому старшина вернулся с Ой-Тала, рискованно: того и гляди, наскочишь на банду — он видел недалеко в горах дымы от костров. И Сидоров решил направиться дальним кружным путем, через старый заброшенный перевал.

Поодиночке переехав повисший над пропастью раскачивающийся ветхий мост, пограничники поднялись на замшелую скалу и вдруг увидели басмачей: десять бандитов в белых чалмах и разноцветных халатах, лошадей к лошади, преграждали тропу. И у каждого — сабля и карабин. А слева, с крутого склона, спускались новые всадники.

«Сколько же их? — прикинул Сидоров. — Сотня? Полторы?.. Что делать?» Путь назад под градом пуль был так же бессмыслен, как прыжок в пропасть.

— Прорвемся, — не оборачиваясь, негромко сказал старшина товарищам. — Вперед!

Пригнувшись к лукам седел, стреляя на полном скаку, пограничники врезались в цепь басмачей и прорвали ее.

Свист ветра в ушах, грохот выстрелов, искры из-под копыт, спазма в горле и одна мысль: «Скорее, скорее, скорее!..»

Ошеломленные дерзким маневром пограничников, басмачи ринулись вдогонку. Всё ближе и ближе за спиной бойцов цокот подков, все громче и неистовее крики: «Алла, алла!..»

Верстах в четырех от поста, близ перевала, находилась старая заимка. В бураны и в непогоду пограничные

дозоры заезжали сюда обогреться, высушить одежду, передохнуть. Сложенный из крепких толстых бревен домик мог служить на первых порах чем-то вроде редута. Притулившись к отвесной скале, почти у самого края глубокого ущелья, заимка как бы запирала узкую тропу, по которой в этом месте с трудом могли проехать рядом четыре всадника.

У этой-то заимки пограничники и спешились. Бросив на произвол судьбы коней, они вбежали в домик, забаррикадировали дверь, заложили окна камнями, оставив небольшие амбразуры.

— Мы должны задержать банду,— сказал старшина Сидоров.— По дороге через Сары-Бай и через ущелье взять нашу заставу в лоб басмачам будет трудно — застрада там неплохо защищена, а с тыла, с перевала...

Отлично понимали значение заимки и басмачи. Не рискнув сунуться под пули укрывшихся в маленькой крепости пограничников, они дожидались наступления ночи. А ночью, едва молодая луна скрылась за гребнем хребта, начался бой.

В заимке никто не спал. Огня не зажигали, сидели в темноте, по очереди дежуря у окон.

— Ползут! — доложил прильнувший к амбразуре Николай Жуков.

— Стрелять только наверняка! — приказал старшина.— Ватник и Бердников, за мной!

Ночью из заимки можно проглядеть врагов, и Сидоров решил устроить заслон на тропе.

Иван Ватник и Яков Бердников выбрались вслед за старшиной из домика и залегли за камнями.

Где-то в горах сорвалась лавина. Еще не умолк ее гул, отраженный многоголосым эхом, как Сидоров выстрелил. Первый из ползущих по тропе басмачей, не вскрикнув, ткнулся лицом в камни и замер; второй вскочил и, не успев сделать шага, свалился в пропасть. Берд-

ников стрелял не хуже старшины. Тотчас басмачи, притаившиеся за скалами, открыли беспорядочный огонь.

В эту ночь они трижды пытались прокрасться к заимке, чтобы окружить ее, но безуспешно.

Под утро, когда Сидоров, Бердников и Ватник вернулись в домик, раздался негромкий стук в дверь.

— Откройте... Свои...

Сидоров приотворил дверь. В заимку вполз молодой киргиз, на спине у него лежал пограничник Владимир Охапкин, сброшенный бандитами в пропасть за кишлаком Сары-Бай. Охапкин упал в глубокий снег на дне пропасти, и это спасло его...

— Я видел, как басмач его кидал,— рассказал киргиз.— Мой комсомолец. Мой зовут Джурабаев Асылбек. Меня отец посылал. Я сын Сулеймана, чабана Сулеймана Джурабаева.

Охапкину перевязали раны, напоили его водой.

— Куприн попал в засаду...— едва слышно прошептал он.

5

В старой конюшне, куда втолкнули связанных по рукам и ногам пограничников, была темень, хоть глаз выколи. На дверях звякнул замок, голоса басмачей удалились.

— Сомов, как ты? — шепотом позвал Куприн.

— Цел я, товарищ командир, черепок малость повредили.

— И я цел,— отозвался Багиров.

Повернувшись, Куприн почувствовал плечом что-то мягкое. Вскоре, освоившись в темноте, он разглядел неподвижно лежащего человека.

— Товарищ, товарищ, откуда ты?..

Человек пошевелился, но ничего не ответил.

После полудня двери растворились, с улицы ворва-

лось солнце, и, прищурившись от яркого света, Куприн увидел, что рядом лежит председатель кишлачного Совета Рехимбай. Во рту у него торчал кляп.

В конюшню вошел человек с черной бородкой клинышком и отекавшими веками; следом за ним два басмача втащили обессилевшего, окровавленного старика. Лицо старика было изуродовано, на губах пузырилась алая пена. Куприн вздрогнул: это же чабан Сулейман!..

Бросив чабана на пол, басмачи подошли к Куприну. Пнув его в бок, один из них сказал на ломаном русском языке:

— Твоя принимает веру Магомета? Мангитбаев честь предлагает.

— Думай, пожалуйста, до второго восхода солнца. Ничего не придумаешь — ушиотрежем, носотрежем, снова думаешь, — с издевкой добавил человек с отекавшими веками.

Куприн промолчал. Басмачи заткнули пленным рты вонючей свалявшейся бараньей шерстью и, громко пересмеиваясь, ушли. На дверях снова звякнул замок.

Минули день, вечер, холодная ночь. Наутро опять приходили басмачи. Сказав Куприну: «Долго думаешь, плохо будет!» — один из них рывком вытащил изо рта Куприна клочок шерсти, поднес к губам пиалу, наполненную прозрачной водой. Куприн отвернулся.

— Ой, скажи пожалуйста, какой бай! — Басмач зло заткнул Куприну рот и протянул пиалу Сомову.

Сомов жадно прильнул к пиале, глотнул и тотчас выплюнул: вода была соленая. Басмачи захохотали, довольные хлопая себя по бокам.

Наступила вторая ночь. Куприн сознавал, что некому прийти им на выручку, и в бессильной ярости скрипел зубами. «Неужто так и погибнем здесь?.. Что сейчас на посту Сидорова? И на заставе? Может быть, на них уже напали басмачи?»

Слева кто-то перекатывался с боку на бок. Кто? Спросить невозможно: вонючая шерсть слиплась во рту, шерстинки попали в горло. Напрягая силы, выгнув шею, Куприн чихнул. Кляп вылетел, как пробка из бутылки. Потихоньку откашливаясь — не дай бог, чтобы услышали часовые, — Куприн почувствовал, как кто-то тронул его за ногу.

— Я, это я... — слышался сдержанный шепот.

— Багиров? — узнал Куприн по голосу.

— Я самый, товарищ командир, — подтвердил пограничник и, торопливо нащупывая узел, развязал стягивающие Куприна веревки.

— Это ты катался? — разминая затекшие руки, прошептал Куприн.

— Я... Со вчерашнего вечера катаюсь, еле-еле распутался. Хорошо, что бандюки ко мне не подошли.

Вдвоем они быстро развязали Сомова и Рехим-бая. Теперь нужно освободить старика Сулеймана. Куприн пошарил вокруг и наткнулся на скрюченные холодные пальцы чабана...

Обследовав все закоулки тюрьмы, пограничники решили попытаться сделать подкоп в дальнем от дверей углу. Они вооружились найденным в куче мусора кетменем, пряжками от ремней и с ожесточением начали долбить закаменевший глиняный пол.

6

Восемь суток Сидоров командовал крошечным гарнизоном, отбивая ночные атаки басмачей и не пропуская банду к заставе.

Рассказ Охапкина о захвате кишлака Сары-Бай не оставлял сомнений: басмачи попытаются окружить заставу. Ясно, что Воробьев не может прийти на выручку. Однако Сидоров не сомневался, что вот-вот придет

подмога из Оша. Смог же Ватник проскочить к Ишик-Арту и обратно. Наверняка и гонец заставы доберется до Алай-Гульчи, до комендатуры...

Обнаруженный в заимке небольшой запас сухарей, рассчитанный на двух-трех бойцов, был съеден.

Каждое утро Сидоров выдавал товарищам по половине сухаря. Сам он, как и все остальные, исключая Ивана Ватника, немедленно сгрызал кусочек окаменевшего хлеба. А Ватник умудрялся дробить свою порцию на три и во время ужина делился крошками с раненым Охапкинским или Бердниковым. А оттуда, где расположились басмачи, ветер доносил запахи жареной баранины.

Мучимый ранами Владимир Охапкин и больной, в жару Яков Бердников — он болел ангиной — лежали на скамьях. Ослабевшие от голода Валерий Свищевский, Иосиф Шаган, Николай Жуков и Асылбек Джурабаев — вповалку на земляном полу. Андрей Сидоров с Иваном Ватником — они чувствовали себя лучше других — попеременно дежурили у амбразур.

Басмачи атакывали заимку лишь по ночам, но наблюдать за ними нужно было круглые сутки.

За восемь дней в часы затишья обо всем уже было переговорено. Зимой на посту Кашка-Су они почти никогда не находились все вместе, разве что случайно, в снежные бури, когда неистовый горный ветер не давал возможности выйти из поста наружу. В другое же время жизнь их, суровая, трудная жизнь стражей границы, протекала так же, как на любой пограничной заставе: кто-то был в служебном наряде, кто-то отдыхал, или читал учебник политграмоты, или чинил обмундирование; глядя сквозь окно на заснеженные хребты, видел родной завод, родную деревню, слышал песнь матери, невнятное бормотание бабки, отбивающей перед иконой земные поклоны, задорную комсомольскую песню «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...».

Здесь же, в высокогорной заимке, осажденной басмачами, пограничники были все вместе и, продремав пару часов после тревожной ночи, не могли молчать. Каждый не таясь поведал историю своей недолгой жизни, вспоминал родных и любимых.

— Когда я окончил фабзавуч и сдал норму на слесаря третьего разряда,— рассказывал Сидоров,— отец созвал гостей, своих старых дружков по цеху, и при всех подарил мне кронциркуль. Он с этим кронциркулем работал, когда на нашем заводе делали бронепоезд «Смерть капиталу!». Отец на том бронепоезде с Колчаком воевал...

— А моего батьку кулаки убили, на вилы подняли,— отозвался Коля Жуков.— Батька в нашем селе председателем комбеда был...

— Я инженером стану по электрической части,— мечтал Яша Бердников.— Не верите? Честное комсомольское! Отслужу действительную — и на рабфак.

— А что, ребята, деньги при коммунизме останутся? — спрашивал Иосиф Шаган.

— Нужники из золота делать будут,— усмехнулся Иван Ватник.

— Победит пролетарская революция во всем мире — соберемся мы с вами, седые, бородатые, и пригласим к себе в гости негра из Африки, индейца из Америки, китайца из Шанхая, рудокопа из Англии — садитесь за наш стол, угощайтесь пельменями, запивайте винцом, рассказывайте, как вы буржуйам по шеям надавали, пойте свои песни! — мечтал Валерий Свищевский.— Эх и много, наверно, хороших песен на всем земном шаре!.. А до чего ж хорошо наши девчата на посиделках поют! Как затянут: «Калинка, калинка, калинка моя...»

Как-то на третий или на четвертый день осады вместе с запахом жареной баранины ветер донес из вражьего стана унылые звуки кобыза¹.

¹ К о б ы з — трехструнный музыкальный инструмент.

— Разрешите, товарищ старшина? — схватил Иван Ватник совсем было забытую балалайку.

— Отвечай! — кивнул Сидоров.

И Иван ответил. Он лихо сыграл веселую «Барыню», озорного «Казачка», грозную «Варшавянку».

С этого дня каждый вечер перед заходом солнца, перед началом неравного ночного боя, из осажденной заимки задорно, величаво и грозно звенела русская балалайка. Ей вторили громкие молодые голоса. Они пели и народные русские и украинские песни, и песни революции. Последним сквозь растворенную дверь гремел над ущельем, над горами «Интернационал».

Сын старого чабана Сулеймана Асылбек плохо знал русский язык, но он тоже пел вместе со всеми. Оживлялся и Владимир Охапкин, приподнимался, опираясь на здоровую руку, из глаз его исчезала боль, и он подпевал товарищам молодым, ломающимся баском. Подпевал вполголоса, с хрипотцой и Яков Бердников...

Если бы в заимку смог заглянуть посторонний человек, он не поверил бы, что гарнизон Сидорова находится в осаде, что уже который день пограничники голодают и по ночам их донимает мороз, что почти предрешена их гибель.

Могли ли они надеяться на помощь заставы? Они сами помогали ей, сдерживая банду.

Могли ли они хоть на один миг задуматься: не принять ли ультиматум Барбаши Мангитбаева о сдаче в плен? Они бы сами казнили первого, кто предложил им изменить присяге. В чудо они не верили, каждый из них понимал, что их ожидает, но разве легко смириться со страшной неизбежностью?..

На девятый день иссякли патроны.

— Кончено! — прохрипел Яков Бердников, прислонив к стене винтовку.

— Что? Что ты сказал? — нахмурился Сидоров.

— Патроны кончились,— поправился Бердников и натужно закашлялся, схватившись рукой за горло.

— А сколько у тебя? — обратился старшина к Ивану Ватнику.

— Три обоймы.

— До утра не хватит,— вставил Николай Жуков.

— А у тебя сколько? — спросил старшина.

— Пара...

— Я знаю, о чем вы думаете: почему не попытаться счастья и не пробиться в горы?

Все повернулись к старшине. Даже невозмутимый Иван Ватник на мгновение отпрянул от амбразуры.

— Все мы, конечно, не пробьемся,— продолжал Сидоров,— но, может быть, кто-нибудь и уцелеет... А если мы уйдем отсюда хотя бы на час раньше,— повысил голос старшина,— басмачи на час раньше попадут к нашей заставе.

— Мы не уйдем! — ответил за всех Иван Ватник.

И тихо стало в заимке.

— Товарищи! — прозвучал в тишине голос Андрея Сидорова.— Родина не забудет нас. От лица командования благодарю вас за верную службу!

Старшина подошел к каждому, каждого обнял и троекратно, по-русски, поцеловал: в правую щеку, в левую щеку и в губы.

7

Бежав из плена, Куприн и его товарищи несколько дней окольными путями пробирались к заставе. На леднике они встретили Асылбека Джурабаева. Едва живой, изможденный, юноша полз, цепляясь обмороженными пальцами за камни.

— Это сын Сулеймана! — сказал Рехим-бай Куприну.

— Мой был вместе с Андреем... Сидоровым... Он послал меня... — с трудом вымолвил Асылбек.

— Где Сидоров? Где все они? — с тревогой спросил Куприн...

Это было 24 апреля. А через сутки прибыл отряд пограничников из Оша. Отряд разгромил банды Барбаши Мангитбаева и Джаныбека-Казы, снял осаду с пограничных застав.

Воробьев с Куприным, Асылбеком Джурабаевым и группой бойцов поскакали в горы. На месте старой заимки они обнаружили обуглившиеся развалины. Из-под головешек извлекли семь трупов, семь винтовок с обгорелыми прикладами и закопченный пулемет.

Ни у одной винтовки не оказалось затвора, пулемет был без замка. Их нашли позже, под обломками очага. Перед смертью Сидоров и его товарищи испортили оружие, чтобы им не могли воспользоваться басмачи.

На стальном щитке пулемета чем-то острым было выцарапано:

23. IV-1927 ГОДА

Да здравствует коммунизм!

Андрей Сидоров, Яков Бердников, Владимир Охупкин, Иван Ватник, Валерий Свищевский, Николай Жунов, Иосиф Шаган.

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Проводника Ислама обвязали под мышками веревкой и начали опускать в колодец. Неужели и здесь не будет воды? Хотя бы такой, какая оказалась в Бурмет-Кую: солоноватой, пахнувшей сероводородом.

Булатов сидел около сруба и следил воспаленными, покрасневшими глазами за медленно скользящей вниз веревкой. Рядом стоял командир отряда Шаров. Просто непостижимо, как он способен стоять под таким солнцем в гимнастерке, туго перекрещенной портупеей!

Всего пятнадцать пограничников из ста могли держаться на ногах. Они столпились у колодца в нетерпеливой надежде. Остальные лежали на песке. Многие были без сознания, некоторые бредили, а пулеметчика Гав-

рикова пришлось связать: он вскочил вдруг, негромко засмеялся, побежал к бархану, упал на колени, набрал в пригоршню горячего песка и с жадностью начал его глотать.

Врач отряда Карпухин вылил в пиалу из бачка с неприкосновенным запасом последнюю ложку воды, добавил несколько капель клюквенного экстракта и дал больному. А не прошло и минуты — сам потерял сознание.

С каждым часом палящий зной становился нестерпимее. Но куда скрыться от зноя в пустыне? Будто окаменев, втянув под панцирь голову и лапы, лежали на склонах барханов черепахи. Лошади сгрудились, понунив головы, тяжело вздымая бока. Даже каракумские жаворонки, нахохлившись, раскрыв клювики, притаились в безлистных кустах саксаула.

Только неумолимые пустынные славки, совсем крохотные пичуги, — видно, им жара нипочем! — перепархивали с саксаула на саксаул да юркие ящерицы стремительно перебежали от норы к норе.

В голубовато-желтом небе, словно впитавшем в себя цвет бескрайних песков, — ни облачка, одно рыжее беспощадное солнце.

Воды!.. Если бы выпить сейчас хоть глоток воды!.. А веревка все скользит и скользит, будто у колодца нет дна.

Булатов с усилием облизнул сухим, распухшим языком потрескавшиеся губы. Он сидел на плаще, распоясанный, расстегнув ворот скоробившейся от соленого пота гимнастерки, обмотав голову полотенцем, и тяжело, прерывисто дышал. Лицо его, с которого за короткую зиму не успевал сходить загар, стало темно-коричневым. На крутом лбу, на заострившемся носу, на обтянутых скулах кожа облупилась.

Веревка на секунду приостановилась и тотчас же отчаянно заплясала.

— Вытаскивай! — скомандовал Шаров.

Комсомольцы Никитин и Сахаров — они чувствовали себя лучше других — навалились на рукоятку железного ворота, и через минуту-другую в шестиграннике сруба появилась чалма проводника.

— Плохо, начальник, совсем плохо! — в страхе пробормотал Ислам и разжал кулак: на ладони лежал сухой песок.

Булатов тревожно посмотрел на командира: «Что же теперь делать?»

— Будем откапывать! — сказал Шаров.

Ислам поднял руку и легонько подул на ладонь. Песчинки разлетелись.

— Совсем сухой! На дне сухой, с боков сыплется. Обвал будет, другой колодец надо идти.

Идти до другого колодца? Булатов оглянулся на неподвижно лежащих пограничников. Куда с ними? Они и подняться не смогут.

Шаров наклонился к Булатову:

— Надо откапывать. Как себя чувствуешь?

Булатов уперся руками в обжигающий песок и, пошатываясь, встал. Барханы закачались перед глазами и полезли кверху; вместо лица командира он увидел расплывчатое желтое пятно. Тряхнул головой, и барханы остановились.

— Надо! — согласился он.

— Обвал будет! — всплеснул руками проводник.—
Пожалуйста, верь Исламу. Дальше идти надо.

Ислам лет тридцать чабанил в Каракумах, и Шаров всегда считался с его советами, но сейчас приходилось пренебречь житейским опытом старого туркмена и попытаться добыть воду именно здесь.

Булатов застегнул непослушными, дрожащими пальцами ворот гимнастерки, подпоясался, стащил с головы полотенце, надел фуражку и, тяжело ступая, подошел к распластавшимся на песке бойцам. Те, кто имел еще силы, повернулись к нему. Некоторые смотрели так, словно им было все равно, что скажет сейчас этот низенький,

плотный, крутолобый человек. Они уважали и любили его, секретаря партийного бюро своего отряда, но что он может сделать? Скажет: «Будем ждать каравана». А где этот караван? Может быть, он уже прошел где-нибудь рядом за барханами и не заметил дыма сигнальных костров...

Булатов откашлялся и хрипло, не узнавая собственного голоса, сказал:

— Товарищи коммунисты и комсомольцы! Кто из вас может встать?

Несколько пограничников медленно поднялись.

Булатов сосчитал их. Шесть человек: секретарь партбюро второго эскадрона Киселев, комсомолец-снайпер Семухин, рыжеволосый, веснушчатый балагур Ярцев, три новичка, земляки, — иркутчане Молоков, Добров, Капустин.

Булатов перевел дыхание и продолжал, невольно делая после каждой фразы паузу:

— Наш долг — быстрее прийти на помощь отряду Джураева... Не поддержим — погибнут товарищи...

И тогда с трудом поднялись еще трое: коммунист Забелин, комсомольцы Кругликов и Садков.

— Надо откопать колодец...

И тогда, пошатываясь, поднялись беспартийные бойцы Вахрушев и Коробов.

«Только бы самому не упасть!» — подумал Булатов и, помолчав, собравшись с силами, закончил:

— Первыми со мной спускаются товарищи Киселев и Никитин.

— Может, тебе самому-то, Сергей Яковлевич, не спускаться? — негромко спросил Шаров, обвязывая Булатова веревкой.

— Спущусь.

— Ну гляди, чтоб была вода, — деланно улыбнулся Шаров.

— Будет!..

Булатов пятый год служил в этих краях на границе, но, родившись и выросши в верховьях Волги, так и не мог привыкнуть к здешнему климату и мучительно переносил тропическую жару каракумского лета. Не раз во время переходов по пустыне он мысленно принимал решение обратиться к командованию с просьбой перевести его куда-нибудь в более прохладное место. На Кольский полуостров, в Карелию, на Чукотку — куда угодно, только бы там не было этой палящей жары! Однако стоило ему немного отдохнуть, отмыть пыль, напиток горячего, крепкого, утоляющего жажду зеленого чая, как приходили совсем другие мысли. Если все станут жаловаться на жару и добиваться перевода в прохладные места, кто же будет служить в Каракумах? Ведь не одному ему здесь тяжело! И Шарову не сладко: чуть ли не каждый год его треплет лихорадка, а терпит!..

«Никуда я не уеду, пока здесь будет хоть один басмач», — говорил Сергей командиру.

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов положение на границах среднеазиатских советских республик было тревожное. Десятки басмаческих банд чуть ли не каждый день нарушали советскую границу, прорывались в тыл, совершали набеги на мирные кишлаки, грабили и сжигали их, убивали советских активистов, увозили награбленное, угоняли пленных и скот.

И где бы ни появлялись басмачи — на плоскогорьях ли Памира, среди хребтов Тянь-Шаня или в отрогах пустынного Копет-Дага, в жарких прикаспийских и приаральских степях или в оазисах великой Каракумской пустыни, — где бы они ни поили своих коней — в холодном горном потоке или в широкой мутной Амударье, в бурном Мургабе или в стремительном Чирчике, — всегда следы их вели за Пяндж и Кушку, за Атрек и Сумбар — за границу. Там басмачи получали новенькие английские

карабины и пулеметы, и офицеры в белых пробковых шлемах учили бандитов, как нужно обращаться с незнакомым оружием. В лондонских и ньюйоркских банках и биржах хорошо знали цену туркестанского хлопка и за тысячи верст чужали запах закаспийской нефти...

Части Красной Армии и пограничной охраны разгромили все эти банды. И вдруг снова набег...

Перед тем как отправиться в погоню за бандой Ахмат-Мурды, Шаров сказал секретарю партбюро:

— Ну что ж, Сергей, скоро, значит, распрощаемся? Историю идем делать! Последнюю басмаческую банду громить!..

И вот как обернулась эта история. Вместо того чтобы настичь банду Ахмат-Мурды, они сами оказались на краю гибели...

Известие о том, что Ахмат-Мурда снова прорвался через границу из Персии и устремился в наш тыл в Каракумы, было получено четвертого мая 1933 года, но пограничники с неделю не могли напасть на след банды. Обнаружил ее туркменский добровольческий отряд Касыма Джураева. Джураев сообщил об этом по радио, указав приблизительно свое местонахождение — километрах в двухстах к северо-востоку от пограничного оазиса. У Ахмат-Мурды четыреста сабель, у Джураева — всего пятьдесят, и он не ввязывался в бой, а, скрываясь в песках, не выпускал банду из виду.

По сообщению Джураева, Ахмат-Мурда шел к югу. По-видимому, он намеревался опять безнаказанно бежать за кордон, и следовало спешить.

Отряд выступил из оазиса с рассветом 10 мая. Вслед шел караван с запасом воды и фуража. Накануне Шаров и Булатов вместе с колхозниками отобрали для каравана верблюдов, хотя, по сути дела, выбирать было и не из чего. Только недавно закончилась пахота и полив, да к

тому же была пора линьки, и «корабли пустыни» имели изможденный вид: шерсть в клочьях, горбы обвисли. Самые крепкие верблюды могли поднять пудов по шести, по семи, не больше.

Пустыня началась сразу за последними домами и дувалами кишлака. «Су-ал!»¹ — машинально прочитал Булатов давно знакомую предостерегающую надпись на прибитой к придорожному столбу дощечке.

Высокие пирамидальные тополя и раскидистые карагачи, словно испугавшись пустыни, остались на границе оазиса — зеленого островка в океане безводной суши.

Редкие кустики не то серой, не то блекло-голубой пыли казались давно высохшими и омертвелыми. Впечатление было обманчиво — полынь покрылась лёссовой пылью. Вправо от караванной дороги стояли развалины древней крепости, помнившей Тамерлана, и гряда заброшенного арыка.

Переехав влажную низину — старое русло могучей реки, ушедшей по неведомым законам пустыни за сотни верст к западу, — отряд очутился на щебенчатой равнине, покрытой зеленой травой. Отара колхозных овец паслась под присмотром стариков чабанов.

— Селям алейкум! — скинув мохнатые папахи, приветствовали чабаны пограничников.

— Селям! — ответили Шаров и Булатов; они ехали во главе отряда.

На вторые сутки щебенчатую пустыню и гамаду², покрытую полынью и песчаной осокой, сменили пески. Куда ни глянь, всюду возвышались барханы и закрепленные белесым саксаулом бугры по десять, а то и по пятнадцать метров высотой.

Между барханами и буграми встречались такыры — голые ровные пространства глинистого слежавшегося со-

¹ Возьми воды!

² Г а м á д а — гипсовая пустыня.

лончака, гладкого и блестящего, как натертый паркет. В пору весенних дождей вода держится на такырах месяц, два, иной раз спасая путников от жажды. Но дождей давно уже не было, такыры затвердели, кони выплясывали на них, словно на льду, и бежали веселее. Родовались и всадники, уставшие от бесконечной качки на осыпающихся барханах.

Кончался такыр — и опять пески. Легкий ветер дул с юга, и за отрядом неотступно следовало облачко песчаной пыли...

Несколько раз палящее солнце прочертило горизонт с востока на запад. Знойные дни сменялись холодными ночами. Мороз опускался на Каракумы так же быстро, как поутру возвращалась жара.

Пограничники спешили, и именно поэтому Шаров и вышел из оазиса раньше, чем караван с водой и фуражом. Однако быстрого темпа лошади выдержать долго не могли: Шаров вел отряд, минуя караванные дороги, по азимуту. Лошади увязали в сыпучем песке, и приходилось идти смешанным маршем: час верхом, полчаса ведя коней в поводу, десять минут отдыха. С наступлением же сумерек продвигались только пешком. Часто попадались норы черепах. Песок был так изрыт ими, что на быстром шагу́ груженная лошадь могла вывихнуть ногу. Темнота сгущалась быстро, и не оставалось ничего другого, как останавливаться и ждать восхода луны.

Вечером и люди и лошади чувствовали облегчение. Едва не задевая крыльями гребни барханов, летали козодои; нет-нет да выглядывали на поверхность ушастые ежи, и длиннохвостые тушканчики совершали головокружительные прыжки.

На привале начиналось оживление: дежурные делали галушки, и первый же глоток чая развязывал языки.

Чтобы уберечься от ночных заморозков, пограничники приготавливали теплые лежанки по старинному турк-

менскому способу: отрывали на склоне бархана неглубокие ямки, наполняли их раскаленными углями и сверху засыпали песком.

С востока тянуло холодом. Над океаном пустыни мерцали непостижимо далекие звезды. Млечный Путь гигантским светящимся шарфом опоясывал черное небо. Тишина, страшная, гнетущая тишина, царила вокруг.

Шаров и Булатов почти не спали. Где же караван? Неужели он действительно прошел мимо, не заметив дыма сигнальных костров?..

На седьмой день пути запас воды, взятый с собой отрядом, иссяк. Каравана все еще не было...

«Ах, отхлебнуть бы сейчас один, только один глоток воды!..» Булатов вспомнил о трагической гибели в Каракумах экспедиции поручика Бековича-Черкасского, посланного Петром Первым на поиски нового русла Амударьи, повернувшей вспять от Каспийского моря. Вспомнился и поход самонадеянного царского генерала Маракозова через Каракумы в Хиву. Генерал хвастливо уверял, что пустыня страшна лишь для трусов, и отправился в путь с запасом сушеной капусты, лимонов и коньяку, без достаточного количества воды. Две тысячи солдат и пять тысяч лошадей нашли тогда могилу среди песков...

На восьмые сутки новая беда обрушилась на отряд: прервалась радиосвязь с Джураевым.

Весь вечер радист выстукивал на ключе: «Пятерка», «Пятерка», вы слышите меня? Отвечайте! Я — «Тройка». Настраивайтесь! Раз, два... «Пятерка», вы слышите меня?..»

В отряде уже все спали, кроме часовых, а Шаров и Булатов все еще сидели около радиста и ждали. Но Джураев не отвечал. Что же случилось с Касымом? Может, у него испортилась рация? Хорошо, если так, потому что молчание Пятерки могло означать только одно

из двух: порчу рации или гибель отряда. Неужели осторожный, расчетливый Джураев ввязался-таки в бой с бандой?

С восходом луны Шаров приказал поднять людей, и отряд продолжал свой путь на северо-восток.

Луна взошла мутная, подернутая серой пеленой — предвестие самума.

Ветер, сначала тихий, часам к семи утра набрал силу. Барханы задымились. Песчаная пыль закрыла небо. Все кругом стало желто-серым, зыбким. Тонкое, скрипучее пение песков не предвещало доброго. Часам к девяти совсем потемнело. Столбы взметенного ветром песка, покачиваясь, поднимались на вершины барханов и стремительно мчались дальше. Свист урагана заглушал все звуки. Песок не сыпался, а лил и хлестал сверху, с боков — отовсюду. Люди и лошади легли, прижавшись друг к другу. Нельзя было не только поднять голову, но даже глубоко вздохнуть.

Самум бушевал чуть ли не целые сутки, и, когда он унесся куда-то на запад, Шаров пошел по компасу к колодцу Бурмет-Кую в надежде найти там караван. Каравана не оказалось, а вода в колодце была соленая, пахнущая сероводородом. Возможно, караван и останавливался у Бурмет-Кую и, обнаружив непригодную для питья воду, отправился дальше...

Так они потеряли друг друга в центре великой Каракумской пустыни — отряд пограничников и караван с драгоценным запасом воды и фуража. Тщетно через каждый час пути зажигал Шаров новые и новые сигнальные костры.

На другой день после самума отряд подошел к колодцу Бак-Кую.

В колодце валялся дохлый верблюд.

Установили рацию, опять вызывали Джураева, и опять Пятерка не отвечала.

Булатов и Шаров стояли на гребне высокого бархана. — Ты видишь? Видишь это озеро? — быстро заговорил Булатов. — Вон там, вдали, озеро! Вон за теми кустами, за тамариском!

Вдали не было ни озера, ни кустов. Всюду вздымались только желтые гигантские волны песка. Горизонт струился, и в этом знойном мареве измученный жаждой человек мог увидеть не только озеро, но и реки и города. То был мираж...

Отряд двинулся дальше.

...Достигнув дна колодца и освободившись от веревки, которую тотчас вытянули наверх, Булатов присел на корточки и пощупал дно и стены. Всюду сухой, текучий песок.

Постепенно глаза привыкли к полумраку, и Булатов убедился, что опасения Ислама были не напрасны — до чего же ветхи стены сруба!..

На дне колодца было не так жарко, как наверху, и Булатов порадовался тому, что спустился сюда. Не дожидаясь Киселева с Никитиным, он стал насыпать в ведро песок. Раз, два, три... Вдруг лопата уперлась во что-то твердое. Неужели и здесь басмачи сбросили в колодец сдохшего верблюда? Почему же не пахнет падалью?

Смахнув со лба пот, вытерев шею — ну и духота! — Булатов вспомнил вчерашний мираж. До чего же явно виделись и озеро и зелень кустов!..

В колодец спустились Киселев и Никитин. Втроем они откопали колоду, когда-то служившую для водопоя — в нее и уперлась лопата Булатова, — а потом черепки разбитых пиал.

— Басмачи постарались! — зло сказал Киселев.

Спустя полчаса Киселева и Никитина сменили Сахаров и Садков.

Рядом с колодцем, на поверхности, медленно рос хол-

мик сухого песка, смешанного с углем и золой давних костров. К исходу второго часа невероятных усилий извлеченный со дна колодца песок стал чуть влажным, а вскоре, когда его вытряхивали на землю, он уже сохранял форму ведра.

Неописуемое волнение охватило лагерь. Обессиленные от жажды люди подползали к колодцу. Кое-кто пытался помогать оттаскивать песок от сруба. Лошади, чуя влагу, поворачивали головы к колодцу, нетерпеливо ржали.

«Вода будет»,— написал Булатов на вырванном из блокнота листочке и послал записку наверх Шарову.

— Скоро пойдем на поиски Джураева! — громко объявил командир бойцам. С тревогой подумал: «Где Джураев?»

Прошло еще минут двадцать, однако песок не становился более влажным, наоборот, он почему-то опять начал рассыпаться. Ислам пощупал песок, сокрушенно покачал головой:

— Снег таял, в глубину ушел!..

Объяснение было правдоподобным, но до чего не хотелось в него верить! Измерили веревкой глубину колодца: тридцать один метр! Шаров знал, что в здешних местах средняя глубина колодцев тридцать метров, и запросил Булатова:

«Стоит ли дальше копать?»

«Без воды не поднимусь!» — написал в ответ Булатов.

У него кружилась голова, он едва держался на ногах, но его не покидала уверенность, что они во что бы то ни стало добудут воду.

— Командир сказал, чтобы вы поднялись наверх,— передал Булатову вновь спустившийся в колодец комсомолец Никитин.

— Скажите, что чувствую себя хорошо,— хрипло сказал Булатов.

Время от времени он садился на дно, подогнув ноги, чтобы не мешать товарищам, и несколько минут сидел так, не чувствуя тела, упрямо твердя себе: «Добудем воду, добудем!..»

Еще полчаса прошло и еще полчаса, а песок все такой же сухой, сыпучий.

«Кто это так тяжело и хрипло дышит? — прислушался Булатов.— Неужели я сам?..»

— Пятерка все не отвечает,—сказал ему парторг второго эскадрона Киселев.

— Лошадям плохо, некоторые уже полегли,— пожаловался Вахрушев.

Так каждая новая смена бойцов рассказывала Булатову о том, что творится наверху.

Ему сказали, что умер от солнечного удара пулеметчик Гавриков, что при смерти врач Карпухин, а оба радиста впали в беспамятство; что опять поднялся ветер— не вернулся бы самум! — что сдохли три коня, в том числе ахалтекинец Булатова Алмаз...

И каждый спрашивал:

— Может, вы подниметесь наверх?..

Шаров сидел у радиостанции и настойчиво выстукивал: «Пятерка», «Пятерка», вы слышите меня?.. Перехожу на прием!»

Отвечает! Командир плотнее прижал наушники. Да, отвечает! Пятерка отвечает! Он лихорадочно стал записывать.

«Вторые сутки веду бой... Банда атакует левый фланг... Патроны на исходе... Когда подойдете?.. Джураев».

«Когда подойдем? — Шаров огляделся вокруг.— Не подойдем без воды»,— с горечью отчаяния подумал он и все же ответил: «В двадцать один час дайте сигнал двумя ракетами»,— потом подозвал Сахарова:

— Сейчас ваша очередь спускаться в колодец. Пере-

дайте товарищу Булатову вот эту бумагу.— И обернулся к бойцам: — Пограничники! Наши товарищи бьются сейчас с бандой. Патроны у них на исходе! Понятно? Копать надо веселее!..

Прочитав при свете зажженной спички радиограмму Джураева, Булатов с трудом нацарапал на ней: «Убежден, вода будет...»

— Обвал, товарищ секретарь! — испуганно воскликнул Сахаров.

Ветхий сруб не выдержал. Одно бревно подалось под давлением песка, и он плотной струей брызнул на середину колодца.

Песок как вода. Если вода прорвалась где-нибудь сквозь плотину самой маленькой струйкой, всей плотине грозит разрушение.

Булатов собрал последние крохи сил, поднялся, пошатываясь, и прижался спиной к стенке, закрыв отверстие. Сахаров и Никитин продолжали наполнять ведра песком, с тревогой поглядывая на еле держащегося на ногах секретаря партбюро.

— Разрешите, я постою? — попросил было Сахаров.

— Копайте, копайте! — приказал Булатов и смежил веки.

Желтые, оранжевые, красные круги завертелись перед глазами. Круги все расширялись и расширялись и вдруг превратились в колышущееся озеро, обрамленное яркой зеленью тамариска и тополей. А на берегу вдруг возникли жена с детьми. «Родные мои!..»

Вместе с женой, вместе с Андрюшей и Оленькой Булатов шел берегом озера к полю красных и желтых тюльпанов.

И снова закружились перед глазами разноцветные круги, закружились и пропали.

С однотонным шорохом сыпался песок в ведро, одно-

тонно повизгивал железный ворот, вытягивая наполненное ведро на поверхность...

Скоро, совсем скоро — Булатов был уверен в этом — зацветут Каракумы.

Советские люди проложат здесь каналы, воды Амударьи оросят бесплодную пустыню, и, может быть, вот в этом самом месте, где Булатов и его товарищи с таким упорством, с такой яростью копают сейчас песок, чтобы добыть несколько ведер воды и скорее пойти в бой, возникнет громадный оазис, раскинутся виноградники и хлопковые поля и впрямь зацветут тюльпаны...

Нет, нет, он не упадет, не пустит в колодец проклятый сыпучий песок!

— Вода, товарищ секретарь! — воскликнул вдруг Сахаров.

Воды еще не было, но песок опять стал влажным.

— Копайте! — прохрипел Булатов.

А наверху люди с жадностью хватали прохладный, влажный песок, клали его себе на голову, подносили к губам, сосали.

Еще несколько ведер, и вот наконец-то вода!..

А Булатов все стоял, упершись ногами в песок и спиной в стенку колодца. Ему поднесли котелок. Он отхлебнул несколько глотков, больше нельзя — в таком колодце не может быть много воды.

Он считал котелки:

— ...двадцать девятый, тридцатый...

Пятьдесят котелков! По полкотелка на человека. Но надо еще напоить лошадей. На сто лошадей по пять котелков — пятьсот котелков.

— ...триста седьмой, триста восьмой... — считал он котелки, наполненные водой.

— Пейте, товарищ секретарь! — предлагали пограничники.

— Не хочу! — отвечал Булатов.

Вскоре вода иссякла. На дне осталась только мутная жижа.

— Командир приказал подниматься,— сообщили Булатову.

Но он уже не слышал. Он потерял сознание и упал, ударившись головой о стенку.

Его осторожно вытащили наверх, обмыли ему лицо, с трудом сквозь стиснутые зубы влили в рот воды, а он бредил и звал кого-то. Он уже не мог видеть две сигнальные ракеты Джураева, которые взметнулись далеко-далеко над барханами.

ПРИЗВАНИЕ

1

Совсем неожиданно для Федора его направили в школу служебного собаководства. Однако, когда он приехал туда, все овчарки были уже закреплены за курсантами. Пожалуй, это и к лучшему. Откомандируют обратно в отряд и, может, назначат в учебный кавэскадрон.

— Вы где работали до призыва в армию, товарищ Стойбеда? — спросил начальник школы.

— На Горьковском автозаводе бетонщиком.

— Ударник...— читая анкету Федора, удовлетворенно сказал начальник.— Хорошая у вас профессия, упорства

требует. А до завода работали на конеферме?.. Не боялись лошадей?

— Не боялся, товарищ майор. Я с детства в колхозе при лошадях был.

Федор обрадовался: может быть, и в самом деле удастся перейти в кавэскадрон. Но радость оказалась преждевременной.

— Я вам дам щенка,— сказал начальник,— но предупреждаю: щенок хилый, надо выходить.

Значит, школа. Ну что ж, если оставляют,— видно, так и надо...

Щенок Джек неподвижно лежал в будке и не залаял на Федора, не заворчал, не завилял хвостом. Глаза его слезились.

— Ничего не получится! — посочувствовали курсанты.

Но что же делать? Придется выхаживать этого заморыша.

Так Джек стал предметом постоянных забот и волнений Федора Стойбеды.

— Ты вроде няньки! — смеялись курсанты, глядя, как Федор бережно промывает Джеку глаза, протирает ваткой раковины ушей, расчесывает гребешком шерсть и так старательно чистит ее щеткой, а потом приглаживает суконкой, словно это самое увлекательное занятие.

Хуже всего было то, что Джек оказался бестолковым и неспособным к выполнению самых простых заданий. Другой на месте Федора давно бы вышел из себя, а может, не утерпев, дал бы щенку затрещину, но Федор во всем следовал советам и указаниям инструктора и неукоснительно соблюдал правила дрессировки.

Ни разу не ударив, не обругав Джека, он часами проделывал с ним одно и то же упражнение.

Наблюдая, как Стойбеда приучает Джека подниматься на лестницу, показывая ему кусок сахара и повторяя

условную команду, начальник школы говорил инструктору:

— Пожалуй, из паренька выйдет неплохой проводник.

«Ко мне!», «Гуляй!», «Стоять!», «Рядом!», «Ползи!». Наконец и Джек стал исполнять все эти команды не хуже других молодых собак.

Весной Джеку исполнилось одиннадцать месяцев. У него выросли все зубы, и он стал похож на волка. На клинообразной голове торчали острые длинные уши. Прямой нос, темные быстрые глаза придавали морде Джека породистый вид, хотя и было известно, что он метис. Мускулистая шея переходила в широкую грудь. Крепкие лапы со сжатыми в комок когтями свидетельствовали, что Джек отличный бегун.

В школе было много породистых чистокровных собак, но ни длинношерстные шотландки-колли, ни рыжеватые здоровяки эрдельтерьеры, ни выносливые, неприхотливые лайки, ни большие, свирепые кавказские и среднеазиатские овчарки не прельщали Федора. Он выхолил и вырастил своего Джека, обучил его наконец-то всему, что может постичь собака, и полюбил.

После окончания школы Стойбеду назначили на пограничную заставу.

Он никогда раньше не видел дуба в два с половиной обхвата, а здесь привелось увидеть. О виноградных лозах он знал лишь понаслышке, а тут длинные виноградные плети обвивались вокруг стволов кленов и лип.

Федор с детства привык к сосновым и березовым лесам, к полям родной Горьковской области, а здесь кругом высоченные сопки, бурные речки, текущие по заболоченным низинам.

Все поражало его в Уссурийском крае: и лес, такой густой, что ни проехать, ни пройти, и пятнистые олени, звонко трубящие во время любовной поры.

С любопытством слушал он рассказы о кабанах весом в двадцать пудов, вступающих в схватку с тигром, о хищных лесных котках, кусающихся китайских черепахах, о красавцах фазанах и о редкостном, чудодейственном корне женьшене, похожем на фигуру человека.

Во всех этих дебрях, в соседстве с кабанами, барсами и гималайскими медведями ему предстояло отныне ходить с Джеком.

В первый же день службы на заставе начальник ее, лейтенант Усанов, огласил перед строем список боевого расчета.

Называя очередную фамилию, он поднимал от бумаги глаза и, улыбаясь, оглядывал пограничника. Федор порадовался тому, что попал именно на эту заставу.

Утром Усанов показывал новичкам — вместе с Федором приехали еще семь человек — участок границы, который им предстояло охранять:

— Этой тропой звери ходят на водопой... С этого места лучше всего просматривается сопредельная сторона... Отсюда граница идет по реке, у воды берег подмыт,— посмотрите, как там удобно спрятаться... Видите кусты боярышника? Они на сопредельной стороне, значит, в них всего возможней засада... Тут трудно преследовать нарушителя, но легко, забывшись, самому перескочить через линию границы.

Стойбеда со вниманием слушал объяснения Усанова, стараясь удержать все в голове. Но к полудню решил, что и в год не запомнит всех троп и тропинок. А лейтенант ходил по участку, будто в своем саду; кажется, завяжи ему глаза — все равно найдет любое деревце.

«Будьте бдительны, стойки, внимательны, терпеливы, осторожны, решительны, предприимчивы». Усанов так часто произносил эти слова, что Федору стало казаться, будто всю свою жизнь до этого дня он был рассеян, беспечен и нерешителен.

Судебный процесс длился пятый день. Зал был переполнен. Среди публики находились представители иностранных консульств, за столом прессы — корреспонденты советских и зарубежных газет, фоторепортеры.

Слушалось дело агентов харбинской антисоветской организации, созданной несколько лет назад неким Родзаевским из разгромленных Красной Армией белогвардейских шаек барона Унгерна и атамана Семенова. В шайку Родзаевского входили отъявленные бандиты, люди без роду и племени, готовые служить любому хозяину, лишь бы побольше платили.

На скамье подсудимых сидели пять человек: два японца, немец и два русских белогвардейца. Все они были пойманы при попытке тайно перейти через границу.

Главный обвиняемый, грузный мужчина лет за пятьдесят, бывший сотенный атамана Семенова, держался самонадеянно. Он шурил маленькие глаза и отрицательно отвечая на все вопросы судьи и прокурора, поглядывал на иностранных дипломатов, явно ища у них сочувствия.

По его словам, он никогда не интересовался данными о строительстве советских оборонительных сооружений и не собирался взрывать названные судьей и прокурором мосты; он якобы не получал никаких денег от иностранных разведок — все это недоразумение, не больше. Верно, он и его знакомые попали в руки советских властей, но советские солдаты сами нарушили границу, захватили их силой на сопредельной территории и, угрожая оружием, привели на пограничную заставу. Второй белогвардеец и немец тоже отпирались, пытаясь запутать дело.

Японцы сидели, прикрыв лицо ладонями, и отмалчивались.

Пятый день суда начался с допроса свидетелей.

Комендант пригласил в зал совсем молоденького с виду, голубоглазого, веснушчатого пограничника.

Публика не ожидала увидеть среди свидетелей пограничника и с любопытством разглядывала его. Интересно, что скажет этот простодушный с виду солдат в зеленой фуражке.

Подсудимые восприняли появление пограничника по-разному: японцы на мгновение подняли голову, немец стал нервно покусывать губу, белогвардеец явно испугался, а главарь банды шумно вздохнул и вытер клетчатый платком свою лысую голову.

Председатель суда задал пограничнику полагающиеся в таких случаях вопросы о его фамилии, годе рождения и т. д., а затем спросил, что свидетель может сказать по существу дела.

Стойбеда — это был он — оправил гимнастерку, посмотрел на председателя, на прокурора, на членов суда и остановил взгляд на главном обвиняемом. Тот положил руки на живот, прищурившись, усмехнулся.

«Смеешься!» — зло подумал Федор и повернулся к судье:

— Разрешите доложить?

— Да, да, пожалуйста!

Федор снова посмотрел на подсудимых, не торопясь начал:

— Двадцать первого августа текущего, тысяча девятьсот тридцать шестого года, в восемнадцать часов, начальник заставы лейтенант Усанов направил нас на охрану участка государственной границы от пограничного знака триста пятнадцать вверх по течению реки Синюхи до Мокрой пади. Все было нормально. Мы подошли...

— Кто «мы», гражданин свидетель? — перебил председатель.

— Мы — это я и моя розыскная собака Джек.

Председатель улыбнулся, публика оживилась.

— Мы подошли с Джеком к Безымянному ручью, переждали малость. Дальше тронулись по берегу заливычка, а берег подмытый, с обрывом. Ложусь на край, гляжу, нет ли там кого, и вижу — в одном месте, в кустах под обрывом, у самой воды, лодка спрятана. «Откуда, думаю, она взялась? Не должно быть тут лодки». А Джек сразу заволновался...

— Гражданин свидетель, — опять перебил председатель суда, — вы не можете показать на карте это место?

— Могу. — Стойбеда подошел к столу, на котором секретарь суда развернул карту, и показал пальцем. — Вот как раз здесь мы были.

— Следовательно, на советской территории, в тылу от границы?

— Да, тут до границы ровно двести семнадцать метров, — ответил Федор.

Председатель суда кивнул:

— Продолжайте показания.

— Осмотрел я лодку. На дне тряпки какие-то; дал их Джеку понюхать, и он взял след. Только недолго он берегом шел — и марш к воде. Это значит, нарушители след сбить хотели, в воду забрались. Пес мой — его не проведешь! — так и тянет к воде, а там камыши. Ну, я догадался: наверно, кто-то в камышах есть. Сел в лодку, там под тряпками весло было. Джек — за мной. Поплыли. Метрах в пяти от берега камыш густой такой. Наклонился, смотрю во все глаза, потому что уж смеркалось. «Что это, думаю, за удивительная камышинка: верх срезанный?» Ну, я весло в лодку, в правой руке наган наготове держу, а левой хватить камышинку — и вытащил...

Стойбеда посмотрел на подсудимых.

Публика внимательно слушала пограничника.

— Ну, и что дальше? — спросил председатель.

— А дальше вот что было. Как только я вытащил камышинку, из воды вынырнул вот этот самый господин, — Федор кивнул в сторону одного из японцев, — и поплыл к противоположному берегу. Я команду Джеку: «Фас!» Он в воду — и цап пловца за шиворот. Тот завопил страшным голосом. Джек пригнал его к лодке. Я наганом показываю: залезай, мол! Связал я японца, а он дрожит, все на моего Джека поглядывает. «Сколько вас тут?» — спрашиваю. «Одна люди». Одна так одна. Я взял да в воду два раза наугад выстрелил. Тут и этот господин вынырнул. — Федор кивнул в сторону одного из белогвардейцев. — Ну, этот, видно, плавать не умеет или перепугался сильно, руками за камыш хватается, воду хлебает. Я его схватил и втащил в лодку: «Сколько вас?» А японец за него отвечает: «Два люди».

Публика не могла удержаться от смеха, и председатель был вынужден прибегнуть к колокольчику.

— Ну, а я уж стреляный, — невольно улыбнулся и Стойбеда. — Если такие типы на восток дорогу показывают, значит, иди на запад, не ошибешься. Если говорят: все налицо, значит, ищи новых. Тут лодка бортом задела другую камышинку. Так мы и третьего изловили. — Федор кивнул в сторону немца. — Этот еле дышал: воды нахлебался. Вот они самые! — Стойбеда показал на скамью подсудимых. — Все трое тут!

— А глубоко было в том месте? — осведомился прокурор.

— Метра два, не меньше.

— Вы же говорите, что один из обвиняемых не умел плавать: на чем же он тогда в камышах держался? — спросил председатель суда.

— Они все на дне стояли, а дышали через камышинки. Камышинки одни наружу торчали, их и днем-то не сразу различишь, а дышать через них вполне возможно.

Столь же обстоятельно Стойбеда объяснил суду, как вместе с двумя другими пограничниками он задержал второго японца и грузного мужчину, как те отчаянно отстреливались и даже бросали гранаты, только неудачно, и как после поисков удалось найти в кустах пару пистолетов «маузер № 2», пленочный фотоаппарат «Контакс» с четырьмя кассетами, компас, топографическую карту и блокнот, в котором были набросаны кроки местности, уточняющие карту, а также бумажник с двумя тысячами рублей и прочие вещественные доказательства — те, что лежат сейчас на столе.

— А до этого случая, гражданин свидетель, вам приходилось встречать кого-нибудь из подсудимых? — задал председатель новый вопрос.— Подсудимые утверждают, что они никогда не нарушали советскую государственную границу.

— Приходилось,— сказал Стойбеда.

— Кого же именно?

Стойбеда повернулся к скамье подсудимых и показал на сидящего с левой стороны японца:

— Вот с этим господином мы третий раз встречаемся. Первый раз мы с ним встречались за Тигровой падью, у старой мельницы, двадцать третьего сентября прошлого года. Осечка у меня тогда получилась.

— Вы стреляли в подсудимого?

— Он ушел тогда от нас.

— Следовательно, слово «осечка» вы употребляете в том смысле, что двадцать третьего сентября тысяча девятьсот тридцать пятого года подсудимому удалось скрыться от пограничников?

— В этом смысле,— подтвердил Федор, нахмурившись. Он считал прошлогоднюю историю самой неприятной в своей жизни...

Произошло это дело так.

23 сентября 1935 года утром во двор заставы на гало-

не влетел пограничник Сергей Терентьев. Осадив коня, он соскочил наземь и стремительно вбежал в канцелярию.

Терентьев доложил начальнику, что в Тигровой пади обнаружен след нарушителя границы. След привел к Длинному озеру и пропал. Видимо, нарушитель переплыл на ту сторону. Без собаки его не обнаружить.

Не прошло трех минут, как с заставы в сторону Длинного озера ускакали три всадника: Усанов, Терентьев и Стойбеда.

Рядом с лошадыю Федора бежал Джек.

Всадники спешили к восточному берегу озера, где их поджидал старшина заставы Дятлов. За озером начинались такие густые заросли, что нечего было и думать проехать дальше верхом. Оставили лошадей на попечение Терентьева и углубились в кустарник.

На берегу, напротив того места, где пропал след, как и ожидал Усанов, признаков человека обнаружить не удалось. Густой кустарник навис над самой водой. Лодки не оказалось и в устье маленькой речушки: видимо, нарушитель утопил ее. Но зато Джек взял след и побежал вверх по течению. Потом след исчез: нарушитель вошел в воду. Джек остановился было, но пограничники привыкли к вражеским уловкам и пошли вперед. Они не ошиблись в расчете: метров через шестьдесят Джек попал на след.

— Далеко ушел, пока мы возились, вот что! — нащупав примятую траву, с досадой проговорил Усанов: примятая трава уже приподнималась.

Прибрежный кустарник уступил место высоким багряно-желтым ильмам, перистолистому пробковому дереву, дубу и липе. Местность все чаще прорезали пади, все круче подымались сопки.

Километрах в восьми от ручья Джек потерял след и остановился.

Впереди высилась крутая сопка. По одну сторону от нее тянулось болото, по другую зеленели густые заросли.

— Нарушитель спешил — значит, пошел напрямик, — сказал Усанов.

«Все знает!» — изумился Федор, пожалев, что ему это и в голову не пришло.

Не останавливаясь, они вскарабкались на вершину сопки, и здесь Джек снова напал на след.

— Недавно прошел: трава подняться не успела, — на бегу сказал лейтенант.

У Федора ноги подгибались от усталости.

Позади слышалось тяжелое дыхание Усанова и Дятлова. Вскоре они начали отставать. Первым отстал Дятлов, потом Усанов. Федор сбавил было шаг, но лейтенант махнул ему рукой: «Беги, мы тебя догоним».

И Стойбеда побежал.

Часам к двум дня он с трудом уже карабкался на крутые сопки, медленно перебирался через заросшие кустарником пади, часто останавливался, чтобы отдышаться.

След пересек длинную поляну и привел к запруде у старой, заброшенной мельницы.

Джек бросился прямо к двери. Федор толкнул ее ногой. Взведя курок нагана и сдерживая Джека за поводок, вошел внутрь мельницы и, быстро оглядевшись, заметил в полу, рядом с обломками жернова, люк в подполье; однако Джек, не обращая внимания на люк, подпрыгивал к потолку. Шерсть на спине пса ошетилилась. В потолке чернел лаз на чердак.

За полтора года, проведенные на заставе, Стойбеда видывал виды, пора бы и привыкнуть! И все-таки ему стало не по себе: ведь там, на чердаке, притаился враг. Может быть, он видит пограничника сквозь какую-нибудь щель и целится в него из пистолета.

Как же попасть на чердак? Лестницы нет: видимо, нарушитель втащил ее следом за собой.

Прежде чем Стойбеда успел принять какое-нибудь решение, сверху грянули подряд два выстрела. Одна из пуль сшибла с головы фуражку, другая вонзилась в пол. Федор инстинктивно пригнулся, тотчас на чердаке раздался шум, потом что-то застучало по крыше и всплеснула вода.

«Проворонил я, проворонил! Он спрыгнул в камыш!» Федор выбежал из мельницы, выстрелил в заросли. Камыш стоял недвижно.

— Шуруй, милый, шуруй! — прошептал Федор Джеку.

Но Джек и так почуял врага и стремительно потянул за собой Федора в камыши. Грунт там вязкий, нарушитель далеко уйти не сможет. Федор прислушался: тихо. С трудом вытаскивая ноги, пошел за Джеком. Чем дальше, тем все более вязким становился грунт.

Стойбеда расстегнул карабин поводка, и пес стремительно скрылся в камышах. И вдруг грянул выстрел, и тотчас завизжал Джек.

Федор побёжал, раздвигая руками стебли.

У невидимого противника были неоспоримые преимущества: в обойме его пистолета осталось семь патронов, а у Федора в наганае — пять; противник притаился, а Федор должен был искать его, выдавая себя шорохом стеблей, чавканьем болотной жижи, громким дыханием, которого не в силах был сдержать.

О дальнейшем Стойбеда не любил не только рассказывать, но и вспоминать, хотя это и невозможно было забыть. Сделав несколько шагов, он наткнулся на повизгивающего раненого Джека. В камышах сверкнуло пламя нового выстрела, и Федор почувствовал резкий, обжигающий толчок в левое плечо.

Падая, он увидел черные глаза на маленьком скуластом желтом лице.

Через полчаса Стойбеду и Джека подобрали в камышах подоспевшие Усанов и Дятлов.

Нарушитель границы скрылся, и самые тщательные поиски его не дали никаких результатов.

Так у Федора и произошла «осечка», о которой он рассказывал на суде.

— Может, он еще попадетсЯ,— сказал Федор Усанову, который пришел в госпиталь навестить его.

— Может, и попадетсЯ,— ответил Усанов, но по его тону чувствовалось, что он не очень-то верит в такую возможность.

И вот попался-таки!

Как рад и горд был Федор сейчас, глядя на бандитов, сидящих на скамье подсудимых,— горд и счастлив тем, что помог изловить их и его показания слушает советский суд. Врагам не уйти теперь от кары.

Сегодня на суде он узнал все подробности о замыслах этих людей, узнал он и что за птица японец, ускользнувший от него в прошлом году у старой мельницы. Оказывается, это не какой-нибудь рядовой диверсант, а матерый японский шпион капитан Араки, уроженец города Кусиро с острова Хоккайдо. В 1930 году он окончил офицерскую школу в Нагасаки и в течение последних шести лет действовал в Маньчжурии, сначала выдавая себя за механика харбинской электростанции, потом работал преподавателем на курсах шоферов, являвшихся фактически школой шпионов, а с 1934 года перешел на службу в разведывательный отдел штаба Квантунской армии.

Что ж, попались «слуги», когда-нибудь сядут на скамью подсудимых и их «хозяева»!..

После суда из Хабаровска до Владивостока Федор ехал поездом; до комендатуры — на автомобиле; в комендатуре его ждала тачанка с заставы.

Глядя на знакомые, ставшие милыми сердцу сопки, он вспомнил, как почти три года назад приехал сюда впервые. «Какой же наивный я был тогда, какой наивный!..»

— Вот мы и дома! — прервал размышления Федора сидевший рядом с ним Усанов. Он сам выехал сегодня встречать Стойбеду.

Дома!.. Федор привстал, чтобы лучше видеть показавшееся среди деревьев здание заставы с ярко-алым флагом на мачте.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Двое суток назад Андрей Светлов, Павел Петров и Усман Джаныбаев, разведчики Н-ского пограничного полка, перешли линию фронта между высотой «Зеленая макушка» — летом вся она покрыта ковром зеленых трав — и Большим болотом. Сделав немалый крюк, они подкрались с тыла к базе горючего у немецкого аэродрома и взорвали замаскированное в скалах бензохранилище. Все вокруг осветилось, как весенним днем, и всполошившаяся охрана обнаружила их. В перестрелке Андрей был легко ранен в левую руку чуть выше локтя. Он не заметил, как в суматохе боя оторвался от товарищей, взяв круто на север. Задыхаясь от быстрого

бега, Андрей споткнулся об обледенелый валун, упал плашмя, больно ударившись грудью. Капюшон маскировочного халата сбился, шапка слетела с головы. Колючий наст оцарапал щеку. Сердце билось, как в силке. «Нет, нет, мы еще поживем... Мы еще будем жить...»

С полчаса над тундрой гремела пальба. Андрей, помогая правой руке зубами, с трудом перевязал рану.

«Живы ли Петров и Джаныбаев? Удалось ли им скрыться?..»

Отыскав шапку, натянув поверх нее капюшон, Андрей осмотрелся. На юге все еще взметывались багровые языки горящего бензосклада. Километрах в двадцати к востоку тьму ночи прочеркивали огненным пунктиром трассирующие зенитные снаряды и взлетали осветительные ракеты. Там был фронт. На севере колыхались в черном небе гигантские полотнища сполохов, озаряя холодным пламенем пустынные холмы. Холмы искрились фиолетовым, оранжевым и палевым цветом. Студеный ветер дул с норда, с края земли, и поземка мела мерцающую в свете сполохов снежную пыль. И оттуда же, с севера, ветер доносил глухое уханье корабельной артиллерии. «Наверно, наши корабли поддерживают высадку десанта в тылу вражеских позиций...»

Ощупав здоровой рукой лыжи: «Слава тебе, целы...», закинув за спину автомат, Андрей пополз. Он полз метров двести или двести пятьдесят, снова огляделся — нет ли кого поблизости. И лишь убедившись, что вокруг никого не видно и не слышно, встал на лыжи. Всю ночь он шел на северо-восток, радуясь, что сполохи в небе погасли, сверяя свой путь по звездам и компасу.

Утром — стояла круглосуточная полярная ночь, а часы, как им положено, показывали девять утра — Андрей был уже далеко от места взрыва. Едва передвигая ноги от усталости, держа под мышкой лыжи, он карабкался по крутому склону.

В черном небе вновь вспыхнуло северное сияние. Кляня его, Андрей прижался к скале, тревожно огляделся. Внезапно, совсем недалеко, справа, гулко затрещали очереди автоматов.

«Уж не Петров ли это с Джаныбаевым бьются с погоней?» Андрей начал поспешно спускаться к обрыву, из-за которого доносились выстрелы. И тут то ли от слабости — он потерял много крови,— то ли из-за выскользнувшего из-под ноги камушка сорвался и кубарем покатился вниз. С треском переломились лыжи, ремень автомата зацепился за острый выступ скалы, лопнул, и автомат отлетел куда-то в сторону.

Если бы не сугроб, огромной подушкой прикрывавший карниз над обрывом, Андрей разбился бы насмерть.

«Где же автомат?» Опомнившись от удара, он попытался было найти оружие, но тщетно: по-видимому, автомат угодил в расщелину.

Андрей подполз к краю карниза и увидел, что происходило внизу, на покрытой снегом скале: шестеро рослых немцев — вероятно, стрелки из горной дивизии «Эдельвейс» — с трех сторон подбирались к какому-то человеку. Ему и укрыться-то, бедному, негде: скала ровная, гладкая, как стол.

Кто же он? В свете всполохов Андрей не узнал в нем ни Петрова, ни Джаныбаева. Может быть, это летчик с подбитого над вражеской территорией самолета?.. Нет, конечно, не летчик, откуда у летчика маскировочный халат! Наверно, это тоже разведчик. Время от времени он отстреливался из пистолета.

— Эх, браток, браток,— в волнении шептал Андрей одеревеневшими от мороза губами. Если бы хоть одна граната, хоть одна!.. Пустыми кулаками с автоматами не повоюешь. Да к тому же еще раненая рука...

И вдруг перестрелка прекратилась. Неужели убили?

Северное сияние разгоралось все ярче. Могучие невесомые полотнища заколыхались еще сильнее, и Андрей отчетливо увидел, как лежащий под обрывом человек достал из-за пазухи какую-то бумажку, быстро разорвал ее на мелкие клочья и сунул в рот.

«Молодец, браток!» — одобрил Андрей.

В этот момент «эдельвейсовцы» вскочили и с трех сторон ринулись к лежащему на снегу человеку. В руке его сверкнул вороненый пистолет, хлопнул одинокий выстрел. Человек упал на спину. Пистолет покатился по насту. Андрей чуть было не вскрикнул: «Сам себя убил...»

Двое солдат перевернули разведчика, торопливо обыскали его карманы. Пятно крови чернело на снегу.

— Готов! — поднимаясь, сказал один из солдат по-немецки и стал оттирать снегом испачканные в крови руки.

Был бы Андрей в силах, он обрушил бы на врагов скалу. А они, словно по команде, заплясали, нелепо размахивая руками, начали тузить друг друга по бокам. Допекаемые морозом, быстро надели лыжи и, вскинув автоматы за спины, побежали на запад.

Андрей вспомнил, что у него под маскхалатом вокруг пояса намотано метров пятнадцать тонкой крепкой веревки: разведчики всегда запасались ею на случай, если придется спускаться с отвесных скал. Скинув варежки, он размотал веревку. Пальцы закоченели, нестерпимо пекло рану, но все же он умудрился сделать петлю и накинуть ее на торчащую из сугроба глыбу гранита.

Скорее вниз! Может быть, у застрелившегося разведчика есть еще какие-нибудь бумаги, которые он не успел уничтожить и которых не нашли фашисты.

Разведчик лежал, запрокинув голову. Глаза были закрыты. Отблески северного сияния озаряли бледное лицо: губы плотно сжаты, на бровях иней.

В свете сполохов Андрею показалось, что веки разведчика чуть-чуть дрогнули. Но в тот же миг на землю упала тьма. Сияние потухло так же внезапно, как и зажглось.

Андрей встал на колени, обнял здоровой рукой разведчика, обнажив ухо, прильнул к окровавленной, еще теплой груди. Жив!..

Когда Андрей с великим трудом перевязал ему грудь, разведчик пришел в сознание, увидев склонившегося над собой человека, рванулся. Видимо, он подумал, что его захватили в плен.

— Я свой, русский, русский,— зашептал Андрей.— Немцы ушли... Видишь? Я свой.

— Вижу,— невнятно прошептал раненый. Кровь пузырилась у него на губах.— Сообщи в штаб... — Он помолчал, хрипло дыша, вновь заговорил: — Дивизия «Эдельвейс» получила два новых полка... На высоте... — Он поперхнулся, в горле у него булькало.— На высоте триста сорок семь... Запомни: триста сорок семь — четыре тяжелых батареи... Четыре... Я — Тюменев Георгий...

Раненый силился еще что-то сказать и не мог.

— Ты сам все расскажешь... — зашептал в ответ Андрей.— Я тебя донесу, и ты расскажешь. Тут близко. Проскочим...

До линии фронта было километров десять, и Андрей не думал сейчас, где именно и как им удастся «проскочить» через эту линию, он думал лишь о том, как бы сумеет преодолеть эти десять километров.

Упавшая на землю тьма обрадовала его: они растворились в ней. Только бы не вздумало снова заиграть северное сияние. К счастью, потеплело, небо заволокло тучами, и над тундрой потянулся туман. Так бывает в Заполярье: стоит перемениться ветру и за какие-нибудь полчаса погода — вверх тормашками...

Андрей лег рядом с Тюменевым, как можно осторож-

нее взвалил его себе на спину, пошатываясь, привстал на колени, враз вспотев, и, лишь отдышавшись, смог подняться на ноги. Раненую руку будто проткнуло раскаленным шомполом; он невольно заскрипел зубами и, чтоб тяжесть не давила на больную руку, движением плеч передвинул Тюменева чуть вправо. Тюменев застонал. Стон показался таким громким, что Андрей испугался: как бы кто не услышал.

— Тише, браток, тише,— зашептал он.— Потерпи. Извини, что я тебя так...

Согнувшись, придерживая Тюменева здоровой рукой, Андрей пошире расставил ноги и зашагал. Шагал он медленно, боясь споткнуться о камень или угодить в трещину или бомбовую воронку.

— Тюменев, Георгий, слышишь меня?

Тюменев не отвечал. Может быть, он опять потерял сознание, а может быть, забылся. Андрей рискнул прибавить шаг. Сначала он считал шаги, но вскоре сбился со счета. Одна неотвязная мысль владела сознанием: «Скорее надо идти, скорее...»

Оступился Андрей на ровном месте. Правая нога почему-то вдруг подвернулась, и он едва удержался, чтобы не вскрикнуть: острая боль пронзила лодыжку. С трудом сохраняя равновесие, балансируя свободной рукой, Андрей приподнял ногу — боль тут же отпустила. Однако стоило ему встать на эту злосчастную ногу, как он чуть было не упал; словно кто-то наотмашь ударил по щиколотке поленом.

Раза два или три пытался он сдвинуться с места, но не смог, и его охватило отчаяние: «Что ж теперь делать?»

— Оставь меня, иди один,— прошептал Тюменев, буд-то разгадав лихорадку мыслей незнакомого друга.

Голос у Тюменева был совсем слабый, слова срывались у него с языка с какими-то всхлипами.

— Сейчас, браток, сейчас все будет в порядке!

Придерживая Тюменева, Андрей опустил на четвереньки и пополз.

Где-то высоко в темном небе пролетели на бомбежку вражеских позиций наши дальние бомбардировщики. Андрей узнал их по гулу моторов. Отбомбившись, самолеты возвратились обратно, а он все полз и полз по припорошенным снегом камням.

Левая рука горела, и на нее нельзя было опереться. Маскхалат давно изодрался в клочья; были продраны и ватная куртка и ватные штаны. Андрей в кровь иссек колени и правую руку. Он был весь мокрый от пота, в груди у него сипело, то и дело нападали приступы кашля. Тогда он останавливался и, заткнув рот рукавицей — поблизости могли быть враги, — натужно кашлял в нее.

Лечь бы в снег, отдохнуть, уснуть бы хоть на несколько минут. Но это невозможно.

Временами Андрею казалось, что Тюменев умер. Тогда он ложился на снег, прислушивался: дышит ли? — и снова полз, волоча вывихнутую ногу.

Его мучила жажда, и, лишь еще более распаяя ее, он глотал снег. Вместе со снегом ему попадались замерзшие ягоды морошки и брусники. Горьковато-кислые, водянистые, они не утоляли голода, а вызвали противную оскмину, и все же, морщась, он с усилием проглатывал их, потому что не ел уже более суток.

А Тюменев словно бы прибыл в весе за эти часы: тащить его с каждым метром все тяжелее и тяжелее. Андрею вспомнилось, как на погранзаставе он играючи подбрасывал двухпудовую гирию и выжимал штангу в сто килограммов. В Тюменеве, наверно, нет и семидесяти...

Вспомнив заставу, он вспомнил первый свой день службы, первый выход в ночной наряд на охрану гра-

ницы — это было в конце мая позапрошлого года. А через месяц началась война...

Прилечь бы отдохнуть самую малость, уснуть бы хоть на несколько минут. Нет, нельзя ложиться — ляжешь и силы совсем покинут тебя, а нужно скорее добраться до линии фронта, за ней — тепло, еда и, главное, санбат...

На возвышенностях почти весь снег сдуло ветром, а в ложбинах рука по локоть проваливалась в сугробы и подбородок тыкался в наст. Зернистый снег колот губы, забивал ноздри. Андрей отплевывался и снова и снова кашлял, прикрывая рот рукавицей, в страхе оглядываясь вокруг.

Пистолет Тюменева — Андрей разыскал его давеча на площадке и засунул в карман — больно давил на бедро, и казалось, что в этом чертовом пистолете с пуд весу. «Нельзя бросать оружие, нельзя», — твердил себе Андрей. И вдруг сообразил, что в пистолете нет ни одного патрона. Тогда он вытащил его из кармана и, собрав остатки сил, ударил мушкой о гранитный валун.

А валуны, как назло, попадались всё чаще и чаще. В одном месте путь преградила целая гряда обледенелых валунов. То была морена древнего ледника, но Андрею казалось, что кто-то специально выложил здесь эти огромные камни, перебраться через которые нет никакой возможности. Минут сорок, а может быть, и час он полз вдоль гряды, пока не выискал в ней проход.

Сердце колотилось так часто, что спирало дыхание. Все чаще начинала одолевать непонятная, не испытанная доселе зевота. Андрей широко, до звона в ушах разевал рот и никак не мог зевнуть до конца.

Если бы можно было передохнуть, хотя бы с полчасика, с четверть часа... Полежать бы не двигаясь, не шевеля ни рукой, ни ногой; забыться, ни о чем думая, ничего не видя, ничего не слыша.

— Тюменев! — хрипло звал Андрей, пугаясь собственного голоса.— Тюменев, ты слышишь меня?

Тюменев не отвечал.

«Дивизия «Эдельвейс» получила в подкрепление два новых полка... На высоте триста сорок семь установлены четыре батареи тяжелых орудий... Если я остановлюсь, силы совсем покинут меня, тогда я не доползу до своих, не расскажу... Может быть, Тюменев еще жив...»

Горела уже не только раненая рука — горела и голова. Тысячи раскаленных молотов без умолку стучали в виски и в затылок. И при каждом неловком движении острой болью давала знать о себе вывихнутая нога.

«Туда ли я ползу?» Андрей взглянул на светящийся компас на запястье и в ужасе убедился, что ползет не на восток, а на юго-запад. Давно ли он так ползет? Тьма, ни одной звезды.

А фронт был уже недалеко: все отчетливее клочкотали пулеметы, ухали минометы; распарывая воздух, с завыванием пронеслись сверху снаряды дальнобойных орудий. Товарищи Андрея ведут бой, а он... Доползет ли он до них? Силы совсем оставили его.

Снова подул утихший было ветер. Туман стал рассеиваться. Будто лопнувшая парусина, раздвинулись тучи. В небе сверкнула звезда. Увидев ее, Андрей обрадовался, как штурман, увидевший огонек маяка у входа в родную гавань. Эту звезду видят сейчас и его товарищи...

Всего минуту назад Андрей готов был поддаться чувству отчаяния. Они с Тюменевым были так одиноки в этой каменистой, заснеженной пустыне. Теперь он отчетливо представил, что по снегу, среди валунов, пробираются сейчас десятки наших разведчиков: одни направляются в тыл врага на выполнение заданий, другие возвращаются «домой». И, может быть, некоторым из них так же трудно, так же тяжело, как и ему, Андрею...

— Тюменев, ты слышишь?.. Скоро будем дома. Слышишь?.. Крепись!..

Слова, срывавшиеся с до крови потрескавшихся губ, помогали ему, и Андрей шептал. Он шептал о том, что близка победа; звал любимую, которая ждала его в Горьком. Он хотел, чтобы она шла с ним рядом и ласково говорила бы: «Скоро мы будем вместе».

Еще несколько метров осталось позади, еще...

«Который теперь час?» Андрей очнулся от забытья. Он лежал на снегу, раскинув руки. Долго ли он так пролежал? Где Тюменев? Торопливо закинул руку за спину. Раненый был там, но не двигался, и Андрею стало страшно: вдруг Тюменев замерз? Надо ползти. Надо, надо...

Он прополз еще метров пять, приостановился, прильнул лицом к снегу, полизал распухшим языком шершавый наст.

«Все будет хорошо,— твердил он себе.— Все будет хорошо...» Но что такое? Кто-то гонится следом за ними на лыжах. «Фашисты?» На лбу выступила испарина. Андрей замер. «Может быть, они пройдут стороной?»

Неожиданно в небе снова заиграли сполохи.

— Нашел! — послышался знакомый голос Джаныбаева.

Он остановился около Андрея и Тюменева, с удивлением и страхом разглядывая их неподвижные тела.

Подкатили еще три лыжника в белых халатах, с автوماتами на груди.

— Оба мертвые,— прошептал Джаныбаев.

Андрей услышал этот шепот. Ему хотелось закричать от радости, а он мог только пошевелить рукой...

Лыжники осторожно сняли со спины Андрея почти безжизненного Тюменева. Андрей попытался подняться и не смог. Джаныбаев подхватил его под руки, прижал к груди, торопливо начал отвинчивать пробку фляжки.

— Высота... высота триста сорок семь... четыре батареи тяжелых... Два полка прибыли... Скорее Тюменева в санбат...

Все ярче и ярче разгоралось северное сияние. Гигантские разноцветные полотнища трепетали в черном бездонном небе.

СЕРДЦЕ АЛЕКСАНДРА СИВАЧЕВА

Эту быль, похожую на легенду, нам рассказал осенью 1944 года восьмидесятилетний Яков Брыня, житель белорусской деревни Головенчицы, что близ Гродно. Возможно, и не все сохранила его память — чересчур уж много лиха выпало на седую голову: фашисты на смерть засекли жену — старуха не выдала партизанские тропы, — угнали на каторгу дочь, спалили дом, и сам он поранен — правая рука висит плетью. Но, глядя на его испещренное глубокими морщинами лицо, в глаза его, все еще ясные и мудрые, каждый из нас чувствовал: ничто не сломило гордого человека.

— По-разному живут люди, — начал старик, — кто

ярким пламенем горит и себе на весь век и другим света его хватает, идешь за ним — и тепло тебе, и дорогу впереди далеко видать. А бывают и такие, в которых огонек чуть теплится. Комар чихнет — погасит. Таким и под ногами темень...

Гляньте, за крайними хатами земля черным-черна. Там пограничная застава стояла; там и жил старший лейтенант Александр Сивачев с пограничниками. Солдаты у него были как на подбор, один к одному. И сам товарищ Сивачев хоть и молод был, а с большим огнем в душе! Любили у нас на деревне и Александра и его бойцов. Не упомянул я, как всех по именам звать. Знаю: заместителем у Сивачева состоял Петр Грищенко, лейтенант. Ординарцем — Ваня Нехода. Ездовым — Корниенко, тоже Иван. Были еще рядовые: Куприянов, Кононенко, Власов, а других по имени назвать не могу.

В ладу мы, колхозники, с пограничниками жили. Чуть какая неясность либо заминка — к Сивачеву. Он и рассудит и объяснит. Кого неизвестного в поле или в лесу узреем — опять же на заставу: так, мол, и так, неясный для нас человек вокруг Головенчиц бродит.

По вечерам и воскресеньям вся наша молодежь сбегалась к заставе. У пограничников и баян и балалайка, играли — заслушаешься, и песни пели звонко, а лучше всех играл и пел сам Александр...

Будто вчера та суббота была двадцать первого июня сорок первого года. Проходил я перед полночью близ заставы. Гляжу — старший лейтенант вывел своих молодцов, и они окопы лопатами подравнивают: то ли чуял старший лейтенант, что напасть идет, то ли так по планам было положено. Спрашиваю: «Чего, мол, вы так усердно землю тревожите?» Александр только улыбнулся: «Надо, дед».

Ночью я снова на баз к скотине выходил — дом мой находился как раз в соседстве с заставой, — слушаю:

звонят лопаты, работают пограничники. А под утро, когда совсем уже светло стало,— будто небо треснуло над нашими Головенчицами. Вскочил я, глянул в окно — огонь вокруг. Выбежал в чем был на улицу. Женщины кругом криком кричат, дети плачут, скотина обезумела.

С нашей околицы пальба гремит, на границе. Долго ли сообразить — война! Фашист напал. Все поджилки у меня от страха затряслись. А чем Сивачеву помочь? Вилами да лопатой пулю со снарядом не упредишь. Пришлось в погребе хорониться. Народу там понабилося! Плач, стон. «Нам-то здесь что,— говорю женкам,— а каково пограничникам?» Не утерпела душа, выбрался из погреба.

Фашисты всю рвутся — через нашу деревню на шоссе прямой путь. А пограничники не пускают: целую поленицу врагов наложили перед окопами.

Фашисты поняли, видно,— не по зубам орех. Приставили к животам автоматы и пошли по огородам в обход. Пули кругом летят, на лету горят, а пограничники замолчали. Неужто всех перебил, проклятый? Только подумал я — опять из окопов пулемет начал стрелять. Фашист спину с пятками показал. Отлегло от сердца. Подполз к забору. Поле и опушку оттуда видно хорошо. Гляжу — враги пушки выкатили. Как полыхнет! Меня ветром сдуло, глаза песком забило, вроде ослеп. Земля ходуном ходит — снаряды рвутся на самой заставе.

Вспомнил я прошлую войну, когда сам был в солдатах, догадался: фашист ведет огонь прямой наводкой. Протер глаза, привстал и опять с копыток долой. Сразу несколько снарядов в казарму угодило. Крышу снесло, дом рухнул, и огонь до самых облаков.

Снова фашисты пошли в атаку. С трех сторон бегут, горланят. Совсем пьяные. А наши опять молчат. Не ина-

че, на этот раз окаянный враг перебил пограничников. И тут слышу Сашин голос: «Огонь! За Советскую Родину огонь!»

И где силы взяли наши пограничники?! Все вокруг горит, бревна попадали на окопы, земля изрыта снарядами, вроде бы там нет местечка для живого человека — а живы, бьются!

Моя старуха набралась храбрости, выбралась из погребя, за ноги хватает: «Уйди!» Где там уйти! Махнул я на нее рукой: «Сама хоронись!» — и к заставе. Пули над головой зик-зик, а потом слышу Ваню Неходу: «Куда ты, дед? Я, говорит, тебя не признал, чуть в покойника не обернул!» И тут Сивачев появился. Голова перевязана. На перевязке кровь, а лицо строгое, спокойное. «Не тревожься за нас, дед, и вы, товарищи колхозники, не тревожьтесь!» За мной следом еще человек пять приползло. «Вас здесь безоружных перебьют, забирайте жен с ребятами, стариков да в лес». И отправил всех обратно.

Тут опять пушки загрохотали, опять враг по заставе начал бить прямой наводкой. Дополз я до своей хаты, а вместо хаты — костер.

А время уж к полудню. Немец опять в атаку с трех сторон пошел. А Сашка молчит. Нет, думаю, жив он, угостит вас сейчас. И верно: стреляют, стреляют наши! Только звук уж не тот — один пулемет слышно с той стороны, где я Сивачева видал, и винтовок пять, не больше. Одних фашистов в гроб кладут, а другие лезут и лезут. Глядь — уж мимо колодца трое бегут, в руках гранаты, замахнулись да так в землю и плюхнулись, подкосил их Сашин пулемет.

Тогда по земле гул прокатился. Из роши выкатилось восемь танков. На бортах черные кресты. Грохочут, из пушек, из пулеметов палят. Один на переднем окопе вертится, другие — прямо на заставу.

Что это слышу? Песня! Грохот, пальба, а песня над всем, будто орлица, взлетела, и ничто не в силах ее заглушить. Танки остановились. А Александр Сивачев из окопов во весь рост поднялся, и за ним пятеро пограничников. Запели «Интернационал» и с гранатами ринулись на фашистские танки...

Что дальше было, не видел: в погреб меня утанули. Смотрю — рука окровавилась. Раньше и боли не чуял.

Бой смолк только часа в два после полудня. Стороной ушел на восток. Наши люди, кто посмелее, из погреба вышли, я за ними — и на заставу. Там угли, земля да кровь. Погибли наши дорогие товарищи — которые от снарядов, которые от пуль, а кто под танками. Вот как бились пограничники! Одиннадцать часов бились! Три танка пожгли. Шестьдесят четыре фашиста насмерть положили. А раненых и сосчитать было невозможно.

Ночью мы опять на место боя пробрались. Достали из-под обломков мертвых пограничников и похоронили за околицей под дубом. Узнал фашистский комендант — с землей могилу сровнял. А на другое утро на том месте опять холмик вырос, и весь в цветах. Сколько раз ни разрушали враги ту могилу, она все нерушимой была.

В ночь на третье июля — вовек этой ночи не забыть! — я с внучонком в поле за цветами направился. Насобираю цветов, ползу к могиле и сам себе не верю: над братским холмом огонь мерцает. Сначала будто светлячок, а потом все пуще. Ярким пламенем поднялся.

Мне словно кто новые силы в жилы влил. Весь страх у меня перед фашистами пропал, встал я с земли, цветы вверх поднял, иду на алый огонь. А он словно из самой земли идет, живой кровью светится.

Подхожу, а огонь все выше, все шире — полнеба захватил. Поднялся я на холм, где пограничная братская могила была, понял: за лесом пожар громадный.

А утром, — продолжал дед, — пришел к нам в дерев-

ню пограничник — зеленая фуражка на голове, в руке автомат. И как он, по всей форме одетый, смог пройти мимо вражеских постов! Пришел, собрал нас, колхозников, и говорит: «Сейчас из Москвы по радио приказ вышел. Родина наша зовет весь народ на борьбу с врагом. Велено создавать партизанские отряды, не давать фашистам пощады».

«А ты сам-то кто такой будешь?» — спрашиваем.

Он вынул из кармана красную книжечку:

«Коммунист!..»

Тогда мы всей деревней и ушли в лес, к партизанам. Там узнали: ночью партизаны за лесом опрокинули под откос вражеский эшелон с бомбами. Командиром у них был тот самый пограничник, а отряд назвали именем Александра Сивачева.

Старик оглядел нас:

— Мы, крестьяне, так решили: потому Александр Сивачев и его солдаты бились до последнего, что за народ воевали, за правду. Не довелось им увидеть светлый день, а знали, что придет он. На года вперед знали.

— А где сейчас командир вашего отряда? — спросили мы.

— Из Пруссии прислал весточку, фашистов доколачивает.

...В ясном небе который уж день не видно было фашистских самолетов и дыма пожаров.

Война пронеслась над лесами и долами на запад, за пределы родной земли.

Чуть поодаль от дороги широко раскинул ветви могучий дуб, и лист у него, не глядя на сентябрь, еще зеленый и крепкий. Под дубом, за голубой оградой, — красный обелиск, увенчанный золотой звездой. Молодые елочки обступили скромный памятник, чистый песок желтеет на тропе.

Мы обнажили головы, подошли к могильному хол-

му и положили на него рядом с выцветшей, полуистлевшей зеленой фуражкой поздние осенние цветы. Было нас восемь солдат, лейтенант и седой старик.

Кто-то вслух прочел:

— «Здесь похоронены героические защитники советской государственной границы, павшие смертью храбрых в неравном бою с фашистскими захватчиками двадцать второго июня 1941 года...»

Прошла минута, а может быть, три. Лейтенант подал команду, мы вскинули автоматы и выстрелили залпом три раза. Это был наш салют в память людей, которых никто из нас не знал, не видел в лицо, но которые были для нас больше, чем братья.

ТОМИК ПУШКИНА

1

О награждении Терентия Иванова орденом Ленина мы узнали в конце октября 1944 года, в северной Норвегии. Наши войска обошли тогда с юго-запада Киркенес и штурмом овладели этим старинным рыбацким городком, превращенным гитлеровцами в военно-морскую базу на Баренцевом море.

Обошли... Кому из фронтовиков не казался обидным телеграфно-краткий язык военных сводок? Ведь он не мог дать даже самое приблизительное представление о напряжении боя, о том, что на самом деле означает обход укрепленного пункта противника под артиллерийским огнем и бомбежкой, сквозь минные поля и проволочные заграждения. К тому же, если взять тот же

Киркенес, мы «обходили» его промозглой заполярной осенью, скользя на обросших лишайником скалах, проваливаясь в вязкую болотную трясиину, перекарабкиваясь через гряды огромных мокрых валунов, форсируя реки.

Сверху сыплет то дождь, то мокрый снег. И сам промокнешь, продрогнешь, о кружке горячего чая мечтаешь, как в детстве мечтал об именинном подарке...

Мы проклинали и непогоду, и скалы, и болота, и больше всего на свете — врага. Одно было утешение: кончается последняя осень войны! Над фронтами явственно шелестели знамена близкой победы: вышла из войны королевская Румыния, Советская Армия очистила от гитлеровцев царскую Болгарию, доколачивала фашистов в Венгрии, положила начало полному освобождению Польши, Югославии и Чехословакии, стояла на границах самой Германии. Месяц назад пала Финляндия Маннергейма...

А вот поди ж ты, здесь, на севере, в Заполярье, гитлеровцы все еще пытались удержать свои морские и воздушные базы, богатый никелем Печенгский район.

В самом начале нашего наступления и отличился Терентий Иванов. Однако, когда мы узнали, что он награжден самой высокой наградой, его среди нас уже не было...

Над Киркенесом, над крутыми скалами Варангер-Фьорда еще стлался перемешанный с туманом дым от горящих портовых складов и причалов. Рота получила приказ отдыхать. Впервые за несколько суток отоспавшись, плотно поев, выпив по пяти, если не больше кружек обжигающего чая, мы с нетерпением ждали полевой почты.

Наконец-то и общий друг почтальон!..

— Иванову Терентию... — позабывшись, взмахнул очередным белым треугольником старшина и осекся.

На всем огромном фронте Великой Отечественной войны, от Баренцева до Черного моря, был один сравнительно небольшой участок, где наши пограничные части ни на шаг не отступили от советской государственной границы. Участок этот находился за Полярным кругом, в северных скалах, щедро обдуваемых ветрами всех румбов. За три с лишним года непрерывных боев на него обрушилось столько бомб и снарядов, что если бы собрать весь этот металл, то, наверно, каждому защитнику рубежа можно было бы отлить памятник.

Именно здесь с первого дня войны служил сержант пограничник Терентий Иванов. Вместе со всеми он отбивал ожесточенные вражеские атаки, ходил в разведку, мерз, голодал, болел цингой, перевязывал в бою раны товарищей и свои собственные, по счастью легкие, не выводившие его из строя.

Войну он начал зеленым юнцом, всего с год до этого прослужив на заставе. Был он застенчиво-наивным, мечтательно настроенным. Удивительное дело: потомственный вологодский лесоруб, охотник с малых лет, как говорится, в плечах косая сажень — и вдруг скажет, глядя на звезды: «А что, братки, живут на Марсе люди?» Смертная война кипит, а он вдруг про Марс!.. Словом, войну Терентий начал пареньком, к началу же нашего наступления в октябре 1944 года он стал если не степенным, то обстоятельным, научившись в достатке и солдатскому терпению, и всему другому, что положено бывалому воину, имея на личном снайперском счету полторы сотни уничтоженных врагов.

Левый карман гимнастерки Терентия всегда оттопыривался: там рядом с комсомольским билетом и солдатской книжкой лежал томик стихов Пушкина; тот самый томик из «Малой библиотечки поэта», что вышел из

печати в канун войны. Кто же из пограничников не знал и не любил Пушкина, однако именно Терентий взял с собой в окопы томик его стихов.

В редкие часы затишья, при ярком свете незаходящего летнего солнца и долгими полярными ночами, в промерзшей насквозь землянке, при колеблющемся огоньке чадной моргалки, в минуты, казалось бы, безысходной тоски по дому, по близким, нестерпимой боли по погибшим товарищам к нам приходил Пушкин.

Терентий не умел читать его так, как читают актеры с эстрады, читал он тихо, пожалуй, даже одностонно, но каждое слово шло у него из сердца. Он читал:

Но вы, мучители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?

— Это насчет «союзничков», насчет второго фронта! — хмурился снайпер Челищев, в груди у которого сипела простуда.

Шла тяжелая зима первого года войны...

Куда отвиним строй твердынь?
За Буг, до Воркслы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?

О многом, чем дышит и живет человек, о его горестях и страданиях, радостях и надеждах написал для нас Александр Пушкин стихи. А Терентий Иванов, молодой лесоруб из-под Вологды, умел найги в томике именно то самое нужное стихотворение, которое согревало, успокаивало душу или накаляло ее гневом:

Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

Мы, товарищи Терентия, оборонявшие вместе с ним родную землю у «хладных скал», долго не знали, что и сам он пишет стихи. Терентий никогда не читал их, он стеснялся читать свое после стихов Пушкина. И все-таки рота справедливо называла Терентия Иванова поэтом...

В один из первых дней октября 1944 года, когда и нашему участку фронта пришел долгожданный приказ перейти в наступление, командир полка назначил Иванова, как лучшего следопыта части, не раз и не два ходившего в разведку, проводником подразделения, которое должно было зайти в тыл горно-егерскому фашистскому батальону и отрезать ему путь к отступлению.

Терентий возвратился в роту на вторые сутки промокший до нитки, с наскоро забинтованной левой рукой. На вопрос, что с ним такое случилось, он ответил, что ничего особенного, и, прежде чем отправиться в санбат на перевязку, с трудом вытащил из кармана гимнастерки томик Пушкина с набухшими, слипшимися страницами и попросил товарищей поаккуратнее высушить книжку. Партбилет — к тому времени Терентий уже вступил в партию — он оставил на хранение в политчасти.

Старательно разглаживая каждый листочек томика, мы нашли между ними закладку и прочли подчеркнутые строчки:

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!

На закладке едва заметны были размытые водой карандашные строки:

Пушкин, ты с нами дошел до Победы,
Сражались в одном мы строю.
И слово твое, как напутствие дедов,
Нас вдохновляло в бою.

Вероятно, несовершенные эти строки вызвали бы у знатоков поэзии снисходительную улыбку, нам же они показались прекрасными.

А наутро вся рота поразилась, узнав из армейской газеты о подвиге тихого и застенчивого сержанта Иванова. Оказывается, когда подразделение, к которому он был прикомандирован проводником, завершало окружение вражеского батальона, путь преградила горная речка. Мост через нее был взорван, строить новый некогда. Переходить всем вброд, чуть ли не по плечи в ледяной воде перед самым боем?.. Выход нашел Терентий. Он забрался в воду, положил себе на плечи стволы четырех березок — одну пару с левого берега, другую с правого — и так простоял под минометным огнем врага, пока все подразделение не перебежало по тем березкам, как по мосту. Тогда-то Терентия и ранило.

Вскоре перешел в наступление весь северный участок Карельского фронта. Под Печенгой Иванова снова ранило, на этот раз тяжело — осколок снаряда попал ему в грудь. Терентия эвакуировали в какой-то тыловой госпиталь. Куда? Жив ли он? Мы ничего не знали. Не знали мы и его домашнего адреса, чтобы справиться о Терентии у родных. Да, откровенно говоря, и не до писем тогда было — каждый день бои.

Томик Пушкина Терентий с собой взять не успел, его хранил наш старшина Никитин.

И вдруг в Норвегии, в Киркенесе, — известие о награждении сержанта Иванова орденом Ленина и письмо ему из Вологодской области...

— Наверно, от родных, — хмуро сказал Никитин.

Посоветовались с замполитом: если распечатать письмо, узнаем адрес родителей. Может быть, пока шла почта, Терентий написал им из госпиталя?

Лучше бы нам не читать того письма... Сельсовет сообщал Терентию, что его старший брат и отец пали смертью храбрых под Волховом. Мать не перенесла горя и скончалась девятого сентября. В доме Ивановых временно помещается детский дом сирот войны...

Из рассказов Терентия мы знали, что других родных у него нет.

3

Кончилась война. Все мы, кто остался жив-здоров, разъехались по родным местам. Прощаясь на Ленинградском вокзале, обещали писать друг другу, да не все, конечно, за мирными делами и заботами помнили обещание — жизнь есть жизнь, тут и винить никого нельзя...

Года полтора назад я получил последнее письмо от бывшего старшины роты Василия Никитина, с которым мы хоть и изредка, да переписываемся. Василий — в пятьдесят пятом году он закончил технический институт — сообщал, что уезжает в Китай, на строительство моста через Хуанхэ, и спрашивал: *«Не слыхал ли ты, случаем, где Терентий Иванов? Жив ли он? Я ведь до сих пор вожу с собой томик Пушкина. На досуге читаем с товарищами его стихи».* — «Не слыхал», — ответил я старшине.

Признаться, я все реже и реже вспоминал Терентия, и вдруг в начале августа прошлого года он сам напомнил о себе. По газетным делам мне довелось приехать в Архангельск. Просматривая как-то утром областную газету, я прочел под небольшим стихотворением подпись: «Терентий Иванов. Соломбала».

Соломбала — предместье Архангельска, то самое предместье, куда я приехал в командировку. Из окна домика, где мы с сослуживцем временно квартировали, было видно одно из устьев Северной Двины — устье Корабельное: мачты, трубы и грузовые стрелы советских и иностранных пароходов-лесовозов, паруса рыбацких шхун и лодок.

По дощатому тротуару протопала оживленная гурьба молодых рослых матросов — Соломбала родина потомственных моряков.

Я перечитал стихотворение Терентия Иванова — почему-то я сразу уверился в том, что это именно наш сержант.

В немногих бесхитростных строках говорилось о девушке-шофере автолесовоза, в свете немеркнувшейлетней зари несущей трудовую вахту на лесной бирже.

Мне захотелось во что бы то ни стало повидать Терентия, поспросить обо всем, что с ним приключилось, сказать ему, что зря он стеснялся читать нам на фронте свои стихи: они были бы нам на радость...

— Терентий Иванов? Был у нас такой, был,— сказали мне в порту.— Шофером на автолесовозе работал, на пару с женкой. Только недавно орден Ленина за войну получил. Пятнадцать лет, чудак, не знал, что гражданин. Застенчив через край.

— Куда же он от вас ушел? Мне обязательно нужно его повидать,— огорчился я.

— Теперь уж не увидите. Ивановы только позавчера с якоря снялись.

— Куда же?

— В дальнюю разведку,— рассмеялся беседовавший со мной сотрудник отдела кадров.— В Антарктику ушли на «Оби», в поселок Мирный на целых полтора года. А вы, извините, не родственником им доводитеесь?

— Родственником,— сказал я.

ИНАЧЕ ОН НЕ МОГ...

1

Вторые сутки Петр метался на койке в бреду. То он звал какую-то Татьяну, то просил дать ему сапоги и с такой силой порывался встать, что Семен Прохоров едва мог удержать его. А когда к нему возвращалось сознание, он не в силах был протянуть руку за кружкой с водой, хотя кружка и стояла рядом на тумбочке.

Лейтенант Самохин еще вчера хотел отправить Петра в санчасть пограничного отряда, но, придя в себя, Петр так настойчиво просил повременить, что лейтенант согласился. Не верилось, что такой здоровый парень — на заставе никто не называл его иначе, как Крепышом, — заболел всерьез.

Сегодня утром Самохин зашел в спальню проведать больного, поглядел на его побледневшее, осунувшееся лицо с неестественно блестящими глазами, и сокрушенно сказал:

— Придется все-таки, товарищ Васильев, поехать. Меня врач распушил по телефону. Он к вечеру сам за вами заедет.

Петр больше не перечил. Снова его начало трести — через полчаса поднимется жар.

Семен Прохоров укутал товарища вторым одеялом, накрыл сверху шинелью, а тому все равно холодно, будто он стоит босой на льду.

— Не тужи, Крепыш,— успокаивал Семен.— В санчасти уход лучше, лекарства всякие, в жилу чего-нибудь впрыснут — и сразу на танцы!

Жена начальника заставы Екатерина Захаровна принесла манной каши:

— Кушайте, Крепыш!

А шестилетний Вовка, начальников сын, глядя, как его лучший и самый верный друг, морщась, ест с чайной ложечки кашу, не утерпел и посочувствовал:

— Я манку тоже терпеть не могу. Я ее и маленький никогда не ел.

— Уходи, Вовик, дяде Пете нужен покой,— сказала Екатерина Захаровна.

Вовка ускакал из спальни на одной ноге, однако, едва ушла мать, снова появился.

Раскатывая на табуретке хлебный шарик, он сообщал другу утренние новости. У Ласки — так звали розыскную собаку — щенята открыли глаза. Вовка боялся, как бы они не остались навсегда слепыми. Сеня Прохоров и Ваня Матюшин обещали сделать маленький следовый фонарь. Когда фонарь будет готов, Вовка пойдет с Крепышом в ночной наряд и они обязательно поймут в лесу самого хитрого шпиона.

И, наконец, самая важная новость. Сообщая о ней, Вовка предусмотрительно заглянул под кровать: не спрятались ли там кто-нибудь,— и зашептал.

Самая важная новость касается Крепыша. Вовка слышал, как папа сказал маме об этом сегодня утром. Они думали, что Вовка спит, а он только зажмурил глаза и все слышал. «Крепыш скоро поедет домой». Так сказал папа. Разве у Крепыша есть еще один дом?

Вовка вопросительно уставился на друга:

— Может, папа чего-нибудь перепутал?

— Я еще не скоро поеду,— успокоил Петр.

— Совсем не скоро?

Вовка мигом оживился и натянул Крепышу до самых глаз одеяло.

— Тебе спать нужно. Ладно?

До порога Вовка шел на цыпочках, но едва открыл дверь и увидел в коридоре Прохорова и Матюшина — они чистили автоматы,— как затопал ботинками и громко закричал.

— Я тоже хочу чистить автомат, я умею!..

Крепыш остался один. «И зачем я обманул Вовку?» — подумал он, прислушиваясь к возгласам мальчугана: тот был уже на дворе и играл с Лаской.

Петр достал из-под подушки письмо и перечитал его в десятый раз:

«Петенька, сыночек! Скоро ли ты приедешь домой? Люди рассказывают, будто у вас на границе всегда война. Береги себя, сынок, ты ведь один у меня. Попроси, пожалуйста, своего начальника: может, он даст тебе отпуск. И Татьяна тебя зовет. Она и письмо это пишет. Я даром что очки надела, сама писать уж не могу».

В конце письма Татьяна приписала от себя:

«Я, Петя, знаю — скоро ты не приедешь, а так хотелось бы увидеть тебя хоть на часок!»

Петр спрятал письмо обратно под подушку. Он по-

лучил его с неделю назад и до сих пор не ответил, потому что лейтенант Самохин сказал, что за отличную службу командование отряда предоставляет ему, Петру Васильеву, десятидневный отпуск для поездки домой.

Хотел обрадовать своих неожиданным приездом, и вот на тебе — подцепил где-то малярию...

«Кто это стучит? — Петр посмотрел в окно. — Ах, это опять Тихоня!»

Третьи сутки он не кормил сам своего любимого голубя, и тот прилетал, садился на переплет рамы, заглядывал в окно и стучал клювом в стекло.

Глаза устали, и Петр смежил веки, забылся.

Долго ли он спал?

— В ружье!..

Боевая тревога? Петр приподнял голову.

В спальню стремглав вбежали солдаты (они были в Ленинской комнате на политзанятиях), расхватали из пирамиды свои винтовки и автоматы, надели фуражки и так же стремительно выбежали во двор.

Никто из них, даже Семен Прохоров, не сказал Крепышу ни слова — некогда! Взявшись за спинку кровати, он подтянулся, чтобы быть поближе к окну. Солдаты построились. Послышался взволнованный голос лейтенанта Самохина. Лейтенант сказал, что только что позвонил по телефону председатель колхоза и сообщил о двух неизвестных, которых видели на опушке ребяташки, собиравшие грибы. Незнакомцы скрылись в урочище. Необходимо обнаружить их, настигнуть и задержать.

Грозвучала отрывистая команда, зазвякали винтовки, затопали сапоги, и все стихло.

Петр хорошо знал урочище Гнилая балка: обнаружить там спрятавшихся людей дело нелегкое. Место низменное, топкое, особенно сейчас, осенью. В чащо-

бе — густой подлесок до самой границы. В болотистой почве до сих пор находят человеческие черепа, кости и оружие — следы недавней войны. Отступая из Советской Белоруссии, остатки разбитых немецких частей скрывались в урочище, и многих гитлеровцев засосала вязкая топь. Не раз в Гнилой балке пытались схорониться и диверсанты и шпионы. Изрядно всякой нечисти изловили пограничники в глухом заболоченном лесу.

Приподнявшись повыше, Крепыш увидел в окно, как товарищи скрылись за пригорком.

— А я? Что же я? — прошептал он.

Пододвинул табуретку с обмундированием, начал одеваться. С трудом застегнул пуговицы гимнастерки. Почему такие тяжелые сапоги?

Пошатнувшись от слабости, Петр затянул ремень, надел фуражку, взял из пирамиды винтовку.

— Куда ты, Крепыш, больной-то? — окликнул его в коридоре дежурный.

— Здоров я!..

Свежий утренний воздух придал бодрости.

«Не так уж я и болен». Только подумал, как затуманилось в глазах, хоть садись прямо на землю.

«Сейчас пройдет, сейчас пройдет», — успокоил себя Петр и, постояв секунду-другую, быстро пошел, а потом побежал следом за товарищами.

— Дядя Петя! — Увидев Петра, Вовка чуть не кубарем скатился по лестнице с крыши, куда забрался, чтобы наблюдать, как будут ловить шпионов.

Крепыш даже не оглянулся.

— А еще друг называется! — захныкал Вовка.

Петр догнал своих у опушки.

— Вы зачем здесь? — удивился начальник.

— Полегчало мне.

— Полегчало? — Самохин хотел было отправить Крепыша обратно на заставу, но, может быть, ему и в

самом деле лучше? Если бы было плохо, не смог бы так бежать.

— Пойдете с Прохоровым с правого фланга! — приказал лейтенант.— Прочесывать лес будем.

Пограничники вошли в Гнилую балку цепью. Ели и осины росли в урочище так густо, что даже днем здесь было сумрачно.

Сначала Петр видел идущего слева товарища, но вскоре начал отставать.

2

Услышав преследователей, Вернер Курц и его переправщик Сангушко притаились за кочкой. Бежать дальше было неразумно: грязь хлюпала под ногами, ветви трещали.

Лежать нужно, не подавая никаких признаков жизни, лежать плашмя, бревном. Холодная вязкая грязь затекала в рукава тужурки, за ворот рубашки, в сапоги. Шею ломило от напряжения. Курц приподнял было голову, но Сангушко, ни слова не говоря, надавил ему на затылок, и Курц ткнулся лицом в болотную жижу. Он едва не чертыхнулся и не ударил проводника.

Как нелепо все получилось! Не нужно было выскакивать на опушку! Называется, прошли!..

Курц скосил глаза на Сангушко. Тот вдавился в грязь, сжимая в правой руке маузер.

Конечно, лучше сидеть во Франкфурте-на-Майне, в теплом кабинете, чем вот так вязнуть в грязи и дрожать от холода и страха. Но что делать? У обер-лейтенанта Вернера Курца не было иного выхода. После разгрома его дивизии летом 1944 года он долго скрывался в лесах Белостокского воеводства у своих знакомых из тайной нацистской организации, пока ему не предложили работать по заданиям не то бывшего польского, не то английского генерала Андерса в пользу, как вы-

разились его новые хозяева, одной могущественной державы. Курц равно ненавидел и Советы и новую Польшу — и согласился. В конце концов, не все ли равно, кому служить — генералу Андерсу, американцам или англичанам, — платили бы деньги!

«Вы не пожалеете, — говорили Курцу, — все это будет не так трудно осуществить...» — и дали ему в проводники вот этого Сангушко, который был чуть ли не адъютантом самого предателя Варшавы генерала Бура. Курц согласился, но он даже предположить не мог, что попадет в такую жуткую историю...

— Не сопител! — едва слышно прошептал Сангушко.

Курц затаил дыхание, уставившись на торчащий перед глазами сероватый ствол ели. «Что это?.. Неужели..»

Позади явственно послышался звук, свидетельствующий о приближении погони. «Продолжать лежать или...»

Сангушко, как бы предупреждая спутника от поспешных решений, вторично пригнул его голову. Курц от неожиданности хлебнул жидкой грязи и, будучи не в силах сдержаться, закашлялся. Все под ним засопело, захлюпало. Скрываться дальше было бессмысленно. Он повернулся, и его глаза встретились с глазами человека в зеленой фуражке.

Пограничник!..

3

Петр шел, напрягая все свои силы, а когда ноги отказались служить ему, пополз. Он осторожно перекидывал в стороны ветки, чтобы не трескались, осторожно, по очереди вытаскивая из грязи руки, переносил их вперед.

Гимнастерка и брюки пропитались жидкой грязью, и, приподнимаясь, чтобы продвинуться еще на полметра, Крепыш остерегался: не зашумела бы стекающая с одежды вода.

В горле пересохло, а дрожь не прекращалась. Поче-

му качаются деревья? Вон за той большой елью, до которой осталось шагов пятнадцать, почва станет тверже...

Неприятный звон неотступно раздавался в ушах. Силы оставляли Петра, и все-таки он полз и полз.

Приподняв винтовку — казалось, в ней пуда два, — крепче сжал ее: «Что это впереди? Чьи это сапоги?..»

Крепыш не успел вскочить первым. Первым поднялся Вернер Курц, и Петр увидел его лицо, залепленное грязью, с выпученными от страха глазами.

Боль, слабость, головокружение — все вмиг исчезло. «Вот они, враги!..»

Целиться некогда! Петр нажал спускной крючок: выстрел услышат свои. В ответ раздался оглушающий хлопок пистолета. Крепыш успел ткнуть куда-то вперед штыком и упал.

— Некогда! — выкрикнул Сангушко, зажимая проколотое плечо.

Но Курц и сам понимал, что добивать раненого нет времени. Не скрываясь, не таясь больше, они побежали сквозь кусты в сторону границы.

Крепыша нашли минут через пятнадцать после того, как услышали выстрелы. Он сидел, прислонившись к стволу ели, прерывисто дышал.

— Что с тобой? — спросил подбежавший первым Прохоров.

Петр дрожащими пальцами закатал кверху гимнастерку и нижнюю рубашку. Из маленькой круглой ранки на животе текла кровь.

4

Крепыш очнулся лишь на заставе. Возле него сидела Екатерина Захаровна. («Почему у нее слезы в глазах?») Рядом стоял лейтенант Самохин.

Из столовой доносился приглушенный стук посуды: дежурный убирал после обеда.

И тут Петр все вспомнил, и его охватила тревога.

— Задержали? — попытался он приподняться.

— Лежите, лежите, Крепыш! — удержала его Екатерина Захаровна.

— Ясное дело! — улыбнулся лейтенант. — Твой выстрел помог...

— Хорошо... Это хорошо...

Петру стало легко, и он обрадовался, увидев, что рядом стоит и Вовка. Вовка тер кулаками распухшие глаза.

— Дядя Крепыш, я их видел. Их Сеня Прохоров караулит.

— Вовик, идчи спать! — Екатерина Захаровна обняла сына и увела.

Когда она вернулась, Петр достал из-под подушки письмо.

— Екатерина Захаровна, здесь адрес мамы. Напишите ей: я обязательно приеду, только немного задержусь...

Сказал и только сейчас почувствовал: на заставе необычайная тишина. И в домино не играют, и радио не слушают... Только мошки жужжат... Нет, это не мошки, это в голове шумит...

На дворе заурчал автомобиль, заскрипели тормоза.

— Наконец-то приехали! — прошептала Екатерина Захаровна.

— Ну, где ваш малярник? — шумно входя в спальню, спросил врач.

— Ранен он. Пока вы ехали, его ранили, — сказал Самохин и тихо добавил: — Минск предлагает выслать за ним самолет.

Врач склонился над Петром, осторожно сняв временную повязку, осмотрел рану, отрицательно покачал головой:

— Необходима немедленная операция. — Он повер-

нулся к Екатерине Захаровне: — Приготовьте, пожалуйста, кипяток, таз, чистые полотенца и бинты. И как можно быстрее...

...Над урочищем занималось новое утро. Не по-осеннему голубое небо перечеркивали перистые облака. Воздух был тих. Недвижимо стояли ели, и желтеющие осины, и березы. Нахолодавшая за ночь почва отогревалась, и легкий пар поднимался над подлеском. словно переключаясь друг с другом, барабанили дятлы.

Прохоров и Матюшин шли дозорной тропой, внимательно вглядываясь в покрытую опавшей листвою землю.

Тонкий горловой звук с переливами привлек внимание пограничников. Две крохотные буро-серые пичужки ворошили траву. Увидев людей, они нахохлились, распустили веером хвостики, завертели головками.

— Вертишейки, — улыбнулся Прохоров. — Напугались-то как! А не отступают.

Пограничники обошли разволновавшихся пичуг и опять устремили взгляд на дозорную тропу. И вдруг Матюшин тихо сказал:

— По-моему, Крепыш выживет.

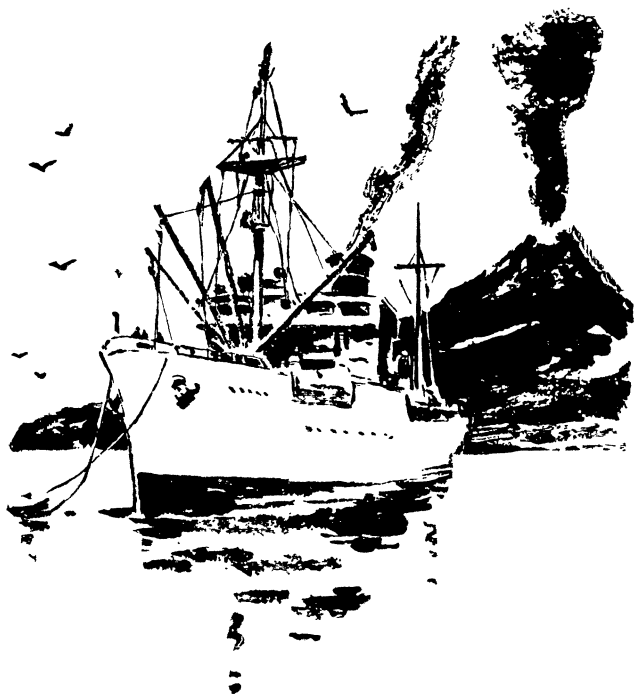
— Конечно, выживет, — ответил Прохоров.

— Только подумать, — добавил Матюшин, — больной был и пошел, а мог ведь и не идти.

— А ты бы разве не пошел? — спросил Прохоров.

МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Глава первая

КУРС — КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Грузо-пассажирский теплоход «Ломоносов» вышел из Владивостока в конце сентября, ласкового в этих краях. Стояла тихая безоблачная погода, и долго еще виднелись караваны горбатых рыжих сопок, бредущих над удаляющимся городом. Белокрылые чайки, горляны, вились за кормой, выжидая добычу. У мыса Поворотный «Ломоносов» лег курсом на северо-восток, в открытое

море, такое же спокойное, как и бухта, как и залив Петра Великого.

На верхней палубе расположились пассажиры: сахалинские, курильские, камчатские и чукотские старожилы, возвращающиеся с материка из командировок и отпусков,— переселенцы с семьями. Кто пил чай тут же на палубе; кто читал или дремал; кто азартно стучал костяшками домино. На корме распевала песни молодежь, ехавшая по комсомольским путевкам работать на Камчатку.

— А шторма, пожалуй, не миновать,— негромко сказал облокотившийся рядом со мной о фальшборт капитан первого ранга Самсонов.— Поглядите на солнце,— добавил он,— верный признак.

Тут только я обратил внимание, что возле солнца появился белесый круг, как у луны в морозную ночь. С капитаном первого ранга мы познакомились в штабе пограничного округа: мне оформляли документы для поездки на остров Н., Самсонову — к месту нового назначения, в Петропавловск-Камчатский. «Вот вам и попутчик,— обрадовал меня офицер штаба.— Знает Дальний Восток не хуже, чем вы в Москве улицу Горького. Кстати говоря, и на острове Н. не так давно служил...» Можно ли было после этого усомниться в предсказании капитана первого ранга?

Под вечер капитан — они с Самсоновым оказались давними друзьями — пригласил нас к себе в рубку.

— Веселые новости,— протянул он пачку радиogramм.

«Всем! Всем! Всем! Идет тайфун!» — сообщало радио. Предупреждения о тайфуне посылали и Китай, и Корея, и Япония, и наше Приморье.

— Возник у Филиппин,— продолжал капитан,— прошел Корейским и Цусимским проливами и мчит к нам на север. Скорость — сто километров в час. Сегодня к шест-

надцати ноль-ноль успел утопить двадцать шесть судов.

— Где решил отстояться? — спросил Самсонов.

— Думаю зайти на Хоккайдо в Отару,— хмуро сказал капитан.— Если успею...

Самсонов тронул меня за локоть:

— Пойдемте госпим, пока есть возможность.

Спать, ожидая тайфун?.. Из чего только сделаны нервы у моряков!..

Мне и в голову не приходило дотоле, что океанский корабль может издавать столько разных звуков: «Ломоносов» скрипел, дребезжал, трещал, скрежетал, стонал. Миг спустя, после того как я очнулся от полудремы, что-то с яростью, с грохотом ударило в борт. Пол и стены каюты поменялись местами. Электрическая лампочка подмигнула вдруг откуда-то сбоку и тут же метнулась обратно вверх.

— Капитан просит вас помочь! — На пороге внезапно распахнувшейся двери стоял мокрый до нитки вахтенный матрос.— Ураганный ветер... Закрепляем палубный груз. Аврал...

Самсонов нахлобучил фуражку.

— Мы готовы...

«Ломоносов» не раскачивался, нет, он то беспомощно метался из стороны в сторону, то приостанавливался, дрожа всем корпусом, взбирался на водяную гору и опять проваливался, захлебываясь в обрушившихся на него тяжелых валах. Грохочущая, свистящая тьма окружала корабль. Прожекторы освещали палубу не ярче, чем тусклая керосиновая лампа.

Беззвучные молнии вспыхнули одна за другой, и в слепящем свете этих мгновенных вспышек будто застыл гребень вала, запрокинувшегося над палубой, будто застыли клочья низких облаков; замерли, словно окаменев, фигурки людей; туго натянутыми струнами увиделись струи ливня.

...В японскую гавань Отару «Ломоносов» вошел глубокой ночью, едва не ударившись бортом о гранитный волнолом.

«Встал на якоря в Отару. На подходе к порту был застигнут тайфуном. Человеческих жертв нет. Четверо пассажиров, из числа помогавших при спасении груза, получили тяжелые ушибы, семеро легко ранены. За борт смыло спасательную шлюпку и две автомашины, сломана грузовая стрела. В машинном отделении повреждены вспомогательные механизмы. Исправляем своими силами», — выстукивал радист донесение капитана в Правление пароходства, во Владивосток.

Почти в полном одиночестве мы с Самсоновым выпили в кают-компании горячего чая. Большинство пассажиров, измученных тайфуном, уже спало.

— А что опаснее — тайфун или моретрясение? — спросил я у капитана первого ранга.

Мне вспомнилось, что несколько лет назад на Японию и наши Курильские острова обрушилось и это страшное стихийное бедствие.

— Разные вещи. Тайфун — стихия грозная, но вы сами сегодня убедились, что заранее бывает известно, откуда тайфун идет, где и когда приблизительно его следует ждать. С моретрясением дело посложнее — его трудно, а подчас и невозможно предсказать. — Самсонов прочертил пальцем по висящей на стене карте Дальнего Востока. — Наша Курильская гряда — не что иное, как одно из звеньев вулканического кольца, опоясывающего Тихий океан по так называемому разлому земной коры. Здесь вот, — постучал он по карте, — как раз в соседстве с Курилами, самая глубоководная впадина в мире — одиннадцать километров с лишним. Высочайшая вершина земли Эверест потонет с макушкой.

— Ничего себе «разломчик»!

— И вот, представьте себе, что где-нибудь далеко от

берега произошло подводное землетрясение, а значит, произошло и резкое, стремительное изменение рельефа морского дна, поднялось оно, скажем, или опустилось — значит, тотчас же поднялась или опустилась в этом районе и вся толща воды.

— И во все стороны пойдут волны?

— Какие? Как пойдут? Обычная, поднятая ветром волна — не что иное, как колебания верхнего слоя воды. А во время моретрясения колеблется вся толща воды от дна океана до поверхности. Вся. Весь океан тут вздымается.

— Что же происходит с кораблями? Переворачивайся вверх килем?

— Даже не покачнетесь. Будете стоять на палубе и можете не заметить, что под кораблем прокатилась цунами: глубины огромные и вместе с толщиной воды поднимется и ваше судно. «Цунами» — это по-японски. В переводе на русский язык — «большая волна в заливе». В названии и разгадка. В открытом океане цунами отлогие, но, чем ближе к берегу, чем мельче становится, тем все больше и больше нарастают волны. А мчатся они с непостижимой скоростью: шестьсот — девятьсот километров в час! Особенно стремительно нарастают цунами в узкостях — заливах, бухтах, проливах. Тут-то они и обрушиваются на берег гигантскими крутыми валами огромной разрушительной силы.

— Как в хороший шторм?

— Куда шторму! Штормовая волна редко бывает выше пятнадцати метров, а в моретрясение на берег накатываются волны метров в двадцать, в тридцать, а то и во все пятьдесят.

— И часто бывают такие цунами?

— Часто не часто, а бывают. В тысяча девятьсот сорок шестом году, к примеру, цунами снесли все поселки на побережье Японии в заливе южнее порта Осака.

А в пятьдесят втором обрушились на Аляску, на Алеутские острова и на Калифорнию. Докатились до Гонолулу и Оаху на Гавайях. На нашем острове Парамушир в том же пятьдесят втором году цунами снесли целый город Северо-Курильск. Великое было бедствие. А не так давно, да к тому же ночью, цунами обрушились и на остров Н. У командира морпогранбазы капитана третьего ранга Николая Ивановича Баулина, к которому вы едете, тогда погибла жена, Ольга Захаровна.

— Вы были во время моретрясения на Н.?

— Служить-то я служил на Н., но в это самое время находился в командировке на материке. Алексей Кирьянов тогда отличился. Старшина первой статьи. Редкой находчивости и отваги пограничник. Вот о ком следует писать. Обязательно расспросите о нем Николая Ивановича. Самого-то Кирьянова вряд ли там застанете — наверное, уже отслужил свой срок и уехал.

«Алексей Кирьянов», — записал я в блокнот.

— А цунами мы учимся предсказывать, — закуривая трубку, продолжал Самсонов. — Для этого специальные научные станции и несут теперь круглосуточную вахту и на Камчатке, и на Курилах, и на Сахалине. Курилы нам не послезавтра — сегодня осваивать. Богатейшие острова, одной рыбы в прибрежных водах сколько! Народу каждый год прибывает тысячи.

...Спустя трое суток после того, как «Ломоносов» покинул наконец-то японский порт Отару и, миновав пролив Лаперуза, зашел в Корсаков на Южном Сахалине, на горизонте возникли Курильские острова. Погода снова прояснилась, и все пассажиры высыпали на палубу. Словно и не было страшных дней тайфуна, словно и не было недавней опасности и тревог.

КИРЬЯНОВ И МАРИНКА

После напутственных прощальных речей грянул марш. Было пасмурно, и медь оркестра не блестела, а лишь тускло отсвечивала. Радостно взволнованные матросы и старшины, отслужившие на Курилах свой срок, спустились на катер. Последним спрыгнул с пирса старшина первой статьи Алексей Кирьянов. Зарокотал мотор, и катер рванулся вперед, оставляя за кормой пенистые водовороты.

Провожающие замахали фуражками, бескозырками: «Счастливого пути! Пишите!» С катера в ответ: «Счастливого оставаться! Не поминайте лихом!»

Рядом с капитаном первого ранга Самсоновым, который вместе со мной высаживался на остров, чтобы хоть часок, пока шла разгрузка, повидаться со старыми друзьями, на корме стоял Кирьянов. Он крутил над головой бескозырку, и я подивился, что на его лице нет и тени радости. А ведь он тоже возвращался домой.

Маринка прильнула к Баулину, горько заплакала.

— Ну что ты, доченька, ну что ты, не плачь! — успокаивал ее капитан третьего ранга.

— Мы так любили друг друга! — вымолвила девочка.

Катер шел ходко и минут через пятнадцать привалил к стоящему на внешнем рейде «Ломоносову», который привез на остров Н. продовольствие, новый опреснитель морской воды, несколько станков, книги, посылки и почту.

Провожающие не расходились, с невольной грустью глядя, как с борта парохода спустили трап, как едва заметные фигурки людей поднялись на палубу, как наконец, выбрав якорь, «Ломоносов» попрощался с островом протяжным басовым гудком и взял курс на север.

Мне оставалось пожалеть, что я разминулся с Алексеем Кирьяновым. «Вот о ком следует писать!» — вспомнились слова Сэмсонова.

— Пошли, Мариша, домой,— сказал Баулин.

Девочка вытерла кулачками покрасневшие глаза, ответила:

— Пошли...

На стоящих у причала сторожевых кораблях, недавно возвратившихся из дозора, происходила приборка. Редкий для октября тихий ветер едва шевелил зелено-голубые флаги пограничного флота. Мутно-свинцовые волны лениво накатывались на осклизные, обросшие зелеными лохмами водорослей сваи.

Неподалеку от стоянки кораблей строилось похожее на цех здание. Из-за высокой, отвесно падающей в океан скалы доносился перекастистый гул «птичьего базара» — десятков тысяч гнездящихся там гагар и кайр.

Крутой каменистой дорогой мы поднимались от морбазы к небольшому поселку привезенных с материка домиков. Десятый час был на исходе, а солнце все еще не могло осилить толщу низких серых туч, отчего все вокруг тоже казалось серым, унылым. Голые скалы в заплатах лишайников, нагромождения камней, напоминающие развалины древнего города, и вокруг ни единого деревца, ни единого кустика.

Дорога свернула влево, и в прямоугольной скалистой выемке, словно в громадной раме, вырисовался конус вулкана, спрятавшего в тучах свою вершину. Под ногами похрустывали обломки застывшей лавы.

— Ты не устала, Мариша? — спросил Баулин.— Давай-ка я тебя понесу.

Маринка помотала головкой:

— Не, я сама,— и побежала вперед.

Я не удержался и спросил:

— Николай Иванович, а почему бы вам не отправить

Маришу на Большую землю, к родным? Уж больно су-рово у вас тут на острове.

— На будущий год отправлю. Придется отправить,— сказал Баулин.— На будущий год мы станем совсем большими — пойдем в первый класс.— Сквозь грусть на лице его промелькнула улыбка.— А что до климата, так ведь Мариша здесь выросла, она у меня, можно сказать, ко-ренная курильчанка: когда мы приехали сюда, ей не бы-ло и двух лет.

Я огляделся вокруг. Тучи немного развеяло, и вулкан показал свою усеченную главу. Внизу, левее морбазы, виднелись остатки фундаментов никуда теперь не веду-щей дороги. «Мсретрясение бед наделало»,— догадал-ся я.

— Пришлось перебраться повыше,— перехватив мой взгляд, объяснил Баулин и показал на стройку.— А это наши будущие судоремонтные мастерские. Новый народ скоро приедет, новые жители.

На утесе, куда мы поднялись, стояли неподалеку друг от друга выщербленные временем и непогодами большой каменный крест и скромный обелиск, увенча-нный пятиконечной красной звездой.

Капитан третьего ранга снял фуражку.

— Кто-то из казаков первооткрывателя Курил Ивана Козыревского.

«1713...» — с трудом разобрал я высеченную на кре-сте дату. От имени отважного землепроходца осталось лишь несколько разрозненных букв.

— И таких памятников теперь на Курилах немало,— сказал Баулин, останавливаясь у обелиска.

К красноватому граниту была прикреплена чугунная доска с литыми строками:

**ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ
ЗА ЧЕСТЬ И ПОБЕДУ НАШЕЙ РОДИНЫ**

**Память о вас, вернувших Родине
Курильские острова,
переживет века.**

Август. 1945 г.

С высоты утеса открывался вид на океанский простор, на соседние острова. Среди туч проглянуло солнце. Далекий, далекий путь предстоит пройти ему над морями, над полями и лесами России.

— «Над моей отчизной солнце не заходит, до чего отчизна велика», — продекламировал Баулин, будто угадав мои мысли.

А Маринка легко, словно горная козочка, взобралась на большой замшелый камень и замахала ручонками. Она махала «Ломоносову», ставшему похожим на черного жука, медленно ползущего по бескрайней серо-свинцовой плите.

— Да разве увидит тебя так далеко дядя Алеша? Ты как царевна на горошине, — пошутил я.

— Увидит! — убежденно сказала Маринка. — Дядя Алеша говорил, что попросит у штурмана бинокль.

Чем же внешне грубоватый старшина первой статьи пробудил в девочке такую горячую любовь? Правда, я видел его мельком, не перекинулся с ним и словом, и первое впечатление могло быть обманчивым. И тут опять вспомнилось: «Не забудьте расспросить Баулина о Кирьянове».

Я решил при случае воспользоваться этим советом, но вечером он сам заговорил о Кирьянове. Стрелки висящих на стене корабельных часов подходили к полуночи. Маринка давно уже спала. Мы напились чаю с привезенным мной лимоном. Баулин достал из книжного шкафа фотоальбом.

— Поглядите, есть любопытные снимки.

Альбом и впрямь оказался интересным: рассматривая

его, я как бы заново проделывал путь вдоль гряды с юга на север, к Средним Курилам. На фотографиях один за другим возникали острова с крутыми берегами самых причудливых очертаний. Гранитные колонны, арки и пещеры самых фантастических форм — следы разрушительных прибоев и ураганов. Огромные «птичьи базары», — лежбища котика и тюленя. Фонтаны, выбрасываемые стадом китов, и ворота, сооруженные из ребер кита. Лов сельди гигантскими ставными сетями, новые рыбные и консервные заводы и новые добротные поселки недавних переселенцев с материка...

Однако самой поразительной оказалась последняя фотография: острая одинокая скала среди вспененных волн и на ней уцепившийся за выступ человек с ребенком на руках. Я сразу узнал Маринку. Держащий ее человек был сфотографирован со спины, но по тельняшке можно было определить, что это моряк.

— Николай Иванович, когда это снято? — спросил я. — Кто это с Маришей?

— Алексей Кирьянов. Тот самый старшина первой статьи Кирьянов, с которым мы распрощались утром. Алексей спас Маришу во время моретрясения... Слышите? — кивнул на окно Баулин. — Разгуливается. Русские землепроходцы называли его не Тихим — Грозным Батюшкой.

Я снова посмотрел на поразившую меня фотографию.

— Мне говорили, что моретрясение произошло ночью. Почему же на снимке день?

— Перед рассветом на берег обрушилась первая волна, а их было несколько. Океан так взбаламутился, что не мог уняться несколько суток. Снимок сделан спустя семь часов после начала моретрясения. Это не я снимал, а наш штурман. Не растерялся, успел щелкнуть. К слову сказать, мы каждое чрезвычайное происшествие обязательно фотографируем — документ.

— И Кирьянов с Маришей столько времени держался на этой скале?

— На отпрядыше,— поправил капитан третьего ранга.— Мы называем такие одиноко торчащие из воды камни отпрядышами или кекурами — старинное поморское наименование.

— Их нельзя было снять с этого... отпрядыша из-за шторма?

Баулин утвердительно кивнул:

— Когда все это началось, наш «Вихрь» находился в дозорном крейсерстве в Охотском море, с западной стороны острова. Погода была для мая редкостная: волнение каких-нибудь полбалла, ни тумана, ни дождика. Даже луна из-за облаков выглянула — она ведь нас не балует, показывается раз в год по обещанию. Время дозора истекало, и мы возвращались на базу в самом отличном настроении. Вторые сутки на нашем участке границы все было спокойно. А что может быть лучше для пограничника? У нас, как вы знаете, участок боевой, география такая: налево Алеутские острова — Америка, направо Хоккайдо — там тоже Соединенные Штаты Америки хозяйничают, прямо Тихий океан — и за ним Америка. Беспоконный сосед...— Баулин посмотрел на часы.— Отвлёкся я... Словом, время дозора истекало. В пять с минутами мы как раз подходили к проливу. И тут вдруг в его горловине — а берега там, сами видели, стена — возникла стремительно несущаяся водяная лавина. В полумраке она показалась мне черной. С чем ее сравнить? Представьте, что сорвалась с места и помчалась на вас плотина Днепрогэса. Просто случай, что мы не успели войти в пролив,— смяло бы, раздавило наш «Вихрь», как молотом муху. «Цунами!» — понял я и скомандовал рулевому лечь на обратный курс. Только-только мы повернули, как цунами вырвалась из пролива, с грохотом обрушилась в море и разлилась валами во все стороны.

Мы шли самым полным ходом, а гигантский вал все-таки настиг «Вихрь» и поволок, словно спичечную коробку...— Баулин прерывисто вздохнул, будто ему не хватало воздуха.

— Верьте не верьте, но страха у меня не было. Все мои мысли были о базе, о доме. Что там?.. Радист докладывает: «База не отвечает...» Одним словом, к базе мы смогли подойти лишь поутру. В проливах и в тихую погоду течение достигает пяти-шести, а то и всех семи узлов: вода из океана перепадает в Охотское море, в нем уровень ниже; при сильных же восточных ветрах там вскипают такие водовороты — «сулои» по-здешнему, — что, когда идешь против течения, только держись: не ахнуло бы о скалы. Представляете, что творилось в проливе, когда по нему шли цунами?.. В общем, Кирьянова с Маришей мы смогли снять с отпрядыша лишь после полудня. А Ольгу... маму нашу, так и не нашли. Дом смыло в океан, будто его и не было. Разрушило и еще несколько домов...

Лишь руки выдавали волнение Баулина: он то скреживал их на груди, то закладывал за спину, то с хрустом переплетал пальцы. Неожиданно встал, молча пошел по комнате.

— Как же Кирьянов спас Маришу? — нарушил я тягостное молчание.

— Тут такое получилось совпадение, хотите называйте судьба, хотите — счастливый случай. Незадолго до этого Алексей схватил ангину, и врач уложил его в постель. Мы все удивились: такой здоровяк и заболел. Каждый день купался чуть ли не в ледяной воде — и ничего, даже насморка никогда не было. А тут вдруг — ангина...

— Как же все произошло?

— Вначале на острове почувствовали несколько сильных подземных толчков. Многие жители поселка, кто в

чем, повыскакивали на улицу. Дело ведь ночью было. Санчасть, где лежал Кирьянов, находилась неподалеку от нашего бывшего домика, и, почуяв беду, Алексей немедля прибежал к нам. С Маришей он давно дружил, еще с Черноморья.— Баулин опять трудно вздохнул, словно ему не хватало воздуха.— А вскоре на берег обрушилась первая огромная волна и сдвинула наш домик с фундамента. На полуразрушенном крыльце Алексей столкнулся с Ольгой. Она крикнула: «Спасите Маришу!» — передала с рук на руки спящую дочку, а сама обратно в дом. Должно быть, не представляя себе всей опасности — да и кто ее мог тогда представить! — хотела захватить что-нибудь из одежды. На Марише была только рубашонка да вот этот платок,— кивнул Баулин на прикрывавшую настольную лампу шаль.

Мы снова замолчали.

И снова только руки выдавали, что творится в душе капитана третьего ранга. Они — большие, натруженные руки его, привыкшие крепко держать штурвал,— бесильно лежали ча столе, чуть заметно дрожали.

— Словом...— как бы подводя черту, произнес Баулин,— словом, Кирьянов не дождался Ольги. Увидев, точнее, почувствовав приближение новой волны, он прижал к груди Маришу и полез вверх по крутому склону. А другая волна все-таки настигла их. Не будь Алексей замечательным пловцом, их разбило бы о камни. Каким-то образом он изловчился и зацепился вот за этот самый отпрядыш,— показал Баулин на фотографию.— С того дня, как выпадет у Алексея свободная минута, он к Марише, старшим братом для нее стал. И она к нему привязалась. Проснется — первый вопрос: «А когда придет дядя Алеша?» Явится он, бывало, после вахты и то самоделку игрушку принесет, то сказки начнет рассказывать. Я просто диву давался — молодой парень, а столько сказок знает. Спрашиваю как-то: «Откуда ты, Кирьянов,

такие сказки выкопал?» — «Я, говорит, сам их сочиняю. Начну чего-нибудь рассказывать — получается что-то вроде сказки». — Баулин потянулся к детскому столику, уставленному игрушками, поискал что-то. — Минуточку... Одну минуточку.

Он вышел в спальню и вскоре возвратился с толстой тетрадью в клеенчатом переплете.

— Так и есть, под подушку спрятала! — Баулин улыбнулся. — На прощание Кирьянов все сказки нам в эту тетрадку записал. Печатными буквами — Мариша по-печатному читает свободно, — и картинки нарисовал. Художник он, как видите, не ахти какой, но тюленя от кита отличить можно.

Я с любопытством перелистал тетрадку. В обрамлении бесхитростных виньеток, изображавших то ромашки с васильками, то крабов, то морских бобров или рыб, были старательно выписаны названия сказок: «Про добрую девочку Маришу и жадного Альбатроса», «Про бобренка, который любил качаться на волнах, и про злодейку-акулу», «Про девицу-красавицу, которая не любила зверей и птиц, и про то, как все звери и птицы от нее отвернулись»...

— Надо прочитать,— сказал я.

— Это уж вы у хозяйки спрашивайте,— шутливо развел руками Баулин и отнес тетрадку обратно в спальню.

— Вы не предлагали Кирьянову остаться на сверхсрочную службу?

— Он учителем хочет стать. По родной Смоленщине соскучился. Что ж, как говорится, дай бог ему счастья.

— Вы-то вот с Курил уезжать не хотите...

— Я — другое дело, граница — мой дом. А Кирьянову в декабре только двадцать пять стукнет... Со всеми жаль расставаться, когда они уезжают,— погрустнел капитан третьего ранга.— Тебя-то самого, конечно, не все только добром поминают: и строг был, может, и придирчив. А как не быть строгим — мы ведь здесь вроде как на фронте, у нас всегда готовность номер один. Всех жаль,— повторил он,— а вот, честно признаюсь, ни с кем еще не было так тяжело расставаться, как с Кирьяновым. И не потому только, что он сделал для Мариши. Моряк он замечательный — сама честность, скромность и исполнительность. Да вдобавок к тому — волевой.— Баулин сверил наручные часы с корабельными.— Ну, мне пора в море.

Он заглянул в спальню, молча прощаясь с дочкой, снял с вешалки кожаный реглан, сказал, усмехнувшись:

— А если б вы знали, сколько этот чертушка Алексей Қирьянов мне нервов перепортил, сколько я еще в морской школе с ним повозился! Да и не я один — и замполит, и комсомольская организация. Хотите верьте, хотите нет, а я уж было думал, что горбатого только могила исправит. Такой Алексей был заносчивый, строптивый, отчужденный.

— Как же из Қирьянова получился отличный пограничник? — удивился я.

— А все началось с первого шквала.— Баулин снова взглянул на часы.— Сейчас-то уж некогда. Напомните, расскажу как-нибудь в другой раз. Спокойной вам ночи, располагайтесь как дома.

Провожая Баулина, я вышел на крыльцо. Мы распрощались, и его высокая, слегка сутуловатая фигура вмиг растаяла в густом тумане. Снизу, из-под утесов, доносился тяжелый, перекастистый гул океана.

Глава третья

ПЕРВЫЙ ШКВАЛ

Проснувшись среди ночи, я не сразу сообразил, где нахожусь, прислушался: за окнами под утесами ревел штормовой накат, дробно постукивали ставни, завывало в трубе. Снова уснул и очутился во власти бушующего океана. Тщетно пытался я ухватиться за пляшущее рядом бревно: меня относило все дальше и дальше от берега. Внезапно взошло слепящее солнце, и чья-то заботливая рука коснулась моего плеча. У дивана, на котором я спал, стояла одетая, умытая, причесанная Маринка.

— Дядя, у тебя болит головка?

— Нет, не болит,— пробормотал я в смущении.

— А почему ты кричал? Тебе приснился страшный сон? Да? — спросила она участливо.— А я сегодня во сне

летала. Высоко-высоко, выше вулкана. И ничуть не боялась! Папа говорит: если летаешь во сне — значит растешь.

Комнату озаряло редкое для Курил солнце. Стол был накрыт к завтраку.

— Кто же открыл ставни?

— Я сама! — ответила Маринка.

— Ты сама и чайник вскипятила?

— Разве можно! — удивилась Маринка. — Папа не велит мне зажигать керосинку, я могу учинить пожар. Чайник вскипятила тетя Таня, наша соседка. Тетя Таня и печку истопила, и камбалу поджарила.

Мы не спеша позавтракали, прибрали за собой. Неожиданно Маринка вздохнула:

— А еще я видела во сне маму...

— Ты покажешь мне свои игрушки? Хорошо? — обнял я ее, желая отвлечь от печальных мыслей.

— Покажу... Потом.

За окном громоздились скалы, высился конус вулкана. Вдруг в комнате как-то сразу все потускнело: на солнце напозла туча. С океана наплывали клочья тумана, вершину вулкана как отрезало.

— Сейчас бус пойдет, — сказала Маринка. — «Старик» макушку спрятал.

«Стариком» на острове называли вулкан — это я уже знал, но что такое «бус»?

— Это дождик, такой мелкий-мелкий, будто из ситечка, — объяснила Маринка. — Ох, и не любил его дядя Алеша! Лучше, говорит, штормяга, чем бус.

Рассудительность Маринки мало сказать удивила — поразила меня. Поразили меня и ее игрушки. Коллекция яиц морских птиц — то маленьких, в темных пятнышках, то больших, каких-то бурых, почти прозрачных, то похожих на грушу дюшес — нанесла мне форменное поражение. Разве мог я ответить на вопросы Маринки, какие

именно из яиц принадлежали тупикам, какие кайрам, ггарам или различным чайкам! А Маринка все это знала.

Не в лучшем положении очутился я, когда она с гордостью разложила передо мной засушенных крабов, морских ежей, звезд и коньков и целый гербарий водорослей.

— А где же твои куклы? — спросил я растерянно.

— Хочешь, я лучше покажу тебе мой вельбот,— предложила она.

Я полагал, что Маринка достанет из ящика игрушечную лодку, но оказалось, что нужно надеть плащ и пройти к соседнему сараю. Моросящий дождь и впрямь словно высеивался из низко нависших туч.

Маринка отворила дверь, и глазам моим предстала маленькая, однако не игрушечная, а настоящая шлюпка с парой весел, рулем и еще какими-то незнакомыми мне принадлежностями. Маринка забралась в лодку и в течение нескольких минут окончательно убедила меня, что в сравнении с ней, шестилетней девочкой, я просто-напросто невежда: то, что я наивно называл багром, оказалось отпорным крюком; рукоятка руля называлась во все не рукояткой, а румпелем; маленький бочонок для пресной воды — анкерком; деревянный совок для отливания воды — лейкой.

— Кто же это сделал тебе такую замечательную лодку?

— Не лодку, а вельбот,— поправила Маринка.— Мне построил его дядя Алеша.— Она начала развязывать брезентовый мешок.— Сейчас я покажу тебе рангоут и паруса...

Весь день я провел на морской базе. Баулин тоже был занят, и мы смогли поговорить, как и накануне, только за вечерним чаем. Маринка уже спала. Я, смеясь, рассказал Николаю Ивановичу, как его дочь повергла меня

в смятение своими познаниями в морском деле и в естествознании.

— Когда только вы успели обучить ее всем этим премудростям?

— Заслуга, увы, не моя! — шутливо развел он руками. — Все дядя Алеша.

Опять этот Алексей Кирьянов! Разве мог я тут не напомнить капитану третьего ранга про обещанный рассказ о первом шквале?

— Об Алексее многое можно рассказать. Самсонов прав: действительно, хоть книгу пиши, — начал Баулин. — Но уж если рассказывать, то и утаивать ничего не след. Думаю, Алексей не был бы на меня за это в обиде. Познакомился я с ним пять лет назад в Ярцеве, есть в Смоленской области такой старинный городок. Я приехал туда для отбора призывников. Пограничному флоту нужны крепкие, хорошо грамотные молодые ребята. Не велика беда, если моря не видали — привыкнут, была бы закваска!.. Словом, увидел я среди других Кирьянова — крепыш, заглянул в его личное дело — комсомолец, из колхозников, окончил педагогическое училище, преподает в школе русский язык — и решил: подойдет...

Баулин наполнил чаем третий или четвертый стакан.

— Призывная комиссия, — продолжал он, — работала в просторной горнице старого дома; с пола тянуло, как из погреба, на улице — февраль, минус двадцать! Железная печка раскалилась, но, можно сказать, без толку: даже мы, офицеры и врачи, поеживались, а призывники ведь раздевались донага. Подошла очередь Алексея Кирьянова. Пока его выслушали, измерили, взвесили и так далее, он весь посинел.

Только тем, что парень так сильно продрог, я и объяснил тогда его невыдержанность. Врач попросил, чтобы Алексей открыл рот, а он вдруг как выпалит: «Нельзя ли

поскорее, мы не лошади на ярмарке!» Мой сосед майор-танкист нахмурился, шепчет мне: «Ну и тип! Я бы не взял его ни за какие коврижки». А я взял, и тут-то и начались испытания моих нервов и порча крови...

Баулин залпом выпил успевший остыть чай, расстегнул ворот рубашки.

— На вокзал, ясное дело, пришло полным-полно провожающих. Были, конечно, и слезы. Но больше было песен, смеха, улыбок. Алексея провожала целая ватага детишек, должно быть его ученики, и молоденькая девушка. Нельзя было не обратить на нее внимания — настоящая русская синеглазая красавица. Детишки окружили его, говорят чего-то наперебой, а синеглазая плачет в три ручья. Тут и гадать нечего — невеста! Я, разумеется, не только на них смотрел — ведь под моей опекой было с полсотни призывников — и только уж перед самым отходом поезда заметил, что, кроме школьников и синеглазой, Кирьянова провожает еще одна девчужка, маленькая такая. худенькая. Стоит в сторонке, держит в руках его чемодан и глядит на Алексея так грустно, печально. Я подумал было, что это сестра, но вспомнил: в анкете написано — родственников у него нет, все погибли во время войны. О том, кто она, мне стало известно лишь спустя много месяцев.

Словом, прощай, Ярцево, поехали... И взбреди мне тогда в голову назначить Кирьянова старшим по вагону. Объявляю ему об этом. А он: «Я не хотел бы быть старшим». Спокойненько объясняю: приказы, мол, не обсуждают, а выполняют. «Хорошо, говорит, учту на будущее».

— И вы все-таки назначили его старшим?

— Нет, конечно...

Баулин наполнил чаем мой стакан.

— В общем, поехали. Молодежь подобралась в команде замечательная: форму еще не надевали, а всю старались держаться заправскими моряками. Ну,

думаю, все в порядке! И тут — бах! На одной из станций Кирьянов чуть было не отстал от поезда, пришлось стопкран в ход пускать. Отчитываю его, а он оправдывается с самым невинным видом: «Я не виноват, что поезд всего полторы минуты стоял, я еле-еле письмо успел в почтовый ящик опустить».

Между прочим, письма он писал штуки три на день. Заберется на верхнюю полку и строчит страниц по семь, по десять. За всю дорогу двух слов ни с кем не сказал. Ребята песни поют — Кирьянов молчит; стихи, книги, газеты вслух читают, спорят — наш учитель будто не слышит. Едем Донбассом: зарево плавок над домами, звезды над ударными шахтами — ребят от окон не оторвать, а он опять пишет. Едем берегом Азовского моря — ребята все глаза проглядели. Зовут его: «Смотри, Кирьянов, море!» А он: «Я не привык любоваться пейзажами по команде!» — и уткнулся лицом в перегородку. В общем, про все кирьяновские фокусы рассказывать не стану, не интересно; одно скажу: за дорогу он не только мне — всей команде не пришелся по душе... — Баулин усмехнулся: — Посмотрели бы вы, к примеру, как Кирьянов койку заправлял: курам на смех! С месяц якобы не мог научиться. И каждый день знай строчит свои бесконечные письма. Представьте, за полгода ни разу ни в кино не сходил, ни на вечер самодеятельности, ни разу на собраниях не выступил. Как-то в воскресенье мы всей школой поехали на экскурсию в Феодосию, в картинную галерею Айвазовского. Кирьянов и тут отказался: «Голова болит». Ну, вроде бы ничто его в нашей жизни, в нашем коллективе не интересует.

Правда, читал он много. Как-то библиотекарьша даже усомнилась: «Вы что, товарищ Кирьянов, книги просто перелистываете?» И ей отрезал: «Во всяком случае страниц не рву». И еще купаться любил, но все больше в одиночку норовил. (Плавает, между прочим, как рыба.)

Ему и прозвище подходящее дали, раком-отшельником стали называть... Да, забыл сказать: мы ведь приехали на Черное море, в школу младших морских специалистов.

— И как же Кирьянов учился?

— Вполне свободно мог учиться на «отлично»: как-никак педучилище окончил. А он еле-еле тянул на тройки. Ему, дескать, век моряком не быть. Особенно туго подвигалась у него морская практика. К примеру, на занятиях плетут маты — ковры или дорожки из пеньковых тросов. Наука вовсе не хитрая, у всех получается хорошо, — у Кирьянова же не коврик, а не поймешь что! Да еще пререкается: «Я, мол, продажей ковров промышленность в будущем не собираюсь». В наказание наряд ему вне очереди: картошку на камбузе чистить; у него и тут готов ответ: «Лучше картошка, чем маты!» И почему-то особенно вдолбил он себе в голову, будто ему вовек не постичь, как управлять парусами. (А ведь тоже не так уж хитро.) «Я, говорит, в жизни и без парусов обойдусь». Меня из терпения вывести трудно, но тут, знаете ли, я просто кипел: «Погоди, думаю, обломаю твой упрямый характерец, не я буду, если ты не станешь на паруса молиться». Кричать на Кирьянова я не кричал, но на учениях под парусами всегда ставил его на самое тяжелое место.

Справедливости ради надо сказать, что кое в чем Алексей и преуспевал. Ну, прежде всего, в том же плавании и особенно в гимнастике: на брусках и на кольцах прямо-таки чудеса делал. Однако наотрез отказался выступить в соревнованиях с соседней воинской частью. Вся школа возмутилась. Оправдывается: «На народе у меня ничего не получится». Отговорка, конечно. За пренебрежение к коллективу комсомольцы хотели влечь ему выговор. И вlepили бы, да случилось так, что он неожиданно для всех героем стал.

— Героем? Это каким же образом?

— А вот каким. Близ городка, где была школа, находится бухточка, образовавшаяся в жерле потухшего вулкана. То ли штормы, то ли расплавленная лава пробили когда-то в древние времена в скалах брешь, сквозь нее и устремилось в кратер море. Берега бухточки высокие, почти отвесные, и там множество разноцветных, отшлифованных волнами камушков. До них страшно падки туристы и курортники. Местные мальчишки давно учили это и, рискуя сверзиться, карабкаются вниз по скалам, чтобы добраться до крохотных песчаных площадок, усыпанных кусочками сердолика, черного хрусталя, малахита. Взрослому человеку сверху в бухточку ни за что не спуститься. Со стороны же моря войти в нее страшновато: выберешься ли обратно?

Рядом с этим кратером частенько сживал Кирьянов, тосковал в одиночестве. Письма из Ярцева стал он тогда получать все реже и реже. И вот как-то услышал он из бухточки крик о помощи. Глянул вниз: в воде барахтаются двое мальчишек. Лезли за камушками и сорвались. Кирьянов недолго думая скинул ботинки и прямо в форме — вниз. Это метров с двадцати! Схватил обоих сорванцов, выплыл с ними сквозь брешь в море и еще метров сто плыл до отлогого места. Вытащил на берег хлопцев, отшлепал их по мягкому месту и полез кружным путем за ботинками.

— Кто же это видел?

— Никто не видел. Сам Кирьянов и словом не обмолвился! А вечером приходят к начальнику школы две женщины с мальчуганами, просят познакомить их с «дядей Алешей», чтобы поблагодарить его за спасение сыновей.

Спрашиваем: «Кто это такой «дядя Алеша»?»

«Вон он», — показывают мальчишки на Кирьянова, а тот чистит у камбуза картошку — внеочередной наряд за опоздание на занятия...

Баулин насыпал в чайник новую заварку.

— К слову говоря, с поселковыми детишками, как и со своими школярами, у Алексея была крепкая дружба. Как пойдет в поселок, так вокруг него сразу стая. И он вмиг повеселеет. Змеев ребятам делает, какие-то игрушки мастерит. С нашей Маришей — она совсем крошкой еще была — тоже когда-то успел познакомиться и подружиться. Вот и пойми его: с ребятней душа-человек, со взрослыми бирюк бирюком...

Через день-другой после спасения мальчишек решил я поговорить с Алексеем начистоту. Втолковываю ему, что мы в школе добра, пользы ему желаем. Оборвал: «Я не нищий, в милостыне не нуждаюсь». Словом, не попади мы в хороший шквал, наверное, Кирьянов долго бы еще не осознал, что ведет себя не так, как следует военному моряку, да еще комсомольцу.

Учения под парусами в тот день были назначены по-обычному на восемь утра. Погода выдалась замечательная: в небе ни облачка, ветерок как по заказу, и скоро мы зашли в море миль за шесть, берег — черточка. Был конец мая, время весенних штормов давно минуло, солнышко пригревало. Все мои подопечные и сам я были, как говорится, в наилучшем расположении духа. Только Кирьянов, по обыкновению, хмурился и держал в руках шкот так, будто это не шкот, а змея. Чтобы вам все было понятно дальше, скажу, что шкот — снасть из пенькового троса и служит он для управления гиком — горизонтальной рейкой, к которой привязывается нижняя кромка паруса, то есть для перевода гика во время лавирования с одного борта шлюпки на другой. Вы ведь знаете, наверное, что шлюпка может идти под парусами разными галсами, в зависимости от того, с какой стороны дует ветер, ложиться на разные курсы, двигаться к цели не по прямой, а по ломаной линии. Бывает необходимость, лавируя, идти на парусах против ветра. Всем этим мы на

учениях и занимались. Ветер, как вам тоже известно, нередко дует не с одинаковой силой, а порывами, шквалами. За этим нужно следить самым внимательнейшим образом: прозеваешь — и внезапно налетевший шквал сразу наполнит паруса и опрокинет шлюпку. Поэтому-то шкоты не завертывают, не закрепляют, а всегда держат в руках свободно, чтобы в случае нужды быстро перейти на другой галс, подтянуть парус либо вовсе его убрать. Это первейшая морская заповедь, а ее-то Кирьянов и нарушил. — Баулин нахмурился, барабаня по столу пальцами. — Не дай бог никому попасть в такой переплет!

— Вы же сказали, что погода была замечательная, ни облачка? — спросил я в недоумении.

— Вот облачко-то как раз и появилось. Минуло уже несколько часов, как мы вышли на учения. Я хотел было повернуть обратно, но ветер, и без того не очень сильный, совсем вдруг стих. Паруса не шелохнутся, море — зеркало, только марево над ним дрожит. Словом, полный штиль. Без ветра и солнце стало куда ощутимее. Чайки исчезли, игрунов-дельфинов не видно. Вам никогда не доводилось испытывать неподвижный зной? Пот льет изо всех пор, одежда прилипает к телу, каждая частица воздуха будто насыщена солнцем. И главное — невыносимая тишина, которую воспринимаешь как предвестие чего-то грозного, неотвратимого. Я видел, что встревожены и все мои ученики, хотя они, конечно, не могли и думать, что вскоре все вокруг станет дыбом. А я знал: будет шквал, да не какой-нибудь легонький, раз-два шевельнул, качнул и умчался в сторону, а из тех, что бывалые моряки называют чертовой мельницей.

— Откуда вы это знали?

— Облачко подсказало. Оно появилось над горизонтом внезапно, не так чтоб уж очень высоко, белое, и не с округлыми краями, как у кучевых облаков, а какое-то растрепанное. Вокруг все притихло, все неподвижно, а

оно несется, будто кто-то могучий, всесильный подгоняет его. Не мешкая, я скомандовал: «Весла разобрать!» — но паруса не убрал, полагая, что первые порывы ветра будут не такими уж резкими и мы с их помощью хоть мили полторы, да пробежим. Повернули к берегу, идем на веслах с предельно возможной скоростью: тридцать один гребок в минуту — большего с молодых моряков я не мог и требовать. Они-то, ясное дело, не представляли еще, почему я так тороплюсь. А я оглянулся и понял: облачко меня не обмануло. Там, где всего несколько минут назад оно мчалось одно, вдогонку за ним с еще большей стремительностью несутся уже целый косяк сизо-свинцовых облаков. Гладь моря внезапно пересекли темные полосы ряби. Солнце сияло по-прежнему, но расплавленного зноя как не бывало.

Я почувствовал сначала едва ощутимое дуновение, а когда обернулся к моим ребятам и скомандовал: «Взять паруса в рифы!», то есть сократить их площадь, — в затылок мне дохнуло уже, как из кузнечных мехов, паруса заполоскались, снасти захлопали. Прошло каких-нибудь три минуты, и все море почернело, туча — не отдельные облака, а именно туча — закрыла полнеба. Теперь не нужно было объяснять, что надвигается. Ребята поняли — зевать некогда. Я порадовался тогда, что на лицах у них нет и тени страха, который неизбежно влечет за собой на море беду.

Слушая Баулина, я представил одинокую шлюпку далеко от берега, в широком морском просторе, офицера-моряка, сидящего за рулем, двенадцать пареньков, ждущих первого шквала в своей жизни и не подающих виду, что они боятся его.

Внезапно глаза Баулина потемнели.

— Один струсил, только один...

— Кирьянов? — догадался я.

— Да, — подтвердил Баулин. — Я едва успел пре-

дупредить: «У шкотов не зевать!» — как ветер наполнил паруса до отказа и мы помчались, что твой скоростной катер. Не вдруг, конечно, мог ветер, хотя бы и такой ураганной силы, разболтать воду, не вдруг могли возникнуть на спокойной поверхности гигантские волны, но мне-то было отлично известно, что шквал пригонит их. Он их и пригнал, целое стадо волн.

Позади нас легла тьма, а впереди, там, где был далекий берег, сияло солнце. Его лучи пронизывали обгонявшие нас ревушие валы, и гребни их на какое-то мгновение становились прозрачно-изумрудными. Красота, доложу вам, неопишная.

Лежащие на столе кулаки Баулина были крепко сжаты, он весь откинулся на спинку стула, будто именно сию секунду его плечи должны были принять на себя шквал.

— Тяжеленько пришлось, — с неожиданной хрипотцой в голосе произнес он. — Море и ветер будто осатанели. Шлюпку захлестывает со всех сторон, вокруг — рев, грохот, в воздухе уже не зной, а мириады брызг. Водяная пыль забивает глаза, и глотку, и нос. Паруса неистово дрожат, того гляди, разлетятся в клочья, шлюпка скрипит от напряжения. Все мы, конечно, промокли до последней нитки, да это чепуха — не мороз, не зима, хотя все вокруг и белым-бело от пены, как во время бурана. Мои ребятки едва успевали вычерпывать воду из шлюпки. Все в ход пошло: и запасные лейки, и бескозырки. Да куда там! Оседаем все глубже и глубже. Разве море вычерпашь? Площадь парусности пришлось уменьшить, но все равно мчимся, будто настеганные: то вверх взмываем, то проваливаемся.

Однако больше испытывать судьбу было нельзя, и я решил повернуть через фордевинд — стать носом против ветра и бросить плавучий якорь. Глубина в этом месте была такая, что становиться на обычный шлюпочный

якорь невозможно. Поворот через фордевинд при свежем ветре опасен: во время переноса парусов на новый галс шлюпку легко может опрокинуть, а в такой шквал тем паче, но иного выхода не было. Бесперывно ударяя в корму, волны грозили затопить нас. Я прокричал все нужные команды и опять мысленно порадовался, что ребята действуют точно, бесстрашно.

Став на мгновение бортом к ветру, мы приняли такую изрядную порцию воды, что шлюпка едва не опрокинулась, но, повторяю, иного выхода не было. И вот, когда нужно было осадить грот и стянуть гикашкот, Кирьянов не сумел справиться с парусом и чуть было не выпустил шкот. Нас накренило еще больше, вот-вот перевернет! А от растерянности в морском деле полшага

до страха. Кирьянов как-то в мгновение сжался, ничего уж не видя, кроме набегавшей волны, словно загипнотизированный ею, и, вместо того чтобы быстро перебрать шкот в руках, закрутил его вокруг уключины и брякнул на дно...

Баулин взъерошил волосы:

— Рассказывать долго, а на самом-то деле все произошло молниеносно: шлюпка снова накренилась, снова хлебнула ведер двадцать. Секунда все решала! Кирьяновский сосед Костя Зайчиков бросился к закрепленному шкоту, освободил его и в ту же секунду был смыт за борт. Не успевай мы в это время повернуть носом к ветру — новая волна наверняка погребла бы нас... Словом, смыло Зайчикова, он даже вскрикнуть не успел, только подковки на ботинках сверкнули...

Капитан третьего ранга тяжело перевел дыхание.

— У меня, знаете ли, сердце остановилось. Не верьте, если кто-нибудь вам станет рассказывать, будто бы моряк никогда, ни при каких обстоятельствах не дрогнет, не испугается. Враки! Еще как испугаешься. В особенности если на твоих глазах, да почти что по твоей вине, гибнет человек. А разве я не был виновен в проступке Кирьянова?

Баулин встал, зашагал из угла в угол.

— Все дело в том, как человек себя держит в беде, в особенности если он командир, если от его поведения зависит поведение других и даже их судьба. Поддайся панике, покажи невольню, что ты тоже испугался,— и все!..

Он помолчал, меряя шагами комнату.

— Хорошо еще, что Зайчикова не успело далеко унести волной. Он поймал брошенный ему канат, и мы вытащили его обратно. Дальше... Собственно, главное я уже рассказал. Опустили мы паруса, соорудили из двух скрепленных крест-накрест весел и запасных парусов

плавучий якорь, подвесили к одному его концу груз и выбросили на тросе за корму — теперь уже нас не могло развернуть бортом к ветру. А для того чтобы шлюпка не так сильно черпала носом, я приказал ребятам перебраться в корму.

Вскоре шквал, как и полагается шквалу, умчался, волна стихла, опять засинело небо, и не верилось, что всего десяток минут назад мы были на волосок от гибели. Ученики мои разом заговорили, начали шутить, поздравлять Зайчикова, что он отделался легким испугом. На Кирьянова никто даже не взглянул, будто его в шлюпке и нет. А он глаз не поднимает.

На выручку нам с базы пришел моторный баркас, предложил взять на буксир. Куда там! Ребятки в обиду: «Зачем буксир? Сами дойдем!»

Баулин улыбнулся воспоминаниям:

— Славные ребятки!..

— А что же Кирьянов?

— За Кирьяновым с того дня закрепилось тяжкое прозвище — трус. Позор, можно сказать, несмысленный.

Назавтра же в школе состоялось комсомольское собрание. Выступил и я, рассказал все, как было во время шквала. Добавил, что проступок этот закономерно вытекает из всего предыдущего поведения Кирьянова и он заслуживает самого строгого наказания. Ни один человек голоса в его защиту не подал. В решении записали: «За проявление трусости, недисциплинированность и отрыв от коллектива объявить члену ВЛКСМ Кирьянову выговор».

— А Кирьянов как выступил?

— Хуже некуда: «Решайте как знаете, мне сказать нечего...», и точка.

«Да понимаешь ли ты, что из-за тебя люди могли погибнуть?» — кричат ему с места.

«Понимаю»,— отвечает и глаза в пол. Больше ни слова из него не вытянули.

— Тяжелая история...

— Куда уж тяжелее. И представьте, дня через два возвращаюсь вечером домой, гляжу: на лавочке в садике сидят моя Ольга и Кирьянов с Маришей на руках. Увидел меня и тотчас распрощался. Спрашиваю Ольгу: «Жаловаться приходил?» Мы никогда, ни до того, ни после, не спорили с Ольгой, а тут вместо «здравствуй» она обрушилась на меня, начала заступаться за Кирьянова, будто за сына.

«Не знала,— говорит мне,— что ты такой черствый. Неужели и ты, и все вы не видите, не чувствуете, как Кирьянов переживает, как он подавлен своим поступком? Я, говорит, убеждена: по натуре он не трус, а то, что произошло во время шквала,— случайность. Тяжело ему, что все вы от него отвернулись».

«Сам он ото всех отвернулся, отвечаю, сам всех против себя настроил».— «А ты подумай,— говорит Ольга,— может, и ты в этом виноват». Тут я вскипел: «Моя вина в том, что затребовал Кирьянова в морскую погранохрану! Не тебе судить, ты видишь только, как Алексей игрушки Маринке делает, а я с ним целый день вожусь. Хватит с меня, натерпелся!» А Ольга: «Эх ты, отец-командир!» Схватила дочку на руки и ушла в дом, не спросила даже, буду ли я ужинать...

Баулин и сейчас переживал давнюю ссору, и сейчас, по-видимому, корил себя за нее, а я подумал, что, возможно, тогда Ольга Захаровна была права.

— Вскоре,— снова заговорил Николай Иванович,— меня назначили на Курилы командиром сторожевого корабля «Вихрь». Я ведь начинал пограничную службу, можно сказать, по соседству, на Чукотке. Тогда-то, еще в молодости, мне и полюбились здешние края: для моряка местечко самое подходящее — дремать на ходовом

мостике некогда. Словом, сам я напросился обратно на Дальний Восток (посоветовавшись с Олей, конечно). А когда мою просьбу уважили, обратился со второй: прошу назначить ко мне на «Вихрь» младшим комендором Алексея Кирьянова. Дело в том, что Алексей в это время тоже подал рапорт о назначении его на Дальний Восток.

Начальник школы выслушал просьбу, и глаза у него на лоб: «Или ты мало с ним горюшка хлебнул?»

Баулин усмехнулся:

— Вы тоже, наверное, спросите: зачем это мне понадобилось?

— Вероятно, Кирьянов просился на Восток, чтобы проверить себя или уйти от дурной славы,— сказал я.— А вот зачем он вам понадобился, мне и впрямь невдомек.

— Оля подсказала. «Ты, говорит, его уже знаешь и сможешь ему в случае чего помочь, другие же неизвестно еще как встретят. А человек он честный, отзывчивый». Она ведь, Ольга, тоже педагогом была. Поэтому, видно, да и по чисто женской чуткости раньше других, раньше меня разгадала Кирьянова. Ну и, честно говоря, моя моряцкая жилка была крепко задета: неужели Кирьянову так и не полюбитя море и наша морская служба? Ведь моряк — это натура!

Вот вы сказали, что Кирьянов хотел уйти от дурной славы. А ведь дурная слава что тень,— от нее не убежишь! Вместе с Кирьяновым она приехала и на Курилы: в комсомольской учетной карточке — выговор. Команда «Вихря» да и вся морбаза встретили Алексея с явной настороженностью: «Ничего себе гусь! Попробуй-ка задержись у нас!»

Командиром базы был тогда наш общий знакомый Самсонов. Я его знал еще до этого лет девять,— кто из дальневосточников его не знает! К тому же мы с ним

военно-морское училище заканчивали вместе. Так он, Самсонов, и то поморщился, когда я порассказал ему все о Кирьянове. «Ты его просил к себе на корабль, ты за него и отвечай».

А между тем жестокий урок, полученный во время шквала, повлиял на Кирьянова, но как? Из заносчивого, строптивного паренька он превратился в притихшего, я бы даже сказал — пришибленного. Никому он больше не перечил, любые приказания и поручения выполнял, однако без огонька, с каким-то безразличием. Казалось, и здесь ничто его не интересовало и не увлекало. Едва затевалось на морбазе веселье, он уходил подальше, на скалистый мыс, как, бывало, в черноморской школе к бухте над кратером, и часами смотрел, как волна бьет о берег. О чем думал он? Тосковал по родной Смоленщине? По своим ученикам? По невесте, с которой надолго расстался?

Баулин развел руками.

— Верьте не верьте, но впервые — впервые за целые полгода! — мы увидели на лице Кирьянова улыбку, когда из Владивостока пришел «Ломоносов». Приход с Большой земли парохода — у нас всегда событие. А на этот раз вся морбаза и я в первую очередь с особым нетерпением ждали «Ломоносова», потому что на нем приезжали новые жители: семья заместителя командира базы, новый военврач и моя Ольга Захаровна с Маринкой. Шутка сказать, новые жители на нашем островке! И вот тут-то, ко всеобщему изумлению, увидев среди встречающих Кирьянова, Маринка потянулась к нему: «Дядя Алеша!» Кирьянов прямо-таки просветлел. Ольга достала из сумочки письмо, отдала Алексею: «Без вас, говорит, пришло в школу. Я решила, что быстрее меня почта вам его не доставит».

С того самого дня, как мои приехали на остров, — снова продолжал он, — Кирьянов все свободное время

проводил с Маринкой, играл с ней, изображал то козудерезу, то мишку-топтыгина, а на корабле стал еще более замкнутым. Не иначе как письмо его доконало.

— Да ведь не только же из-за девушки, из-за ее писем Кирьянов был строптивым и нелюдимым?

— Безусловно. Я не раз над этим голову ломал. И знаете, кто мне помог излечить Алексея от хандры и обратить в морскую веру? Боцман Доронин. И Ольга моя, покойница, крепко нам подсобила, можно сказать, ключ к сердцу Алексея дала.

— И что же в этом письме было особенного?

— Отказ! Полный отказ,— повторил Баулин.— Письмо прислала Кирьянову синеглазая девица, та самая, что ревела на проводах в три ручья. Во всех подробностях Ольга письма не помнила, она мельком его пробежала — они ведь с Кирьяновым были друзьями, и он показал ей письмо,— а смысл был такой, что, дескать, пожалуйста, Алеша, больше мне не пиши.

Словом, пригласил я боцмана Доронина — он тогда на «Вихре» парторгом был,— рассказал ему про письмо и вообще всю Алексееву историю. Прошу: «Потолкуйте вы с Кирьяновым наедине, душевнее. У меня, говорю, ничего не получается, на все мои расспросы один ответ: «Я, товарищ капитан третьего ранга, чувствую себя хорошо». А какое там — хорошо! «Добро,— говорит Доронин,— придумаем какое-нибудь лекарство». И представьте, придумал...

Глава четвертая

ЛЕКАРСТВО БОЦМАНА ДОРОНИНА

В представлении людей, знакомых с моряками лишь по старым приключенческим романам да понаслышке, боцман — это обязательно широкоплечий здоровяк, не-

пременно усач, обладатель немислимого баса, грубый в обращении с подчиненными и любитель крепко выпить.

Устаревшее представление! Совсем другой у нас нынче боцман. Семен Доронин со сторожевика «Вихрь», к примеру, всегда чисто-начисто выбрит, на матросов никогда не покрикивает, спиртное употребляет в редких случаях и в самую меру и отдает команды не громоподобной октавой, а нормальным человеческим голосом. Верно, роста он отменного и действительно широк в плечах, но это, как известно, дается не чином и не должно-стью.

Отец Семена лет двадцать работал главным неводчиком Усть-Большерецкой рыбалки на западном побережье Камчатки. В девять лет отец взял Семена с собой на глубокий лов сельди; к четырнадцати годам Семен начал помогать ловцам забрасывать невод, а в шестнадцать — носил робу с отцовского плеча и чувствовал себя заправским рыбаком.

Третье поколение Дорониных рыбачило на Камчатке к тому времени, когда Семена призвали на военно-морскую службу. Семенов дед, Прокофий Семенович, подался сюда с Каспия еще в двадцатых годах. В ту пору на камчатских рыбалках посезонно работали неводчиками японцы с Хоккайдо. Они приводили с собой кавасаки с моторами фирмы «Симомото» и в секрете от русских кроили и шили ставные неводы.

Давно уже на Камчатке и неводчики свои, русские, и неводы скроены и сшиты собственными руками, и кавасаки свои, построенные во Владивостоке или Петропавловске-Камчатском.

Хочется добавить еще, что не верно, будто все боцманы — любителя прихвастнуть, «потравить», выражаясь по-моряцки. Семен Доронин, напротив, принадлежит к той породе моряков, которые попусту рта не открывают

и при чем-либо намеке на их личные заслуги начинают рассказывать о заслугах других.

Узнав все это о Доронине от капитана третьего ранга Баулина и земляка Семена — рулевого Игната Атласова (не от Владимира ли Атласова, открывателя Камчатки, пошел его род?), я и не пытался расспрашивать боцмана о личных боевых делах, хотя грудь его украшали медали «За отвагу» и «За отличие в охране государственной границы СССР».

Но не мог я не спросить у Доронина, что это за лекарство такое он придумал, чтобы обратить Алексея Кирьянова в морскую веру и излечить от хандры.

— На океанской водичке лекарство,— добродушно усмехнулся Доронин, когда мы с ним расположились покурить на мысу, над Малым проливом.

— Алексей тоже любил на этих камушках сиживать,— добавил он, набивая трубку.

— И часами смотрел, как волна бьет о берег,— вспомнил я рассказ Баулина.

— Будто повинность отбывал,— подтвердил Доронин. Он с наслаждением затянулся, примял большим пожелтевшим пальцем табак.— По правде сказать, я и до разговора с капитаном третьего ранга соображение имел, что неспроста Алексей особняком держится. Ни одного дружка у него нет, смеяться вроде бы от рождения не умеет и, кроме «да», «нет», будто и слов не знает. Не иначе, как у парня что-то камнем на душе лежит, какая-то заноза в сердце засела. В прямую пришвартовываться к Алексею с расспросами я остерегался. Иному ведь человеку легче душевную боль в одиночку пережить. О том, что у него в черноморской школе приключилось, мне, как говорится, в общих чертах было известно. Однако после того, как товарищ Баулин рассказал все в подробностях да еще добавил насчет письма, что Ольга Захаровна привезла Алексею, я решил: «Баста! Нельзя больше остав-

лять парня один на один со своей хандрой, не по-партийному получается». А тут еще, как на грех, у него две новые крупные беды по службе вышли. Совсем он после этого в уныние впал.

— Что такое?

— Сквернее скверного: задремал на ночной вахте. Бывший наш командир базы кавторанг Самсонов (он тогда еще в кавторангах ходил) дал Алексею пять суток ареста, а комсомольцы добавили к старому выговору строгача с предупреждением. Товарищ Баулин тогда тоже «на вид» в приказе по базе получил за упущение в дисциплине на корабле.

Не прошло и недели — снова наш Кирьянов отличился: во время учебной тревоги без карабина из кубрика на палубу выскочил. Пробоина! Да еще при командире базы! Он тогда хотел списать Кирьянова с корабля на берег, да товарищ Баулин поручительство за него дал. Само собой, еще двое суток на губе Алексею пришлось отсидеть.

Вскоре, вот так же утром, я, будто невзначай, очутился рядом с Алексеем на этом самом мыске. «Ба, говорю, тут Кирьянов! А я-то думал, что мне одному по душе эти камушки». Алексей вскочил было, да я придержал его: «Сиди, сиди, мы не на службе». Он всем своим видом дает понять, что, дескать, не до вас мне, товарищ боцман, не до разговоров. А я будто и не замечаю его настроения, говорю: «Вот, мол, ты, Алеша, грамотнее меня, как-никак на педагога учился, небось физику насквозь знаешь».

«А что толку, что учился? — перебивает. — Только напрасно деньги на меня тратили». Чуєте, на какой галс повернул? Я обратно вроде бы не замечаю его ершистого настроения, иду прежним курсом: «Подмога мне твоя нужна, Алеша, будь добрый, подскажи: какая лампа в высокочастотной части радиопередатчика является пре-

образователем, а какая усилителем промежуточной частоты?»

«Этого-то, отвечает, я как раз и не знаю».

«Жаль, сокрушаюсь, и я, как на грех, запомнил! Салаги интересовались, а боцман Доронин отговариваясь: «В другой раз объясню». Срамота! У радистов спросить — вовсе стыда не оберешься...»

Сидим молчим. Я покуриваю. Кирьянов камешки с руки на руку перекачивает. Сроду я в таких артистах не бывал!

Выбил трубку, вздыхаю: «Эх, а еще в морях мы с тобой, Алеша, ходим! Беда, что дружок мой один, дальномерщик с «Буйного», не в своей тарелке — он бы мне в момент все разъяснил; вторую специальность освоил — радист первого класса. Да к нему сейчас и не подступись».

«Как это — не в своей тарелке?» — спрашивает Алексей.

«А вот так, в полном расстройстве: невеста у него на материке осталась. Клялась, божилась: «Ждать буду». А сама за другого выскочила».

Алексей и вовсе помрачнел (видно, понял намек): «Насильно мил не будешь».

«Золотые слова! — отвечаю. — Вот и я дружку твержу: «Вместо, говорю, того чтобы терзаться, ты бы лучше мозги проветрил, делом бы каким-нито занялся, беседу бы с салагами, к примеру, провел насчет своего боевого опыта. Желает — я вмиг договорюсь с комсомолом. Глядишь, за делом и тоску унесет».

Опять молчит Алексей. Я, наверное, трубок пять выкурил. Слугнуть парня штука нехитрая, с бескозыркой в раковину спрячется, и не вытащишь. С какого же фланга к нему заход сделать? Вспомнил вдруг, что он утром купался за базой, с отпрядыша нырял, говорю: «Как это ты расхрабился — вода-то ледяная?»

«Мы, отвечает, в Ярцеве в Вопи — речка там у нас такая — круглый год купались».

«А кто ж это «мы»? Что за лихие такие ребята?»

«Обыкновенные. Студенты».

«Коллективно, значит, уточняя, коллектив — штука великая: один человек камень поднимет, коллектив гору свернет. Вот бы нам молодых матросов круглый год купаться приучить...»

На том наш разговор и закончился: подошло время заступать на вахту. А назавтра заглянул в библиотеку, спрашиваю: «Был у вас сегодня младший комендор Кирьянов с «Вихря»?» — «Был». — «Какие книжки взял?» — «Справочник радиолюбителя». Ну, думаю, диагноз поставлен правильно.

Боцман набил новую трубку, раскурил ее, пустил кольцо дыма, которое вмиг разорвал ветер.

— Какое же такое лекарство вы прописали Кирьянову?

— На соленой океанской водичке,— хитро прищурившись, повторил Доронин.— В тот год, как природой и положено, к концу мая началась пора бусов и туманов. Вы, случаем, не читали лоции Тихого океана и Охотского моря? Там все в точности описано: нет на земном шаре другого места, где висят такие туманы, как над Средними Курилами. Неделями висят. Из-за тумана все так нескладно и приключилось.

Боцман в сердцах махнул рукой:

— Алешка Кирьянов тут ни при чем. Мы с капитаном третьего ранга, с товарищем Баулиным, осечку дали. Словом,— повторил он любимое словечко командира,— вернулись мы из дозора в одно майское утро — хоть сквозь палубу провались. Что тут пограничнику сказать? На туман жаловаться? На сулои — водовороты в этом самом в Малом проливе? Видите, как там закручивает? Жалься не жалься — «Хризантема» из-под само-

го нашего носа ушла, вильнула кормой в каком-нибудь кабельтове¹.

Доронин даже сплюнул с досады.

— Туман туманом, а я эту шхуну-хищницу все равно распознал по оснастке. Говорю капитану третьего ранга: «Это, мол, та самая двухмачтовая «Хризантема», что прошлой осенью удрала от нас на траверзе мыса Туманов». (Горбушу она будто бы тогда в наших водах ловила.) «Не доказано», — отрезал товарищ Баулин. Разве ему от моей догадки легче: не пойман — не вор! А когда капитан третьего ранга показал мне рапорт на имя командира базы, так лицом серый стал. Тут, извините, не только посереешь, в вяленую камбалу обернешься... Я этот рапорт взвек не забуду: «В полутора милях от выхода из Малого пролива в Охотское море во внезапно опустившемся сплошном тумане СК «Вихрь» попал в сильный водоворот и отклонился от курса на зюйд-зюйд-ост к острову Безымянный. Во избежание столкновения с рифами и отпрядышами был принужден повернуть на норд-норд-ост...»

Доронин хлопком ладони вышиб из трубки пепел.

— «Хризантема» не дура — ждать нас не стала. Но, между прочим, когда она кормой вильнула в тумане, наш рулевой Игнат Атласов приметил: вроде бы что-то выбросила за борт, чертовка. Может, Игнату и померещилось, а я из-за его видения покоя лишился, никак не дождусь, когда туман развеет. Чуть развиднелось — кинулся на этот вот самый мыс, поглядел и на той же скорости загребая на «Вихрь». Стучусь в каюту капитана третьего ранга. «Войдите!» — откликается. Вхожу. «Разрешите обратиться?» — а глазом примечаю: не отдыхал командир — койка не разобрана и домой не ходил. На столике карта Курил разложена — промашку, значит, на-

¹ Ка́бельтов — $1/10$ морской мили = 185,2 метра.

шу обмозговывает. Глянул на меня товарищ Баулин недовольно так: «Что у вас, боцман?»

«Разрешите, говорю, мне сегодня заняться с младшим комендором Кирьяновым в отдельности».

«Как это — в отдельности?»

«Новое лекарство хочу на Кирьянове испытать: микстуру от хандры. Разрешите сходить с ним в Малый пролив».

Капитан третьего ранга аж вскипел: «Вы что, боцман, шутки вздумали играть? Мы же только что из Малого пролива?»

А я знай свое: «Мы, говорю, ходили на «Вихре», а я хочу прокатить Кирьянова с ветерком на тузике»¹.

«На тузике в Малый пролив? Да еще с Кирьяновым? Ничего себе микстура! Верная же гибель!»

«Никак нет, говорю. Мне гибнуть самому не сподручно, я еще свадьбу не играл».

«Зачем же, спрашивает, вам понадобилось именно в Малый пролив?»

«На острове Безымянном, на отмели, обнаружен неизвестный анкерок».

«Кем? Когда?»

«Лично мной, докладываю, десять минут назад».

Капитан третьего ранга тут и вовсе заштормил: «Микстура! Кирьянов! С анкерка и надо было начинать!»

Поднялись мы быстренько на мыс, показываю: «Глядите! Вон там, под нависшей скалой».

Товарищ Баулин за бинокль схватился. «Верно, говорит, анкерок! А вы уверены, что вчера его там не было?»

«Так точно, отвечаю, не было! На всякий пожарный, я каждый день на отмель поглядываю. В прилив эту отмель начисто затопляет». (А очередной прилив должен был начаться к вечеру, унесло бы анкерок.)

Свой план я доложил уже в кабинете командира ба-

¹ Туз, тузик — самая маленькая шлюпка с двумя веслами.

зы товарища Самсонова. «Хризантема» выбросила анкерок,— показываю на карте,— вот здесь, в двух кабельтовых выше отмели».

«Допустим, что это была действительно «Хризантема»,— говорит кавторанг.— А почему вы уверены, что именно она выбросила анкерок? Может, анкерок приплыл сам собой?»

«Никак нет! — отвечаю.— «Хризантема» шла здесь,— снова показываю на карте,— а основное течение проходит вот где...»

«А почему,— говорит товарищ Самсонов,— вы хотите идти за анкерком именно на тузике?»

«Резонно объясняю: никакая более крупная шлюпка не успеет развернуться бортом к течению и проскочить между отпрядышами — в щепы разобьет! А именно та самая ветвь течения, которая закручивается сулоем, и выбросила анкерок на отмель. Выбросит она и тузик. Любую шлюпку там разобьет, а тузик проскочит».

«Пожалуй, боцман, вы правы,— кивает кавторанг.— Только ведь на эту отмель не спустишься, скала над ней нависла. Как же мы вас вытащим? Тут и вертолет не поможет».

«Все будет в порядке,— отвечаю и аккуратненько набрасываю на листочке бумаги чертежик.— Вот так нас вытащат».

«А ваше мнение?» — спрашивает командир базы товарища Баулина.

«Полагаю, что пустой анкерок шхуна-нарушительница не выбросила бы,— отвечает товарищ Баулин.— Видимо, испугалась, что ее уличат. Следовательно, в бочонке что-то важное».

«Убедительно,— согласился командир базы.— Ну, что же, хоть вроде бы вы и не виноваты, что не задержали шхуну, «Хризантема» она там или не «Хризантема», а доставать анкерок вам...»

Не сразу сдался товарищ Баулин, чтобы я отправился на тузике с Кирьяновым. «Беды бы, говорит, не случилось!»

Тут я пошел с козыря: «Знаете, как нас в сулое будет окатывать? Вода — лед! А Кирьянов, между прочим, каждый день купается. Он и у себя на родине круглый год купался. Рыба!»

«Это я знаю,— говорит капитан третьего ранга.— На Черноморье сам убедился, что рыба. Только в порядке приказа я Кирьянова не пошлю».

«Он согласится»,— отвечаю. Откуда у меня была такая уверенность, не определяю, но Алексей согласился при первом намеке.

Прежде чем нам отправиться в плавание, мы, наверное, минут двадцать разглядывали в бинокли пролив и подходы к отмели, на которой валялся анкерок.

Доронин показал трубкой:

— Видите, как там крутит?

Сверху, с мыса, пролив и впрямь казался кипящим: так стремительно, закручивая разводы пены, устремлялся по нему океан в Охотское море.

— Действительно с ветерком,— сказал я.

— Скучать не пришлось! — усмехнулся Доронин.— В общем, разглядели мы все как следует, прикинули, где именно нам нужно будет отдать буксир и как сподручнее использовать течение, чтобы проскочить к отмели. Спустя полчаса «Вихрь» отошел от пирса. За кормой у него на буксире наш тузик. Алексей на веслах, я на руле. На всякий пожарный, надели спасательные надувные жилеты.

«Вихрь» закачало, словно на порогах, а тузик затрясло, что в лихорадке. «Житуха!» — подмигнул я Кирьянову. Он, гляжу, держится прилично, только побелел, даже губы будто мукой присыпало. Да и мне, по правде-то сказать, не до шуток. Вода зверем ревет вокруг, посередке

пролива гребень дугой выгнулся, а берега что стены. Перевернет — и выплыть некуда, дуй прямым курсом в Охотское. И сверху-то, с мыса, нам смотреть было жутковато, а когда тебя несет будто на верхнем плавнике у бешеной акулы — мурашки по спине!

Доронин с силой кинул в крутящийся под утесом водоворот обломок застывшей лавы.

— За себя-то я не боялся, за Алешку тревожился: сдюжит ли? Главное в этакой обстановочке — не теряйся, каждое движение рассчитывай до сантиметра. Без передышки нас окатывало ледяной водой, а меня, знаете ли, в жар кинуло. Тут «Вихрь» дает отрывистый свисток: «Приготовиться!» А вскоре, подвалив поближе к острову Безымянному, — два новых свистка. (У нас с капитаном третьего ранга все было обговорено.) Командую: «Отдать концы!» Алексей повернулся к носу, отцепил буксирный трос и снова налег на весла. Течение нас и понесло, и понесло. Разика три-четыре так крутануло, что я едва кормовое весло не упустил. Тузик, бедняга, то нырнет между бурунами, то подскочит. Был момент, когда мне почудилось — летим по воздуху. А потом как плюхнемся, как закачаемся, едва килем в небо не поглядели! Навалился я что есть сил на весло, чувствую, — соломинкой дрожит. Тут-то как раз та самая струя, на которую у меня расчет был, нас и подхватила и поволокла к берегу, прямиком на два отпрядыша. Только бы, думаю, проскочить между ними, только бы проскочить!.. Алешка гребет, что твой автомат, будто у него не мышцы — пружины. «Весла, кричу, береги!» Кричу и вижу — не успеть ему. Как мотанет наш тузик к одному из отпрядышей! Левое весло у Кириянова спичкой переломилось. Тузик чирк левым бортом о скалу, пролетел еще метров с десяток к отмели и готов! Вода в пролом — фонтаном. А много ли воды нужно такой скорлупе?

Боцман пососал холодную трубку, не спеша достал

кисет, наполнил чубук табаком, так же не спеша прикурил от кресала: «Надежнее всяких спичек».

— На отмель мы с Алешкой выбрались вплавь. Вернее, не выбрались — выбросило нас.

Доронин пыхнул дымом.

— С той поры как «Вихрь» отошел от базы, минуло ну каких-нибудь десять минут, не больше, а мы до того умаялись, будто целый день таскали ящики со снарядами. Подползли на четвереньках к тому чертову анкерку и повалились на гальку, даже спасательные жилеты снять не в силах, ни рукой, ни ногой не шевельнуть.

Выбиваю зубами чечетку: «Не плохо бы повторить прогулочку!» — «Угу!» — бормотнул Алеха. С характером парень!

Обсушились малость, отхлебнули из фляжки горячительного, сняли наконец-то жилеты. Алексей кивает: посмотрим, мол, что в бочоночке за начинка. (Анкерок был, между прочим, новенький, дубовый, с медными обручами.) Меня, конечное дело, и самого любопытство разбирает: не зря ли мы прокатились? Да приказ есть приказ! Капитан третьего ранга строго-настрого велел доставить анкерок на базу в неприкосновенности. Тут вдруг туман пал, да такой плотный, вытяни руку — пальцев не разглядишь. И надо же было ему пасть именно тогда, когда товарищ Баулин с пятью ребятами — это он так матросов называет — поднялся с противоположной стороны острова на его макушку. План-то ведь у нас каков был: сверху спустят до уровня воды трос с грузилом, я захлестну его таким же тросом полегче — легкостью по нашему, подвяжу к тросу анкерок, его вытянут, а потом и нас с Кирьяновым по очереди. А туман все гуще и гуще — не разглядеть нам троса. Сидим мы с Алешкой, промокли, продрогли.

«Эй, внизу!» — кричит в мегафон капитан третьего

ранга.— Ждите, что-нибудь придумаем! Как себя чувствуете?» — «Нормально! — кричу в ответ. А на ухо Алексею уточняю: — Ну и натерпелся я страху!..» — «Вы?» — удивился Алексей «Я самый, отвечаю, ты что думал: я железобетонный?» А он: «Я с вами не боялся. Я, говорит, струсил на Черном море, когда в первый шквал попал». — «Какой такой шквал? — спрашиваю, будто не знаю. — Расскажи. Делать нам все равно пока нечего».

Он тут все в подробностях мне и выложил. Ничего не утаил.

«С чего ж это ты, друг любезный, такие фокусы выкидывал? Или в детстве мать набаловала, а папаша мало ремнем охаживал?»

«Я, говорит, маму помню только мертвую, как ее из больницы на санях привезли. Помню, голова у нее набок свесилась, в глаза снегу насыпало. Мне тогда три года исполнилось. А отец в сорок первом под Ельней погиб. Два старших брата без вести пропали, в том же сорок первом сестру Надю в Велиже фашисты повесили — связной у партизан была»...

Вот ведь какая история, — вздохнул Дорониц. — А я, парторг корабля, и не знал ничего.

Боцман долго раскуривал очередную трубку и показался мне в эту минуту куда старше своих тридцати лет.

— Остался Алексей один-одинешенек, круглым сиротой, в селе Загорье, захваченном фашистами. Поначалу жил из милости у разных людей, потом, в конце сорок первого года, его взял к себе местный, загорьевский учитель Павел Федорович Дубравин. Тут вскоре гитлеровцы назначили Дубравина сельским старостой. С того дня для Алексея началась не жизнь — горе. Сами посудите: вся семья, вся родня на войне за Родину погибла, а названный отец — предатель.

Надумал Алеша убежать из дому, да куда убежишь — зима, в округе чуть ли не все деревни спалены. Маль-

чишки дразнят «вражий выкормыш». А учитель тот — человек ласковый, добрый. Как же понять, почему он к фашистам в старосты пошел? Много перестрадать, пере-думать Алешке тогда пришлось.

Весной сорок третьего года неизвестные люди избили старосту ночью дрекольем. Слег Дубравин.

Приезжали гестаповцы, спрашивали: «Что с вами, герр староста?» — «В погреб, говорит, по нечаянности свалился...»

Так и не поднялся с постели учитель. Старостой фашисты другого человека поставили. А дня за два до того, как наши освободили Смоленщину, Дубравин умер. Остались Алексей с Дуняшей, девятилетней дочкой учителя, сиротами. В Загорье к тому времени, дай бог, пятнадцать изб из ста уцелели, одни трубы да головешки кругом. И народу раз-два, и обчелся. Нищ и голь...

Алексея с Дуней и других сирот определили в ярцевский детдом. Кто тогда в детдомах воспитывался? Известно, те, у кого родители на войне погибли или фашистами убиты. Алешка же с названной сестрой — дети предателя. И невинные они ни в чем, а глядят на них искоса, дружбу с ними никто не водит.

Только год спустя стало в детдоме известно, что Дубравин вовсе не предатель, а герой: он выполнял задания подпольного райкома партии, хотя и был беспартийным. Партизанам помогал. Никто лишний о том и не знал.

На Алексея все это сильно подействовало — и неразговорчив стал, и особняком приучился держаться. Надолго у него этот след остался... Да разве одного Алексея война покалечила...

Семнадцати лет окончил он семилетку и — прямой дорогой в Ярцевское педагогическое училище. Покойный Дубравин ему эту мысль внушил: «Быть учителем — лучшее назначение». Вместе с Алексеем окончила училище и Нина Гаврилова, первая в районе красавица, доч-

ка заведующего магазином. Они полюбили друг друга, решили пожениться и поехать учительствовать в родное Алексеево село Загорье.

Алексей сразу поехал, а Нина задержалась у родителей в Ярцеве. А за месяц до свадьбы его призвали во флот. Дуня же, как узнала, что он жениться надумал, отказалась от его помощи, пошла работницей на кирпичный завод. Эта самая Дуняша вместе с Ниной провожала Алексея на морскую службу... Такая вот история,— заключил Доронин.— Остальное вам известно.

— А что же ответил Кирьянов, когда вы спросили о его поведении в Черноморской школе?

— Откровенно ответил: «Мечтал, говорит, я учителем стать, семью завести, а меня забрили на флот — и все нарушилось. Уж больно не вовремя забрили». Меня от такой откровенности в жар бросило. Разве это мыслимо, чтобы молодой парень из-за какой-то красивой подлюги так себя растравил и неправильно мыслить стал!

Стукнул я кулаком по анкерку: «Что же ты, друг любезный, хотел, чтобы за тебя такие вот заграничные штучки другие доставали?!»

Алексей аж вздрогнул. «Вовсе, говорит, я этого не хотел. Отлично я понимаю, что в армии все должны служить, да уж очень школу бросать не хотелось. Только начал ребятишек учить, а тут вдруг опять сам учись: «Ать, два!», «Весла на воду!» Да еще и подчиняйся каждому...»

«Вроде, мол, боцмана Доронина?»

«Нет, что вы, отнекивается. Я про вас плохое не думаю».

«А про капитана третьего ранга?»

«Несправедливым он мне показался».

«Несправедливым?! Да ты знаешь, говорю, как у товарища Баулина за тебя душа болит? Кто за тебя горой встал, когда на берег списать хотели? Товарищ Баулин!

Кто меня надоумил потолковать с тобой о житье-бытье? Товарищ Баулин! Кто нам сегодня доверие оказал? Опять же он, товарищ Баулин! А ты, бирюк, такие слова...» Может, я и чего-нибудь покрепче Алексею бы наговорил, да прилив не дал, начал затоплять отмель. Вода уж у самых наших ног плескалась. «Неужто, думаю, капитан третьего ранга где-нито замешкался?»

Только подумал, а он кричит сверху в мегафон: «Опускаем трос с фонарем!»

Минут через пять — мы уже по колени в воде стоя-

ли — видим: сквозь туман спускается к нам светлое пятнышко.

В общем, и анкерок, и нас с Алексеем в самое время вытащили.

На базу возвращались в машинном отделении «Вихря». Отогревались. В сухую робу переоделись, горячего чаю напились, а все зуб на зуб не попадает...

Доронин улыбнулся, прищурил глаза, и я подумал, что боцман присочинил, будто бы ему было страшно, когда они плыли на тузике через Малый пролив, присочинил

не из намерения порисоваться, а из желания подчеркнуть, чего все это стоило Алексею Кирьянову, совсем еще в то время неопытному пограничнику.

— Сидим мы, значит, в машине, у горячего кожуха, отогреваемся,— продолжал Доронин,— а Алешка шепчет вдруг: «Спасибо вам, товарищ боцман, за науку!» Так душевно он это сказал, что у меня в горле запершило...

Моросья щ и й дождь, начавшийся с полчаса назад, все усиливался и усиливался и в конце концов прогнал нас с мыса над Малым проливом. Мы направились домой, к базе. Под ногами похрустывали обломки застывшей лавы.

Боцман вдруг наклонился, достал из-под камня небольшое светло-серое яйцо, которого я, конечно бы, и не заметил.

— Чайка оставила — наверное, ее саму-то поморник сцапал.— Доронин осторожно завернул яйцо в носовой платок, спрятал в карман.— Марише для коллекции...

Свернув от пролива, мы вскоре поднялись на утес, на котором неподалеку друг от друга стояли старинный каменный крест и обелиск с пятиконечной звездой. С вы-

соты утеса открылся необозримый океанский простор, вид на затушеванные бусом соседние острова.

— Красота! — тихо произнес боцман...

«В анкерке были спрятаны киносъёмочный аппарат с телеобъективом и пять кассет с отснятой пленкой,— объяснил мне позже Баулин,— улика (попадись «Хризантема»!) неопровержимая. Безусловный шпионаж!..»

Глава пятая

ТАЙФУН «НАДЕЖДА»

Еще во Владивостоке я слышал о недавнем тайфуне «Надежда» и о том, как во время этого тайфуна у Баулина чуть было не погибли четверо моряков. Вспомнив об этом на острове, я спросил капитана третьего ранга, как же было дело.

— Всех подробностей я рассказать вам не смогу,— ответил Баулин,— порасспросайте боцмана Доронина.

А произошло все это так...

Ветер дул с северо-запада, в лоб. Океан дышал тяжело, вздымая крупные отлогие волны. Как обычно, небо закрывали тучи. За целое лето метеорологи зарегистрировали у Средних Курил всего-навсего тринадцать солнечных дней. Мелкий морозящий дождь «бус» высеивался почти не переставая.

«Вихрь» возвращался после двухсуточного крейсерства в районе островов И. и П. Барометр продолжал падать, и Баулин приказал прибавить ходу, торопясь до наступления шторма поспеть на базу.

На Камчатке и Курильских островах Баулина знали как смелого командира, готового в любую погоду выйти в море. Из этого, однако, вовсе не следовало, что он предпочитал ровным попутным ветрам крепкие «лобачи» и безразлично относился к солнцу.

И он обрадовался, когда вдруг в мрачных, сизо-серых тучах проглянула узкая голубоватая полынья. Полынья увеличивалась на глазах и вскоре стала похожа на гигантский моржовый бивень. Острые бивня вспыхнуло оранжево-красным огнем и вонзилось в солнце. Паутинная сетка буса оборвалась.

Появление солнца в этих широтах Тихого океана было событием столь редким, что Баулин счел необходимым занести в вахтенный журнал: «1 сентября, 10.06. На траверзе мыса Сивучий показалось солнце». А сигнальщик Петро Левчук скатился по крутому трапу в тесный кубрик, где свободные от вахты пограничники сражались в домино, и гаркнул:

— Свистать всех наверх! Солнце!

Первым, как положено, поднялся на ют боцман Семен Доронин. Прищурившись, поглядел из-под широкой ладони на солнце:

— Давно не видались, соскучилось!

— Сейчас опять спрячется,— сказал комендор Алексей Кирьянов.

— Извиняюсь, оно телеграмму вам прислало? — Левчук, закинув ногу на ногу, небрежно облокотился о шлюпку-тузик.

— Целых три, когда некоторые еще не протерли глаза!

«Вот так да! — в удивлении оглянулся боцман.— Видано ли, чтобы бирюк, молчальник Кирьянов произнес столько слов подряд?»

Обогнув мыс, «Вихрь» пошел параллельно берегу. Теперь задувало уже не в лоб, а в правую скулу форштевня. На фоне посветлевшего неба скалистые кряжи острова, круто опускающиеся в океан, казались еще более высокими. Тут не надейся укрыться от непогоды. На Средних Курилах мало бухт, где бы корабль мог спокойно отстояться во время шторма или тайфуна. Неда-

ром капитаны торгового флота предпочитают поскорее миновать эти мрачные скалы. А пограничники плавают тут каждый день. Что поделаешь — служба.

Прибрежные утесы отливали то иссиня-черным, то белым, будто по ним пробегала рябь. Казалось, каменные громады ожили — со стороны острова доносился непрерывный гул, напоминающий гул могучих порогов: на утесах шумел «птичий базар» — миллионы кайр и гаг.

Стаи кайр то и дело поднимались в воздух. Когда они дружно, крыло к крылу, летели навстречу сторожевику, то напоминали стремительно несущееся облачко: грудь и шея птиц были белыми. Неожиданно они поворачивали обратно, и в мгновение облачко превращалось в черную тучу, падающую в океан. Но пограничники не обращали внимания на птиц. Зато как только сторожевик миновал «птичий базар», все, даже невозмутимый сибиряк Иван Ростовцев, перешли на левый борт, и никто уже не отрывал глаз от берега. «Вихрь» поравнялся с лежбищем ушастых тюленей — котиков. Баулин еще издали увидел, что берег заполнен пугливыми животными, и скомандовал в машину сбавить ход. Зачем их тревожить!

Котики располагались на узкой каменистой береговой полосе группами по тридцать — сорок коричневатосерых, окруженных детенышами маток. В середине каждого большого семейства, словно часовые на страже, бодрствовали рослые темно-серые самцы.

— Нежатся! — с ласковым восхищением произнес Доронин. — Небось тут их на полмиллиона рубликов, не меньше.

— А вон тот секач здоров, пудов за сорок! — показал Левчук.

— Который это? Который? — заинтересовался Кирьянов, вновь порадовав Доронина своей необычной оживленностью: «Неужели хандре конец?»

— Да вон там, правее рыжей скалы.

— Ревнует, старый шельмец! — усмехнулся боцман.

Огромный секач, о котором шла речь, был явно встревожен. Он поводил из стороны в сторону усатой мордой и, обнажив клыки, зло поглядывал на четырех расхрабрившихся, совсем близко подползших к его семейству молодых котиков.

За бухтой, где утес был совсем отвесным, на едва возвышавшихся над водой камнях нежились морские бобры — каланы.

Опершись о поручни ходового мостика, Баулин с любопытством наблюдал морских зверей в бинокль.

Вот плывет на спине самка, и на груди у нее пристроился смешной круглоголовый бобренок, а вот этому бобру то ли не хватило места на камнях, то ли такая уж пришла охота — он тоже перевернулся на спину и блаженствует, покачиваясь на волнах.

Интерес пограничников объяснялся не только свойственной всем добрым людям любовью к мирным животным, но и тем, что эти животные были частью богатств, которые пограничники охраняли. Меха котиков и морских бобров — заманчивая приманка для хищников-зверобоев самых различных национальностей. Пренебрегая штормами и рифами, нарушители частенько норовят подплыть к островам: авось зеленый вымпел советского сторожевика не покажется над волной. Тогда риск окупится с лихвой.

Баулин выпрямился, сунул бинокль в футляр, заложив руки за спину — первый признак плохого настроения, — посмотрел на голубую полынью в небе. Тучи почти совсем затянули ее. Ветер заметно посвежел. Сомнительное удовольствие попасть в шторм! И без того двое суток уткой ныряешь в волнах.

Вспомнилось, что сегодня четверг. Ольга уйдет в клуб базы заниматься математикой с матросами и старшина-

ми. Значит, Маринка опять останется вечером дома одна с соседским Витюшкой: его бабка ложится с петухами. Чего доброго, Витька опять вспорет ножницами подушку и разукрасит себя и Маринку перьями. И убрала ли Ольга спички? Не учинили бы малыши пожар...

Шторм навалился раньше, чем его ждали.

Смахнув с лица соленые капли, Баулин натянул капюшон и пошире расставил ноги. Мысли о доме нарушил взобравшийся на мостик вестовой. Он передал донесение радиста. Радист сообщал, что где-то поблизости сыплет «морзянкой» какое-то судно.

«Ого! Пожаловали!» Баулин скомандовал лечь на обратный курс, и через несколько минут «Вихрь» уже мчался по направлению к нарушителям. Судя по пеленгу, незваные гости находились где-то у западного берега острова И.

Через полчаса хорошего хода среди волн показалась стройная двухмачтовая моторно-парусная шхуна. «Хризантема»! Баулин сразу узнал ее по рангоуту. Высокие, слегка склоненные к корме фок- и грот-мачты, изящные длинные реи, гордо вздернутый над заостренным форштевнем бушприт с туго наполненными ветром кливерами придавали шхуне тот особый щеголеватый вид, который так ценят истые моряки. Старая знакомая!..

«Хризантема» нередко шныряла близ Курил, явно занимаясь не столько хищническим ловом рыбы, сколько разведкой, и ловко уходила от пограничников, ни разу еще не попавшись им в советских водах.

«Интересно, что ты сейчас у нас забыла?» — глядя на «Хризантему», хмурился Баулин.

Хмуро смотрели на незваную гостью и все остальные.

— Зарятыя на наши Курилы,— сказал Кирьянов.

— Не по зубам лакомство! — Левчук с раздражением сплюнул за борт.

— Оно, конечно, после сорок пятого им только и оста-

лось что зариться. Ученые стали. А до войны знаете до чего дело доходило? — Доронин обернулся к молодым матросам. — Как выйдешь в дозор, обязательно их встретишь. Эти их моторные рыболовецкие боты-кавасаки, знаете? — в наши воды за сельдью и треской будто мухи на мед слетались. Схватишь за шиворот — бормочут: «Мы не знали, мы ошиблись». А где уж там «ошиблись»! Под самый берег, черти, подваливали. За крабами к Камчатке японцы с целыми плавучими заводами приплывали.

— Извиняюсь, товарищ боцман, сколько же вам тогда было лет? Двенадцать? — с самым серьезным видом спросил Левчук.

— При чем тут я? Командир рассказывал, — спокойно возразил Доронин.

— На юте, отставить разговоры! — оборвал с мостика Баулин и нажал кнопку.

На сторожевике зазвенел колокол громкого боя — тревога!

Пограничники заняли места согласно боевому расчету.

Не разворачиваясь против ветра и не обращая внимания на свежую волну, Баулин с ходу подошел к японской шхуне.

Он сам отправился на борт нарушительницы с обзорной группой (боцман Доронин, Кирьянов и Левчук).

«Теперь-то уж мы тебя схватим за руку!» — обрадовался капитан третьего ранга. Однако ему пришлось разочароваться: на шхуне не оказалось ни одной рыболовной снасти, ни одной рыбьей чешуйки на палубе и в трюмах. Не в пример другим японским рыболовецким судам, «Хризантема» блистала чистотой. Что за чертовщина!..

Шкипер «Хризантемы», маленький, черноволосый, вертлявый человечек (так вот ты каков!), не скупился на

извинения за невольное, как он заявил, пребывание в советских водах. Льстиво кланяясь и прижимая к животу судовые документы, он с готовностью предложил обыскать не только трюмы, но и всю шхуну. Он очень рад видеть советского офицера своим гостем. О! Неужели русский офицер сомневается в искренности его слов? У него абсолютно ничего нет. Он не собирался ловить рыбу или бить котиков. Он никогда бы не позволил себе этого, никогда! Скоро начнется тайфун, очень сильный тайфун. «Хризантема» надеялась получить приют в советской бухте.

Баулину надоела болтливость шкипера. Японцы — опытные моряки, им ли бояться тайфуна, да еще на таком отличном судне, как «Хризантема»! И к тому же берега острова И. не имеют бухт, защищенных от штормового наката. Господину шкиперу должно быть это хорошо известно.

Самый тщательный обыск не дал никаких результатов. Правда, пограничники обнаружили на шхуне мощный радиолокатор. Но в этом, собственно, нет ничего предосудительного. Каждое судно вправе иметь радиолокатор. Удивило другое: в кают-компании «Хризантемы» оказались два иностранца. Развалясь в кожаных креслах, они пили виски; из паспортов, снабженных всеми положенными визами, явствовало, что это заокеанские газетные корреспонденты. Они путешествуют по Дальнему Востоку.

«Хозяева!» — решил Баулин. Он возвратил пассажирам «Хризантемы» документы и сказал по-английски, что впредь не рекомендует им плавать на судне, шкипер которого не считается с международным морским правом.

Путешественники поблагодарили за совет и предложили Баулину стаканчик сода-виски. Жаль, что господин офицер отказывается. Сода-виски отлично согревает организм, а сегодня такая мерзкая погода!

Шкипер улыбался и пространно выражал свое восхищение отвагой русских пограничников, рискующих выйти в океан на небольшом судне.

— Предлагаю в течение пятнадцати минут покинуть советские воды,— сказал Баулин.

Шкипер был удивлен. Как, его не арестовывают и не ведут в бухту? Как, с него даже не берут штраф? Какие благородные советские пограничники! Склоняясь в бесчисленных поклонах, он проводил Баулина до трапа.

— Так запросто и отпустил!— в недоумении проговорил Алексей, услышав о решении капитана третьего ранга.

Впервые встретился он лицом к лицу с явными врагами Родины, впервые видел их обличье, наспех прикрытое маской учтивости, чуть ли не доброжелательности. Нет, он, Алексей, не позволил бы им уйти безнаказанно! Неужели Баулин не понимает, что делает грубую, грубейшую ошибку?

— Командир знает, что делает,— отрезал Доронин.

По правде говоря, вначале он был удивлен не меньше Кирьянова: задержать нарушителя в советской зоне — и отпустить на все четыре стороны! Но он верил в мудрость капитана третьего ранга. Раз Баулин принял это решение — значит, так сейчас и нужно...

Переваливаясь с борта на борт, «Вихрь» снова повернул к северу.

— На сколько часов хватит еще горючего? — позвонил Баулин в машинное отделение.

— Часов на двадцать! — последовал ответ.

— Добро!

Вскоре «Хризантема» скрылась за гребнями волн. А минут через пятнадцать радист «Вихря» перехватил новую радиограмму. Шхуна предупреждала кого-то о близости советского сторожевика.

— Так я и знал! — повеселел Баулин. — Теперь всю

сеть вытащим.— И отдал команду: —Право руля на обратный курс!

Ясно, что «Хризантема» не заблудилась в океане. Радиосигналы и излишняя болтливость шкипера, который хотел подольше задержать пограничников, подсказали Баулину решение сделать вид, что его удовлетворили объяснения японца, и отпустить шхуну с миром.

«Вихрь» вторично развернулся к югу.

— Зачем мы пошли обратно?—удивился Кирьянов.— Отпустили, а теперь снова догоняй!

— Потерпи малость,— нахмурился Доронин.— Не иначе, командир что-то задумал.

Вскоре вновь показалась стройная шхуна. Словно играючи, она неслась по волнам.

— Хорошо идет, чертовка! — не удержавшись, произнес рулевой Атласов.

— Моряки приличные! — подтвердил Баулин и приказал повернуть корабль на тридцать градусов к западу.

Похоже было, что «Хризантема» дразнит пограничников; завидев советский сторожевик, она быстрым маневром ушла на полмили в нейтральные воды, но через полчаса снова приблизилась.

А Баулин будто не замечал ее и продолжал путь на юго-запад.

— Опять упустим! — досадовал Алексей.

Пожалуй, впервые за многие месяцы пограничной службы он почувствовал себя деятельным участником общего, нужного, важного дела. Ведь в какой-то мере, пусть еще самой малой, от него, как и от всех членов команды «Вихря», зависит успешная охрана границы. На миг ему зримо представилась она вся. Все шестьдесят с лишним тысяч километров советской государственной границы. Льды Заполярья. Леса и болота Карелии. Пески Каракумов. Кручи Памира.

«Вихрь» снова миновал траверз мыса, а «Хризанте-

ма» все еще шла с левого борта параллельным курсом и не собиралась отставать от сторожевика.

В третий раз вестовой принес на ходовой мостик перехваченную радиограмму. И тут «Хризантема» резко вильнула в советские воды. Теперь форштевень ее был направлен прямо на «Вихрь». По-видимому, присутствие на шхуне иностранцев вернуло юркому шкиперу наглость, и он прибег к старому приему японских пиратов— угрозе тараном.

Нетрудно было представить, чем это могло кончиться для относительно небольшого сторожевика: «Хризантема» — форштевень у нее со стальной оковкой — попросту рассекла бы его, как топор щепку.

— Вежливые: хотят поздороваться за ручку!—деланно ухмыльнулся сигнальщик Левчук.

— Пусть только попробуют, пусть только попробуют...— шептал Алексей.

Чтобы прибавить ходу, японец, не считаясь со свежим ветром, рискнул поднять все паруса. Усы бурунов у форштевня «Хризантемы» вспенились. Накренившись на правый борт, она понеслась еще стремительнее.

Однако этот маневр произвел на Баулина не большее впечатление, чем новая порция брызг, брошенная волной в лицо,— так, по крайней мере, подумалось рулевому Атласову. Капитан 3-го ранга только прищурился. Уже отчетливо стали видны фигуры стоящих на баке «Хризантемы» иностранных корреспондентов, когда он, не сворачивая с курса, дал команду сделать предупредительный выстрел из носового орудия, того самого орудия, комендором у которого стоял Кирьянов. Орудие рявкнуло, обдав Алексея кислым запахом взрывчатки. Первый не учебный, а боевой выстрел! Алексей облизнул враз пересохшие губы...

Суда находились в это время всего в кабельтове друг от друга.

«Хризантема», накренившись еще больше и едва не касаясь реями волн, свернула в сторону.

Баулин взглянул на ручные часы, недобро усмехнулся: слабоваты нервишки у «путешественников».

Ровно через десять минут все объяснилось. И тревожные радиодепеши, и настойчивые попытки шхуны отвлечь «Вихрь» подальше на юг, и пиратская угроза тараном — все это было звеньями одной цепи. Слева по носу появились два кавасаки.

«Издалека их принесло!—посуровел Баулин.—Своим ходом они бы сюда не добрались, тут не обошлось без буксира «Хризантемы». И яснее ясного, что они пришли не за сельдью и не за камбалой — чересчур уж роскошно: двухмачтовая шхуна для каких-то двух кавасаки! Не зря, не зря торчат на баке заокеанские хозяева...»

«Так вот в чем дело, вот почему командир давеча отпустил «Хризантему»,—она отвлекала нас». Алексею стало стыдно за недавние мысли о Баулине. Хорошо хоть, никто, кроме Доронина, не слышал его недоуменных слов.

Кавасаки вслед за шхуной полным ходом удирали в океан, но у «Вихря» было неоспоримое преимущество в скорости, и он отрезал им путь к отступлению.

К борту первого кавасаки он подошел с такой стремительностью, что от резкого трения завизжали и задымилась кранцы.

По приказу капитана третьего ранга Доронин и Кирьянов прыгнули на палубу бота. Девять «рыбаков» что-то поспешно выбрасывали за борт.

Однако оклик боцмана, хлопнувшего ладонью по прикладу автомата, заставил их нехотя поднять руки. Зажав румпель руля под мышкой, поднял руки и шкипер. Моторист заглушил мотор.

— Так-то оно лучше! — усмехнулся Алексей.

Над океаном густели сумерки, и под их покровом второй кавасаки попытался улизнуть, но пулеметная оче-

редь, выпущенная «Вихрем» в воздух, заставила и его застопорить машину.

На этот раз обыск дал совершенно неожиданные результаты: в рыбном трюме восемь отсеков были заполнены столитровыми бидонами со смолой и креозотом; бидоны из двух последних отсеков команда успела по-выбрасывать в океан. Трюм второго кавасаки оказался пустым, но едкий запах креозота не оставлял сомнений, что груз обоих ботов был одинаков.

— Вот подлые, вот гады! — в гневе сказал Доронин.

— А что? Зачем им креозот? — не понял Алексей.

— Тут нечего и гадать: полей креозотом и смолой лежбища котиков или бобров — и они вовек больше к нам не вернуться. Ничем их не заманишь. Чуткий зверь.

Едва сдерживая гнев, смотрел на «рыбаков» и Баулин.

Котики водятся в Северном полушарии лишь на Командорских и Курильских островах, на маленьком, советском же, островке Тюленьем и на островах Прибылова, принадлежащих Соединенным Штатам Америки. Безусловно, не хуже, чем Баулину, это было известно и хозяевам «Хризантемы». На какие только подлости не готовы они, чтобы потолще набить карман!

Забуксировав оба кавасаки, «Вихрь» лег наконец курсом на Север, к острову Н., к базе. Можно было бы заставить нарушителей идти за сторожевиком своим ходом, да в надвигающейся ночи могло приключиться всякое, тем более что лица «рыбаков» были мало сказать угрюмы — злы. Упрямо, зло сжаты губы, зло глядят изпод припухших век черные немигающие глазки.

На каждом кавасаки Баулин оставил по два пограничника: на первом — Доронина с Кирияновым, на втором — Левчука и Ростовцева. Только бы никого из них не укачало!..

Шторм разыгрывался. К ночи он достиг шести баллов. Валы громоздились друг на друга. Ветер срывал с

гребней пену, расстилал ее белыми полосами. Волны захлестывались на бак, обдавали брызгами ходовой мостик.

Как ни привычны были к непогоде пограничники, но и они утомились от двухсуточной болтанки. А тут еще новость: командир базы предупредил по радио, что с юга идет тайфун «Надежда».

«Надежда» могла нагрянуть с минуты на минуту, и, чтобы не быть застигнутым врасплох, Баулин развернулся носом к ветру, который вроде бы приутих, лишний раз подтверждая, что перед бурей бывает затишье.

Темнота пала почти мгновенно, будто сразу все небо задернули гигантским черным парусом. Ни малейшего просвета, ни единой звезды, словно их никогда и не было в черном, необъятном, раскачивающемся мире. Только светящаяся доска приборов да компас напоминали, что в этом мире существует свет.

Как ни силился Баулин, он не мог рассмотреть ни орудия на баке, ни лебедки, ни крышки носового люка—ровнешенько ничего! Эта внезапно навалившаяся со всех сторон тьма усиливала ощущение опасности. Баулин не боялся рифов и мелей, их попросту нет в этой части океана. Не опасался он и столкновения с каким-нибудь другим судном—обычные дороги кораблей находились в стороне, вероятность случайной встречи с заблудившимися судами была почти исключена. Да к тому же для чего имеется на «Вихре» радиолокатор?

Опасность грозила лишь от океана. Океан был сейчас единственным, но свирепым, всесильным противником. Один океан. Не видя его, трудно, почти невозможно предугадать направление волн, определить их высоту, а следовательно, трудно маневрировать ходом и с помощью руля.

Шторм раскачивает судно более или менее равномерно, и, судя по тому, что сторожевик заметался вдруг, не-

сколько раз подряд ухнул носом в водяные ямы и чуть ли не в то же самое время стал накреняться и вправо и влево, Баулин понял: это «толчея», их настиг тайфун.

Одинокая далекая молния вспыхнула на мгновение, как будто бы лишь затем, чтобы показать людям всю безмерность предстоящих им испытаний. В призрачном ее всплеске Баулин увидел трехэтажный гребень, загнутый над баком, головокружительный крен палубы. Бокое зрение успело схватить перекошенное страхом лицо рулевого Атласова.

Мгновение есть мгновение, и вновь все поглотила плотная, казалось, еще более непроницаемая тьма, черная пропасть.

«Вихрь» лег на бок, дрожа, словно раненое живое существо. Нелепо ковыляя, кое-как выровнялся, только затем, чтобы тотчас же беспомощно завалиться на другой бок. Новая, невысказанно огромная волна обрушилась на бак, подминая под себя корабль, втягивая его в свое холодное, ненасытное утро.

Баулин вцепился в поручни. «Выбирайся, выбирайся...» Он разговаривал с «Вихрем», словно тот и впрямь был живым.

Бывают секунды, кажущиеся часами. Именно долгим, страшным часом показались мгновения, в которые «Вихрь» выкарабкивался из тяжелой соленой волны.

В лицо наотмашь ударил упругий ветер. «Слава тебе, выкарабкались!»

А что же делается на кавасаки?!

Кто это хватает за ноги?.. На палубе барахтался в воде помощник, лейтенант Гриднев.

— Спокойнее, спокойнее! Держитесь! — крикнул Баулин, поднимая лейтенанта.

— Есть спокойнее... — пробормотал Гриднев.

И снова тяжелая волна лавиной ударила в рубку и снова накрыла ее гребнем. Штормовые раскаты слились

в сплошной грохот, перемешавшись с воем и свистом ветра. Океан распоряжался небольшим кораблем как хотел.

Надо держаться против ветра. Только бы не лопнули от перенапряжения приводы руля, не сдвинулись бы от чудовищных рывков и стремительного, резкого крена дизели...

«Вихрь» должен выдержать, он выдержит!..

Баулин любил свой корабль той строгой любовью, которая знакома только капитанам, летчикам и машинистам. Он знал корабль, как самого себя, знал весь, от форштевня до кормы и от киля до клотика грот-мачты. Он не уставал любоваться и гордиться им, как отец любит и гордится сыном. Но главное — Баулин знал свою команду, своих ребят, смело мог на них положиться в любой, самой трудной, самой тяжелой обстановке.

— Так держать! — скомандовал он рулевому.

«...ать!» — едва расслышал Атласов, выравнивая корабль вразрез атакующим его волнам.

В «Вихре» Баулин не сомневался, но его не оставляла мысль о кавасаки, о находящихся на их борту четырех пограничниках. Целы ли они, не утонули ли? Нужно немедленно отдать буксир — он не дает ботам свободнее взбираться на волну.

Каждый моряк на корабле, попавшем в свирепый шторм, думает о судьбе судна и о своей судьбе. Капитан, командир, должен думать обо всех. Один обо всех. И решать один. Такова извечная обязанность командира, в этом его долг. Он не имеет права ошибаться, медлить, склонять голову перед разбушевавшейся стихией, какой бы грозной ни была опасность. И, зная все это, даже не видя командира, экипаж судна верит в него, в его опыт, находчивость, мудрость, выполняя любые его приказы, не обсуждая и не оспаривая их.

— Отдать буксир! — крикнул Баулин помощнику.

(Вахтенные на корме не услышали бы команды, кричи ее хоть в десять рупоров.)

«...буксир!..» — скорее догадался, чем услышал Гриднев.

Ухватившись за поручни, он соскользнул по трапу. Густая волна щепкой приподняла его над палубой и, не вцепись он в поручни, смыла бы в океан. В следующее мгновение «Вихрь» переложило на другой борт. Гриднева швырнуло на металлические ступени трапа.

Невольно вскрикнув и не услышав собственного голоса, он хлебнул горько-соленой воды. Отфыркиваясь, отплевываясь, нашел правой рукой протянутый вдоль палубы штормовой леер и тогда только рискнул расстаться с поручнем трапа.

Приняв попутно с десятков ледяных ванн, Гриднев добрался наконец до кормы и обнаружил, что буксирный трос болтается свободно. Однако лейтенант был еще на полпути к цели, когда в том же убедился Баулин: «Вихрь» рванулся вперед, будто бы у него вмиг прибавилась мощность машины. Два кавасаки с четырьмя пограничниками остались где-то позади, в слепой ночи.

Гриднев вернулся на ходовой мостик, крикнул на ухо Баулину:

— Оборвало трос, оборвало!..

— Право руля на обратный курс! — скомандовал Баулин.

На обратный курс? На какое-то, пусть самое малое, время поставить судно бортом к волне? Игнату Атласову подумалось, что он ослышался, не так понял командира, но Баулин круговым взмахом руки повторил команду.

В рулевой рубке, сотрясаемой ударами волн и неистовыми порывами ветра, было так же мокро и пронизывающе холодно, как и на палубе. Крупные, тяжелые, словно град, брызги слепили глаза, трудно было смотреть не только вперед по носу корабля, а и на светящуюся

ся картушку компаса, который раскачивался и вертелся в кардановом кольце,

Сжимая ручки штурвала, силясь разглядеть на компасе курсовую черту, Атласов весь напряжился, чувствуя, как немеют и руки, и плечи, и ноги. Не свалиться бы! Сердце колотилось частыми, порывистыми толчками.

Такого испытать Игнату еще не доводилось. Разве сравнить шторм, в который он попал три года назад у Командор, с тем, что творится в океане сейчас? Легкая болтанка была, не шторм, а ведь скрепя сердце рыбакам пришлось повыбрасывать за борт весь улов. Отец (Игнат ходил в то время за сельдью в бригаде отца) начал было оправдываться перед председателем артели, когда они возвратились домой, а председатель в ответ: «Ты что, старина, сдурел? Кто вас винит? Людей спас — низкий поклон тебе, а рыбы в океане хватит, да еще и останется...»

— Оборвало буксир! Там кавасаки! — крикнул над ухом Атласова Баулин, став рядом с ним за штурвал.

Четыре пограничника могут погибнуть или попасть в плен!

Четыре пограничника... Боцман Семен Доронин — он Баулину всегда и во всем правая рука... Алексей Кирьянов, с которым так много было хлопот, прежде чем он как будто бы привык к морю... Иван Ростовцев, старшина 2-й статьи, обстоятельный и немногословный... Петр Левчук, горячий, но отходчивый, смекалистый парень...

Что ответит Баулин в случае беды их близким, командованию? Чем оправдается перед своей совестью?..

До военной службы Семену пришлось немало поплавать на кавасаки, но никогда еще ему не приходилось попадать на нем в такой шторм, как сегодняшней. Кавасаки — суденышко маленькое, всего шестнадцать мет-

ров в длину, и экипаж его — обычно не более шести рыбаков — во время непогоды с трудом размещается в носовом кубрике. Сейчас же на борту, не считая Семена с Алексеем, было девять человек, девять нарушителей границы, которые только и ждут, как бы свернуть тебе шею. Вероятно, для того, чтобы побыстрее разлить креозот и смолу по лежбищу котиков, хозяева «Хризантемы» намеренно увеличили команду бота.

Семерых «рыбаков» Доронину кое-как удалось разместить в носовом кубрике, заперев его снаружи, двоих же пришлось оставить вместе с Алексеем в будке машинного отделения. Сам Доронин стоял на площадке рулевого, у румпеля, глядя то вперед, где в темноте едва были различимы два белых топовых огня «Вихря», то за корму: там тускло мигали зеленый и красный отличительные огни второго кавасаки с Левчуком и Ростовцевым.

Сдерживаемый буксирным тросом, кавасаки ковылял, то и дело зарываясь носом в высокие валы и черпая тонны воды. Хорошо еще, что удалось заблаговременно наглухо задраить трюм с бидонами, а то бы он в момент наполнился до краев — и гуляй на дно.

Нужно ослабить натяжение троса! Приоткрыв дверь в машинную будку, Доронин приказал Алексею запустить мотор (вся команда «Вихря», исключая самых уж новеньких, была обучена обращению с моторами).

Мотор чихнул раз пять, прежде чем ритмично застучали клапаны, но Доронин не услышал этого — на кавасаки рухнула волна и накрыла с головой. Она была так тяжела, словно по спине прокатились пятипудовые мешки. Доронин согнулся, едва не выпустив румпель руля.

Баулин не зря думал, что его ребятам на кавасаки куда труднее, чем на «Вихре». Волны почти непрерывно покрывали маленький бот, он трещал, кланялся, нырял и все-таки выбирался на свет божий, послушный твердой руке Доронина.

Площадка рулевого находилась на самой корме, за будкой машинного отделения; борясь с крутой, злой волной тайфуна, Доронин то и дело ударялся лицом в дверь будки и не мог уже разобраться, от океанской ли воды или от крови у него солоно на губах, вода или кровь застилает ему глаза.

Лишь бы не выпустить румпель руля, лишь бы удержать! Не удержишь — и конец, гибель...

Не легче, чем Семену Доронину, было и Алексею. Машинное отделение называлось так будто в насмешку. В середине узкой, низкой, раскачивающейся будки помещался мотор, в проходах по сторонам его можно было стоять только боком, пригнувшись, чтобы не стукаться головой в потолок, обитый листами жести. От непривычного напряжения сводило шею; того и гляди, упадешь во время крена на рычаги или на горячие цилиндры мотора или угодишь рукой в раскаленные шары зажигания. Грудь распирало от духоты, от копоти. К тому же Алексей находился в этой тесноте не один: с него не спускали глаз двое «рыбаков», обозленных и, как понимал Алексей, готовых на любую подлость.

И потому, что нужно было следить и за мотором и за нарушителями границы, а может быть, и потому, что он впервые попал в такую непогоду и не представлял, чем она грозит кавасаки, Алексей не думал об опасности.

Беда пришла, когда бот вслед за «Вихрем» угодил в «толчею» и закачался во все стороны, как ванька-встанька. Тут-то вдруг и сорвалась с болтов сетеподъемная машинка. Со всей силой двухсот пятидесяти килограммов стальная штуковина скользнула наискось по палубе и задела краем угол будки. Угол дал трещину, в нее, как только бот оказывался под волной, тугой струей начала бить вода.

«Тонем!» Не думая уже о том, что можно упасть на мотор, забыв в страхе, что с «рыбаков» нельзя спускать

глаз, Алексей скинул бушлат и стал затыкать им трещину. В этот момент, воспользовавшись растерянностью Алексея, один из японцев выхватил из пазов в бортовой рейке гаечный ключ и наотмашь ударил пограничника. Не накренись кавасаки, удар пришелся бы по голове. Падая, Алексей успел вскрикнуть, но разве мог в грохоте бури услышать его Доронин?..

«Почему замолчал мотор?..» Чувствуя недоброе, бросив румпель — тут уж некогда мешкать! — боцман рванул дверцу машинного отделения. В тесном проеме на полу боролись Алексей и один из «рыбаков». Доронин ринулся на помощь товарищу. Тем временем второй японец проскользнул с противоположной стороны мотора на площадку рулевого, захлопнул за собой дверь и запер ее задвижкой. Ухватившись за выступы трюмного люка, рискуя быть смытым за борт, он пробрался на нос и сбросил с крюка провисший на миг буксирный трос.

Скрутив «рыбака», Доронин кинулся обратно. Кавасаки неуправляем, его вот-вот перевернет! О черт! Вторым японцем успел запереть их снаружи. Неужто он успеет выпустить остальных из кубрика? Доронин с остервенением ударял плечом в крепкие, обитые листами жести доски. Раз, раз, раз!.. Наконец щеколда не выдержала, отлетела, дверь распахнулась, и вместе с ветром в машинное отделение хлынула вода.

Только на рассвете, когда тайфун умчался на восток и приутихла волна, «Вихрь», переключаемый Баулиным с одного параллельного курса на другой, обнаружил первый кавасаки. Сторожевик настиг его, поравнялся, включил прожектор.

Баулин махнул рукой Атласову, тот понял, прицелился взглядом к очутившейся внизу палубе бота и прыгнул. Как он устоял на ногах!

— Целы-целехоньки,— встретил его Доронин.— Вер-

но, «рыбаки» повылазили было на палубу, ну, да мы с Алехой загнали их обратно в кубрик.

Минут через сорок был обнаружен и второй кавасаки, и скоро оба они вновь покачивались за кормой сторожевика, будто за ночь ничего и не произошло.

— Ну и командир у нас! — потирая ноющее плечо, сказал Алексей.

— А что тут особенного? Для капитана третьего ранга это самая обыкновенная операция.

— Жаль, «Хризантема» удрала.

— Не все сразу. Повалился кувшин по воду... А как это получилось, что японец было черепушку твою не расколол? — совсем невпопад спросил Доронин.

— Вода хлынула. Пробоину я затыкал, — вспыхнул Кирьянов.

— Из глаз, значит, врага упустил. Хорошо пограничник! — Боцман не любил думать одно, а говорить другое.

Всю радость Алексея будто волной смыло. Ведь он уже считал себя если не морским волком, то, во всяком случае, достойным одобрения, хотя бы самого малого одобрения. Оно было так нужно сейчас ему!

Доронин искоса наблюдал Кирьянова. Это хорошо, что парень переживает свою промашку. Можно было бы и похвалить его: вел он себя отлично, а растерялся, видно, потому, что впервой повстречался с врагами, да еще, можно сказать, один на один. Но, пожалуй, лучше обождать с похвалой, промолчать.

Молчал и Алексей. Разве мог он обижаться? Конечно, он виноват...

— Гляди, гляди! — крикнул вдруг Доронин, показывая на острые плавники, вспарывающие волны. — Косатки плывут. Ох и подлые твари! Должно, добычу почуяли. Так и есть — киты!

В версте от кавасаки над водой забили фонтаны; штук десять или двенадцать высоких, мощных фонтанов,

ДВАЖДЫ ДВА — СОРОК

Вначале следует сказать о двух документах и небольшой справке. Впрочем, карикатуру, помещенную в одном из старых номеров боевого листка «Шторм», можно назвать документом сугубо условно, хотя секретарь комсомольской организации сторожевика «Вихрь» главстаршина Игнат Атласов и держится иного мнения.

Карикатура изображает молодого моряка со вздернутым носом. Стоя на цыпочках, явно самовлюбленный крикун пытается дотянуться до верха голенища огромного сапога. Под рисунком — строка из пушкинской притчи о художнике и сапожнике: «Суди, дружок, не выше сапога!»

— Кто это? — спросил я, рассматривая карикатуру.

— Дальномерщик Петр Милешкин, — ответил Атласов. — Такой был всезнайка, такой хвастун: «Я десять классов окончил, меня нечего учить!» А сам, маменькин сынок, воротника не умел пришить как следует, носового платка выстирать. После этой карикатуры Милешкин с неделю с Алексеем не разговаривал.

Почему же именно с Кирьяновым?

— Так ведь это Алеха его нарисовал. Здорово? Петька Милешкин, как вылитый!

Второй документ, показанный мне Игнатом Атласовым, — протокол общего комсомольского собрания корабля. Первый пункт протокола посвящен Алексею Кирьянову:

«Слушали: Заявление члена ВЛКСМ А. Кирьянова о снятии с него выговора, объявленного первичной организацией ВЛКСМ Черноморской школы младших морских специалистов за проявление трусости, недисциплинированность и отрыв от коллектива, и строгого выгово-

ра с предупреждением, объявленного комсомольской организацией базы за сон на посту.

Постановили: Учитывая, что А. Кирьянов проявил себя во время похода на тузике за анкерком, в операции по задержанию рыболовов-хищников, в поимке нарушителя границы и в ликвидации аварии, как и подобает комсомольцу-пограничнику, а также учитывая, что он принимает активное участие в общественной работе (зам. редактора боевого листка «Шторм»), ходатайствовать перед бюро ВЛКСМ базы о снятии с тов. А. Кирьянова ранее данных ему взысканий.

Принято единогласно».

— А что это за операция была, если не секрет? — спросил я.

Баулин, вместе с которым я пришел в клуб базы, хитро улыбнулся.

— Сколько, по-вашему, будет дважды два?.. А вот и не четыре! Кирьянов опроверг арифметику. Во время той самой боевой операции он доказал, что дважды два — сорок.

Мне оставалось в недоумении вскинуть брови. Капитан третьего ранга рассмеялся:

— Секрета никакого нет. Пойдете сейчас с главстаршиной к мысу Скалистому — он вам расскажет.

Тут же в клубе базы висел фотомонтаж, под заголовком «Что мы охраняем». Возле карты Курильских островов были расклеены фотографии с подписями. Они сообщали о лесных богатствах гряды на южных островах, о возможностях оленеводства и охотничьего промысла на северных (там есть и черно-бурые лисы, и соболи, и горностаи) и, конечно же, о богатствах морских — котиках, бобрах-каланах и рыбе.

Справка под фотографией лова горбуши ставными сетями сообщала, что по запасам лососевых, а также трески и сельди Курильская гряда является крупнейшим

рыбопромышленным районом Дальнего Востока. Лососи живут в просторах северной части Тихого океана, а для нереста — метания икры — устремляются через многочисленные Курильские проливы в пресные материковые воды Советского Приморья.

— Понятная география? — спросил Баулин.— Лосось идет нашими проливами в основном с середины июля, идет сплошняком, в несколько этажей. Сунь в косяк весло — торчком стоять будет! Что-то невероятное! Проскочит лосось из океана в Охотское море и мчит полным форсированным ходом к устьям тех самых рек, где появился на свет божий из икринки. Не куда-нибудь, а именно на родину.— Николай Иванович усмехнулся.— Видели бы вы, с каким упорством стремится лосось к местам нерестилищ! Через камни перепрыгивает, по мелям ползет. Весь в лохмотьях, в крови, а все вперед и вперед против течения, иной раз за тысячи верст! Я еще только одну такую же одержимую рыбу знаю — европейского угря. Этот, бродяга, путешествует из Саргассова моря, где рождается, чуть ли не через всю Атлантику в Балтику, в Финский залив, и к нам в реки. Подрастет — и тем же путем обратно. Какой-то чудо-инстинкт! Что-то невероятное! — повторил Баулин.— Словом, когда идет лосось, дальневосточным рыбакам не то что поспать, поест некогда.

— У нас на Камчатке одни грудные младенцы не рыбалют,— вставил Атласов.

— Ну конечно, и соседи не спят,— нахмурился Николай Иванович,— так и норовят пограбить в наших водах. Только недогляди!

— И порядком ловите хищников? — поинтересовался я.

— Бывает...— Капитан третьего ранга посмотрел на часы, сказал Атласову: — Главстаршина, вам пора отправляться.

Спустя четверть часа катер «ПК-5» отошел от стоянки. В сравнении со сторожевиками «ПК-5» выглядел крошкой. Однако установленный на носу пулемет придавал ему если не грозный, то дерзкий вид. Обычно таким суденышкам и дают-то не название, а порядковый номер. Но все это не помешало главстаршине Игнату Атласову сказать мне, что «ПК-5» — геройское судно.

Геройское? Я не сдержал улыбки.

— Зря смеетесь! На этом самом «пятом» Алексей Кирьянов и доказал хищникам, что дважды два — сорок.

Небольшие пограничные катера «ПК», как правило, не ходят на охрану границы. У этих работяг куда более скромное назначение: доставлять на берег с судов, бросивших якорь на внешнем рейде, пассажиров, мелкие грузы и почту или исполнять обязанности посыльных. Вот и сейчас мы шли всего за каких-то десять миль, на один из соседних островков, чтобы доставить погранпосту на мысе Скалистый кое-что из продуктов, несколько кинофильмов и сменить библиотечку-передвижку. И вдруг — нá тебе. Оказывается, «ПК-5» — геройское судно, принимавшее участие в боевой операции! Когда? Где? При каких обстоятельствах? И чем, собственно говоря, отличился при этом Кирьянов?

Катерок кланялся волнам, чирком переваливался с борта на борт, оставляя за кормой кольца дыма. Справа раскачивался зыбкий океанский горизонт, слева громоздились скалистые острова.

И вот что рассказал главстаршина, пока мы шли до Скалистого.

Два года назад, в один из первых июльских дней, то есть в ту самую пору, когда лосось валом повалил из Тихого океана в Охотское море, воздушная разведка сообщила командованию погранбазы на острове Н., что напротив соседних островов, ближе к проливам, появи-

лись десятки иностранных рыболовецких судов. Чьи-то шхуны и сейнеры, держась пока на почтительном расстоянии от советских вод, занимались ловом в открытом океане. С островов их даже не было видно. Почему же они держатся вместе, как стая акул? И зачем крейсируют в том же районе два американских эсминца и несколько раз пролетали американские самолеты? Едва ли это просто случайное совпадение.

Задача была со многими неизвестными, и тогдашний командир базы Самсонов привлек к ее решению не только сторожевики, а и катера «ПК».

«ПК-5», в команду которого назначили тогда Атласова, Кирьянова, Милешкина и моториста Степуна, как и все другие суда, вышел на операцию затемно. Шли с задранными иллюминаторами, без опознавательных огней. Монотонно всплескивала рассекаемая форштевнем волна. Невесело постукивал мотор: «Устал, устал, устал...» Небо, по вековой курительской привычке, затянуло тучами — ни звезд, ни луны. А было как раз полнолуние.

Игнат Атласов стоял за штурвалом, Кирьянов с Милешкиным — у пулемета, Степун колдовал в машине: старенький движок давно просился в переборку.

Откровенно говоря, Игнат не был в восторге, оттого что его назначили на катер вместе с Кирьяновым и Милешкиным.

Алексей все еще держался особняком, всех, кроме боцмана Доронина, сторонился. И хотя он не сплеховал, когда ходил с боцманом на тузике, однако Атласов не мог забыть того, что на Черном море Алексей дал труса. Как-то еще он покажет себя в настоящем деле? А судя по приготовлениям на базе, предстоящая ночь обещала немало неожиданностей. К Петру же Милешкину у Атласова вовсе не лежала душа — гонористый зазнайка. Вот и сейчас он что-то шепчет Алексею, будто забыл или не знает, что в дозоре болтать не положено.

До Атласова долетели обрывки фраз.

— Подумаешь, боцман сказал! — Это голос Милешкина. — Что он, больше нас с тобой знает? Что у него за душой-то есть — никакой культуры... Не пойму, о чем ты с ним беседы ведешь?

— А у тебя совесть есть? — Это отвечает Кирьянов.

— При чем тут совесть!..

Атласов кашлянул. Шепот прекратился.

В темноте подошли к проливу. Вода устремлялась в него, как в гигантскую воронку. Катер дрожал, едва справляясь с течением.

— Самый полный! — скомандовал в переговорную трубку Атласов.

— Есть самый полный! — отозвался Степун.

А катер еле полз. Полз, натужно урча, вздрагивая, отфыркиваясь отработанным газом. За бортом то и дело возникали отрывистые всплески. Ночь, а лосось все еще играет, описывая в воздухе дуги метра в два, не меньше. А может быть, на косяк напали акулы...

Течение нехотя выпустило «ПК-5» из своих тугих струй. Движок застучал веселее. Атласов посмотрел на светящийся циферблат часов: скоро и заданное командиром место — квадрат в океане.

Время напряженного ожидания всегда течет медленно. Игнату подумалось, что прошло с полчаса, а минутная стрелка на циферблате передвинулась всего на девять делений. Перебрав ручки штурвала, он взял немного мористее. Порывистый нордовый ветер стал ударять в левый борт, и закачало сильнее. Должно быть, оттого, что Атласов отвык ходить на такой малой посудине, у него засосало под ложечкой.

Хищников не видно и не слышно. А возможно, они сегодня и не появятся в наших водах и напрасны все приготовления на базе. Но что это?.. Вроде бы стучит чужой мотор.

— Малый, самый малый! — негромко скомандовал Атласов в переговорную трубку.

Нет, ему просто послышалось. Только волна плещет о борт.

— Слева по носу неизвестное судно! — отрывисто выкрикнул с бака Кирьянов: он был впередсмотрящим.

Судно? Не туман ли наползает? Не принял ли Алексей бродячее бревно за судно? Атласов всмотрелся в ночную тьму. Да, судно. Определенно судно.

Поворот штурвала, и одна за другой новые команды:

— Полный вперед!

— У пулемета, готовься!

И опять в машину:

— Самый, самый полный!

Палуба под ногами затряслась — Степун старался выжать из движка все, что мог. Злая волна с шипением перебросилась через планшир.

Но тут вдруг движок поперхнулся, закашлялся и замер. И сразу стало отчетливо слышно ритмичное постукивание чужого мотора. «Стосорокасильный «симомото», — тотчас определил Атласов и нетерпеливо спросил у моториста:

— Что там у вас? Заело?

Переговорная трубка не ответила. Сам Степун высунулся из люка машинного отделения:

— Не проворачивает! Что-то накрутило на винт!

Катер беспомощно качался на волнах, течение и ветер сносили его на юго-запад, к проливу. Силуэт неизвестной двухмачтовой шхуны растворился в темноте. Неужели это опять неуловимая «Хризантема»?

«Счастливо оставаться! Счастливо оставаться! Счастливо оставаться!..» — затихая, издевался «симомото».

— Милешкин, — позвал старшина, — приготовиться к спуску за корму! («Если скоро не управимся — течение утянет в пролив».)

— Есть! — Милешкин вырос перед рулевой рубкой.

«Бойтся,— понял по голосу Атласов.— Может, лучше послать Кирьянова?.. Нет, Петр все же поопытнее».

Милешкин поспешно разделся, бросил одежду через окно в рубку.

Оставив вместо себя у штурвала Кирьянова, старшина обвязал Милешкина под мышками тросом, закрепил другой его конец за буксирные кнехты.

— Наверное, на винт намотало сети. Освободишь,— сказал он, передавая матросу кортик.— Быстренько!..

Милешкин не хуже старшины понимал, что, если течение втянет беспомощный катер в пролив, стремительные водовороты разобьют его о скалы. Однако, перебросившись за борт, он в страхе прижался к нему: «А если поблизости рыщут акулы?..» Холодная волна окатила по пояс. Милешкин вздрогнул и уцепился за планшир еще крепче.

— Ныряй, ныряй! Раз-два, и порядок! — подбодрил Атласов.

Он тоже вспомнил сейчас про «морских прожор», как называют акул на Камчатке. Чаще всего они охотятся за пищей именно ночью, и не в одиночку, а целыми стаями. Однажды Игнат и сам видел пойманную на перемет акулу. В желудке у нее нашли остатки двух тюленей, щупальца осьминога и чуть ли не полтонны сельди. Ее вытащили на палубу шхуны, выпотрошили, а она все еще была хвостом, судорожно разевала громадную пасть и мигала веками. А зубы? В пасти торчали сотни треугольных зубов с зазубренными краями, длиной по четыре-пять сантиметров...

— Ныряй, не трусь,— сердито повторил Атласов.

Собравшись с духом, Милешкин разжал пальцы и скользнул в воду. От страха он забыл набрать в легкие побольше воздуха и не смог поднырнуть к винту. Чувствуя, что вот-вот задохнется, он оттолкнулся ногой от

пера руля и пробкой вылетел на поверхность. Новая волна ударила его головой о корпус катера, что-то острое полоснуло по бедру.

— Спасите! — в страхе выкрикнул Милешкин.

Атласов с трудом выволок обмякшего, перепуганного парня на палубу.

— Акула цапнула! — едва выговорил тот.

— Где? — встревожился Атласов, включая электрический фонарик, осветил Петра, все еще сжимавшего в руке кортик.— На бедре у него кровоточила неглубокая ранка.— Сам порезался,— догадался Атласов.— Герой! Перевяжись и одевайся. Кирьянов, приготовиться!

— Мне? — растерянно переспросил Алексей. «Вдруг в воде действительно акулы?» — Я сейчас,— пробормотал он, стягивая сапоги.

— Быстро, быстро! — подгонял Атласов.

Раздевшись, Алексей в момент почувствовал озноб. «А как же мы купались зимой в Вопи?»

— Сначала отплыви маленько, а то швырнет о корпус,— сказал Атласов, обвязывая Алексея концом.— Топай!

Выждав волну, Алексей прыгнул за борт. Как и советовал Игнат, он сначала немного отплыл от катера и лишь после этого, приравливаясь к ритму волн, нырнул под корму. На лопастях и на валу винта он нащупал туго-намотанный трос и обрывки сетей. С одного маха тут ничего не сделаешь, хотя кортик и наточен, как бритва...

Так Алексей нырял и нырял без конца. Не каждый раз ему удавалось перерезать витки троса, но его неизменно ударяло о железный корпус то плечом, то локтем, то головой. И все ему чудилось, что рядом шныряют акулы. Рассчитать невидимые волны было трудно, и одна из них так стукнула его о руль головой, что он было потерял сознание.

Постепенно мотки перерезанного троса ослабли, и

Алексей начал стаскивать их с вала. Несмотря на июль, вода была холодная. Выныривая на миг на поверхность, с жадностью вдыхая воздух, он не однажды хотел крикнуть: «Вытаскивай!» И опять нырял. Еще один моток, еще один моток, еще...

Когда наконец-то Алексея вытащили на борт, он не сразу смог встать.

— Иди в машину, отогрейся,— с напускной строгостью приказал Атласов. Он едва удержался, чтобы не обнять Кирьянова: не чета Милешкину!

— Здорово тебя наколотило! — запуская движок, присвистнул моторист Степун: Алексей был весь в ссадинах и кровоподтеках.

Движок облегченно вздохнул и через несколько секунд зарокотал.

Под утро над океаном поднялся туман, и катер едва не потопил плоскодонную рыбацкую лодку — кунгас, пройдя всего в полуметре от ее носа. Лодка закачалась. Четверо ловцов вскочили с банок, испуганно загалдели. «Японцы», — узнал Атласов по гортанным крикам. Включив прожектор, пограничники увидели, что кунгас наполнен серебристой, еще трепещущей горбушей. Кирьянов зацепил лодку отпорным крюком и подтянул ее к борту катера.

На легкой волне, обозначая линию открылка ставного невода «Како-Ами», покачивались стеклянные шары — наплава. «ПК-5» медленно пошел вдоль открылка, и из тумана возникали все новые и новые шары. Не может быть, чтобы один кунгас установил такой громадный невод!

— Сколько вас? — перегнувшись через фальшборт, спросил Атласов у ловцов.

— Не понимая! — прищурившись от яркого света прожектора, покрутил головой долговязый рыбак в парусиновой куртке, в повязанном по-бабьи синем платке.

— Сколько у вас лодок? — растопырив пальцы, строго повторил Атласов.

Долговязый учтиво поклонился, ткнул себя в грудь, показал на остальных ловцов.

— Два и два — и есть четыре.

— Кунгасов сколько? Кунгасов? — Для убедительности Игнат стукнул по планширу кулаком.

— Одина кунгас, — закивал долговязый. Вероятно, он был старшим.

«Что с ними, с пройдохами, делать? — задумался Атласов. — Забуксировать и отвести на базу?..»

И тут Алексей Кирьянов и предложил свой план: не буксировать сразу нарушителей, а, отобрав у них весла с парусами, привязать пока лодку к неводу. Без весел и парусов ловцы не удержат: побоятся, что их утянет в пролив. Тем временем катер пойдет вдоль линии наплавов и поглядит, нет ли поблизости других незваных гостей.

«Головастый ты, чертяка!» — восхитился Атласов.

— Они не одни, наверняка не одни, — горячился Алексей.

Спустя час на палубе катера громоздилась уже целая груда парусов и весел. Десять кунгасов с сорока ловцами покачивались на привязях у ловушки и открылков невода.

Атласов впервые видел такой гигантский «Како-Ами»: сеть протянулась больше чем на километр. Но он не мог знать тогда, что такие же громадные ставные неводы были одновременно поставлены в нескольких местах, перекрывая лососям путь через проливы к советскому побережью.

То был широко задуманный наглый, хищнический налет.

Вспоминая события памятной июльской ночи, главстаршина рассказал, как, забуксировав все десять кун-

гасов, пойманных на месте преступления в наших водах, «ПК-5» привел их утром к своему острову.

Однако Атласов умолчал, что в ту же самую ночь, уже после того как Алексей Кирьянов доказал хищникам, что дважды два не четыре, а сорок, приключилось еще одно происшествие. Я узнал о нем позже из копии донесения капитана третьего ранга командованию пограничного отряда.

«...В 2 часа 7 минут,— говорилось в донесении,— впередсмотрящий «ПК-5» А. Кирьянов заметил в воде какой-то предмет, похожий по внешнему виду на большую рыбу. Предмет двигался на небольшой глубине по направлению к острову С. При приближении катера скрылся в глубине.

Продолжая неослабное наблюдение, пограничник Кирьянов вскоре вновь обнаружил названный предмет и определил, что это человек в легком водолазном костюме.

Выполняя приказ старшины Атласова, пограничники Кирьянов и Милешкин надели акваланги, ласты, прыгнули за борт, настигли и в завязавшейся борьбе осилили неизвестного пловца.

Во время обыска у нарушителя границы были отобраны находившиеся в герметической резиновой сумке...»

Далее следовала опись шпионского снаряжения: два пистолета, патроны к ним, портативный радиопередатчик, фотоаппарат, три советских паспорта и другие документы, солидная сумма советских денег и даже сезонный билет на владивостокский городской транспорт.

— А ведь Атласов не обмолвился об этом ни единым словечком,— удивился я.

— Пора бы вам уж и привыкнуть,— сказал капитан третьего ранга,— не все может рассказывать пограничник.

— Пора,— согласился я.

Разговор происходил в штабе базы вечером, после нашего возвращения с погранпоста на мысе Скалистый.

— Тут все описано самым подробнейшим образом,— протянул мне Николай Иванович бумагу,— теперь-то уж это не тайна.

«На одном из участков государственной границы СССР, в районе Дальнего Востока, некоторое время тому назад был задержан при попытке проникнуть на советскую территорию некто Григорьев. Пограничники задержали Григорьева в тот самый момент, когда он плыл к берегу советского острова в легком водолазном костюме, снабженном дыхательным аппаратом.

В ходе следствия Григорьев показал, что, похитив в городе Т. крупную сумму государственных денег, он бежал из СССР через южную границу. В столице одного сопредельного государства Григорьев познакомился с подданным другого государства, выдававшим себя за корреспондента западной газеты. «Корреспондент» предложил Григорьеву сотрудничать с иностранной разведкой.

Вскоре предатель был доставлен в Западную Европу, в один из разведывательных центров, и определен в шпионскую школу.

В ходе следствия Григорьев показал: «В школе мы изучали радиодело, топографию, тренировались в прыжках с парашютом, стрельбе. Большое место в программе обучения отводилось способам подрыва железнодорожного полотна, мостов, портовых сооружений, поджогу и взрыву военных предприятий. Нас учили пользоваться бикфордовым шнуром, запалами, толовыми шашками, электрической подрывной машинкой. Офицеры-разведчики объясняли нам способ приготовления специального состава для поджога сооружений и показывали, как вызвать пожар с помощью самовоспламеняющейся массы,

находящейся в небольших металлических коробках, похожих на портсигар».

Завершением подготовки шпиона Григорьева было трехмесячное пребывание на небольшом островке в Тихом океане. Тут Григорьев тщательно знакомился с районом выброски. Его неоднократно вывозили на военном корабле в открытое море и спускали на воду в плавательном костюме.

Задание, полученное Григорьевым, состояло в том, чтобы произвести фотографирование определенных участков побережья, выяснить местонахождение военных объектов и попытаться завербовать двух-трех человек из числа советских граждан в качестве агентов для последующего использования их на шпионской работе против СССР.

Бдительность советских пограничников пресекла осуществление этих заданий...»

— Неизвестно, что бы мог натворить этот тип, не заметь его Кирьянов,— сказал капитан третьего ранга.— Конечно, его задержали бы и на берегу, но, возможно, не сразу. Лучше уж таких субчиков не допускать до берега.

— Зачем же шпиона отправили в плавание во время затишья со ставными неводами?

— А это яснее ясного. Его хозяева специально ждали, когда начнется массовый ход лосося. Вроде бы самое лучшее отвлечение нашего внимания. Нам ведь не раз приходилось иметь дело с такими отвлекающими, совмещенными операциями. Словом,— произнес Баулин свое любимое словечко,— американские эсминцы незря тогда крейсировали близ наших вод. И самолет их летал неспроста.

— Как же все-таки Кирьянов заметил и поймал этого субъекта?

— Кирьянов с Милешкиным,— поправил Баулин.—

Видите ли, вероятно, этот субъект приустал. Во всяком случае, на большой глубине он плыть не рискнул. А выдали его ночесветки. Вы ведь слышали о том, что море может гореть, светиться?

— Даже видел.

— Ну, тем более. Свечение моря вызывают мириады жгутиковых инфузорий — ночесветок, или, как их зовут рыбаки, морских свечек. Когда их заденете, они испускают голубоватый свет: кажется, что в море вспыхивают какие-то таинственные подводные огни. Плывет, к примеру, рыба или какое-нибудь судно, да, наконец, просто волнение на море — вода начинает светиться. Волшебная картина! Эти самые ночесветки и выдали шпиона. Ну, а когда Алексей сообразил, что заморский гость с аква-лангом, то сжал его гофрированную резиновую трубку, по которой из заплочных баллонов поступает в маску сжатый воздух. А Милешкин схватил субъекта за ноги.

— Кстати, о Милешкине,— вспомнил я рассказ Атласова,— что за спор у них произошел тогда на катере? Атласов мне это так и не досказал.

— Милешкин подбивал Алексея написать совместный рапорт с жалобой на боцмана Доронина. Будто бы Доронин несправедлив и груб с матросами. Милешкин предложил, а Кирьянов его...

— Избил?

— Избить не избил, а стукнул основательно — не уговаривай подличать!

— А где сейчас этот Милешкин?

— Уехал на «Ломоносове» вместе с Алексеем. По одному приказу демобилизовались.— Баулин сокрушенно развел руками.— Приказ один, а люди разные! Правда, и Милешкина подшlifовала малость наша пограничная служба, но такой веры в его дальнейшую судьбу, как в судьбу Алексея, у меня, к сожалению, нет. А значит, чего-то и я и все мы недоглядели, не сделали...

Через растворенное окно с пирса донеслись четкие, отрывистые слова команды: «По местам стоять, со швартовых сниматься!» Сторожевики уходили в ночное крейсерство.

— Прихожу с того собрания, где с Алексея выговорá сняли, довольный, радостный: «Обратили-таки Кирьянова в нашу морскую веру!» Рассказываю все Ольге, а она смеется: «Я в Алексее никогда не сомневалась». Вечерком зашел к нам попить чайку Самсонов. Ольга и его уколола: «Кажется, вы хотели списать Кирьянова на берег, в хозкоманду?» — «Был, говорит, такой грех, был. Каюсь!» — Баулин задумался. — Где-то сейчас наш дядя Алеша? Наверное, уже к Иркутску подъезжает...

Глава седьмая

МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

«Пожалуй, только вот в таких отдаленных от крупных центров местах, как остров Н., и осознаешь в полной мере все великое значение радио. Трудно даже представить себе, что бы, к примеру говоря, делали без радио в наше время полярные зимовки, геологические экспедиции, пограничные посты и заставы, корабли дальнего плавания».

Так думал я, слушая по радио в клубе базы, вместе со свободными от вахты пограничниками, оперу «Кармен». Началось последнее действие, как вдруг помощник дежурного по штабу передал сидящему со мной Баулину две радиogramмы. Кивком пригласив меня с собой, капитан третьего ранга неслышно вышел из зала.

В штабе он отдал необходимые распоряжения и показал мне депеши.

Одна из них сообщала, что на Камчатке проснулся и бушует, извергая потоки лавы, выбрасывая тучи пепла

и газов, вулкан Безымянный, никогда еще не действовавший на человеческой памяти и потому считавшийся потухшим.

Вторая радиограмма была сигналом бедствия. Японская рыболовецкая шхуна «Тайсей-Мару» потеряла управление и просила о помощи.

В последние сутки океан был относительно спокоен — волнение не превышало трех баллов, — японские моряки издавна известны как моряки опытные, и Николай Иванович пожал плечами:

— Что-то непонятное у них стряслось...

Однако текст депеши не оставлял сомнения: «Всем, всем, всем! Спасите наши души!..» Далее следовали координаты шхуны — миль семьдесят к северо-западу от Н.

— Кто-нибудь им ответил? — спросил Баулин дежурного.

Тот доложил, что на зов «Тайсей-Мару» откликнулись американский китобой «Гарпун», канадский лесовоз «Джерси» и советский пароход «Дежнев», идущий с Камчатки.

— Ближе всех к «Тайсей-Мару» «Гарпун» — двадцать одна миля, — добавил дежурный. — Канадец своих координат не указал. «Дежнев» — в пяти часах хода.

Было ясно, что «Гарпун» поспеет на помощь японским рыбакам раньше всех, но все же для порядка Баулин немедленно сообщил о происшествии в погранотряд.

Возвратившись домой, мы застали Маринку с соседским сыном Витей за игрой в рыбаков. Перевернутый ножками вверх табурет изображал рыболовный ботка-васаки; шаль служила неводом; засушенные крабы, морские коньки и звезды, разбросанные по полу, были косяками рыбы. Маринка командовала, как заправский шкипер, а пятилетний Витя — он был главным неводчиком — подтягивал шаль за привязанные к углам веревочки.

Иностранным рыбакам — так Маринка назвала меня с Николаем Ивановичем — было приказано не вторгаться в чужие воды, и мы устроились чаевничать на кухне.

Сообщение о внезапно проснувшемся камчатском вулкане навело нас на разговор о таинственных силах природы, действующих в глубине земных недр. Вспомнились слышанные и прочитанные истории, начиная с гибели от извержения вулкана Везувия древнеримского города Помпей; катастрофический взрыв вулкана Кракатау близ Явы, снесший более половины цветущего острова; непрерывно действующий вулкан Стромболи в Средиземном море, вот уже тысячелетия служащий для моряков естественным маяком и предсказателем погоды, — перед бурями и ненастями он дымит сильнее.

— А вы знаете, — сказал Баулин, — ведь до сих пор точно не известно: какие и на наших Курилах вулканы действующие, какие потухшие; всего-то их здесь что-то с полсотни с лишним. К слову говоря, именно из-за вулканов острова и получили свое название — Курильские. Так их называли русские землепроходцы за беспрерывно курящиеся вершины. Наш «Старик» тоже лет двести помалкивал, считался потухшим, а в позапрошлом году так о себе напомнил — небо с овчинку показалось!

Я слышал на материке о недавнем вулканическом извержении на Курилах, но не предполагал, что оно произошло именно на острове Н.

— Крепенько нас тогда потрянуло, — усмехнулся Николай Иванович, — вовек не забыть!

Я невольно взглянул в окно на курящуюся желтоватым дымком вершину «Старика».

— И вы все оставались во время извержения на острове?

— Зачем же все? — спокойно ответил Баулин. — Алексей Кирьянов остался один на один со «Стариком».

— Как это «один на один»? — не понял я.

— Вроде коменданта.

— Нет, вы толком расскажите, что это означает — «один на один» с разбушевавшимся вулканом? Почему же вы до сих пор об этом молчали?

— Сразу всего не расскажешь...— Николай Иванович встал и принес из комнаты известный уже мне фотоальбом Курильской гряды и какую-то объемистую книгу.— Как по-вашему, что это за остров? — показал он мне один из снимков.

— Всех не упомнишь...

— А это? — показал Баулин другой снимок.

— Ваш Н.,— сразу узнал я конус «Старика».

— Эх, вы! — рассмеялся капитан третьего ранга.— На первой фотографии тоже наш Н., только на две недели старше.

Я сличил снимки — ничего похожего! Там, где на первой, «старшей» фотографии высились два скалистых пика метров по полтораста каждый, на второй — едва заметные холмы; выдающегося в море утеса вовсе не было. А вулкан? Просто не верилось, что это один и тот же «Старик»!.. У того, который снят на второй фотографии и виден в окно, склоны относительно пологие, вершина значительно ниже и нет глубокого ущелья у подошвы.

— Это что же, результат извержения?

— Да,— кивнул Баулин,— того самого извержения, когда Алексей Кирьянов оставался на острове.

— Лихо! — только и мог сказать я.

Баулин передал мне книгу.

— Тут есть довольно интересное описание нашего коварного «Старика». У меня тут закладка лежит, читайте, а я пока «рыбаков» спать отправлю, им уже пора.

Книга оказалась старинным «Собранием ученых путешествий по России», изданном в 1819 году Российской императорской академией наук.

В главе, заложенной Баулиным засушенным дубовым листом (с материка листок), подробно описывалось грозное извержение вулкана на острове Н. в восьмидесятих годах восемнадцатого столетия и приводилось донесение служилых людей, посланных на Н. «для описания и положения на план — каким видом остров состоит от порыва горелой сопки». Из донесения явствовало, что Н. подвергся тогда сильнейшим разрушениям. Вот выписка: «Около острова в прежнем его виде были большие камни, на коих ложились сивучи, а на утесных завалах плодились морские птицы, была байдарная пристань промеж лайд... А ныне сопку сорвало более к северу, и верх ее сделался седлом; утесистые завалки песком и камнем засыпало и сделало гладко, что и птицам негде плодиться, байдарную пристань засыпало камнем, и стало там сухо... А сопка с ужасом гремит и ныне...»

Испокон веков на Руси не переводились отважные люди!

Я подошел к окну. Был ранний осенний вечер, конус вулкана и утесы были едва различимы в набежавшем с океана тумане.

Сколько же раз изменялся внешний вид острова под воздействием подземных сил?

Внезапно пейзаж за окном исчез: Баулин закрыл ставни.

— Промозгло! — возвратившись с улицы, передернул он плечами.— Ну так вот, возвращаемся мы из очередного дозорного крейсерства — дело тоже в октябре было, двадцать третьего числа, утром,— смотрим: что такое? Из кратера нашего «Старика» вырвался вдруг гигантский столб буро-желтого дыма, достиг высоты примерно в десять километров и раздался наверху в стороны шапкой гигантского гриба. На взрыв атомной бомбы похоже, если вы видели снимки. Признаюсь, мне стало

не по себе: неужели начинается извержение? Мне доводилось наблюдать издали, как бушевала Ключевская сопка, и даже издали зрелище это, мягко говоря, внушительное. А тут... тут вулкан был нашим соседом: морбаза и жилой поселок всего метрах в шестистах от него.— Баулин усмехнулся.— Точнее сказать, мы к нему присоседились.

— А какая была погода?

— Вначале отличная: ясно, солнышко, ночного тумана как не бывало, даже ветер утих. Октябрь ведь у нас лучшее время года! Однако пока мы дошли до стоянки — ну, за каких-нибудь полчаса,— с Охотского моря нагнало туч, из Малого пролива потянуло, словно из гигантской трубы, дохнул нам в спину океан, и буквально в течение нескольких минут, столкнувшись, восточный и западный ветры подняли такую волну, что на ходовом мостике пришлось надеть плащи с капюшонами.

— А что вулкан?

— С вулкана мы не спускали глаз. Над кратером вроде бы прояснилось. «Прокашлялся «Старик»,— сказал боцман Доронин. «А может быть, только начинает кашлять»,— поправил я его. Я ведь и видел сам и читал, что началу извержения обычно предшествуют выбросы паров и газов.

Когда подошли к стоянке, туда сбежалось уже все наше население. К слову говоря, командир базы, известный вам Самсонов, находился в то время в очередной командировке на материке, и я исполнял его обязанности.

Особенно встревожились женщины: со страхом поглядывали на вулкан, взволнованно спрашивали меня, что будет дальше.

Что будет?.. Разве мог я дать им ответ? Я сам ничего не знал. Однако я сказал, что для тревоги пока нет оснований и нужно сохранять спокойствие: на то, мол, и

вулкан, чтобы куриться. И тут, как бы в опровержение моих слов, из кратера вырвался новый столб пара и дыма, намного больше первого. В довершение ко всему из туч хлынул дождь, не обычный наш бус, а форменный ливень.

Надо было что-то предпринимать. Я велел всем разойтись по домам, на всякий случай приготовиться к эвакуации и отправил радиogramмы в отряд, на ближайшие острова и кораблям, которые могли находиться где-нибудь неподалеку.

Отряд приказал при первых же признаках реальной опасности эвакуировать не только семьи военнослужащих, но и весь личный состав, документы и, по возможности, материальные ценности. «Желательно оставить на острове одного-двух опытных наблюдателей-радиостов», — заканчивалась радиogramма начальника отряда.

Из кораблей первым откликнулся на наш призыв танкер «Баку». «Не вылетают ли из кратера бомбы? — спрашивал капитан. — Гружен бензином».

— Бомбы? — переспросил я.

— Вулканические раскаленные камни. Температура их достигает чуть ли не тысячи градусов. Представляете, что произошло бы, попади одна такая «штучка» в танкер с бензином? «Реальная опасность», «вулканические бомбы»... Ничего этого пока, слава богу, не было, — продолжал Баулин. — Прокашлявшись вторично, «Старик» утих, только ливень хлестал по-прежнему.

Стемнело в тот день раньше обычного. Отправив сторожевые корабли в ночное дозорное крейсерство — границу-то ведь нужно охранять при всех обстоятельствах! — я распорядился погрузить на оставшийся в базе «Вихрь» документы, недельный запас продовольствия и пресной воды. Женщин и детей переселили на всякий случай в клуб, поближе к стоянке.

Вышел я из штаба на улицу — ветер и ливень слов-

но ошалели. И тут вдруг меня качнуло из стороны в сторону, будто пьяного.

— Начались подземные толчки?

— Они самые.— Баулин переплел пальцы, хрустнул суставами.— Всякое доводилось испытать в жизни, но ничего нет хуже, когда из-под ног уходит земля... И тут, откуда ни возьмись, Полкан — пес у нас был такой, любимец всей базы,— в другое время его под дождь палкой не выгонишь, а тут сам выскочил, морду к тучам да как завоет. Всю душу своим воем вытянул...

С той минуты наш остров начало трясти, как грушу. И не беззвучно, а с грохотом, да еще с каким! Над кратером вулкана поднялось огромное багровое зарево, и послышался нарастающий непрерывный гул, вроде бы мчатся тысячи поездов. Небо рассекли гигантские молнии, похожие на дельты могучих рек. А из кратера все чаще и чаще, один за другим, вырываются клубы не то буро-серого, не то буро-желтого пара. Пришлось, не мешкая, погрузить всех женщин и детей на «Вихрь».

«Где «Баку»?» — спрашиваю радиста. «Ничего, отвечает, не могу разобрать: один треск в эфире, разряды мешают». — Баулин поднялся из-за стола, зашагал по комнате.— Знаете, что меня тогда поразило? Ни одна из наших женщин не заплакала. Детишки, те, конечно, перепугались, режут в три ручья. Маринка моя — ее Кирьянов на «Вихрь» принес,— так она прямо зашла от слез, а женщины — ни слова жалобы. Подходят ко мне: «Чем, говорят, мы вам можем помочь?»

В океане тем временем разболтало волну баллов на девять. Выходить с детишками, с женщинами рискованно! Я за сторожевики, что в дозор ушли, и то волновался.

С «Баку» мы установили связь только под утро. Оказалось, что он уже несколько часов дрейфует неподалеку от нашего острова и ждет, когда мы начнем погрузку.

А коварный «Старик» окончательно осатанел: из кратера вместе с клубами пара и газов вылетали гигантские снопы огня и вместо ливня с неба сыпался уже липкий горячий пепел. Вскоре, как и предчувствовал капитан «Баку», из вулкана, будто из жерла колоссальной пушки, начали вылетать сотни огромных раскаленных камней-бомб. Одни взрывались от жары в воздухе, разлетались на множество осколков, другие падали на склоны горы и, подпрыгивая, катились вниз. Зрелище, прямо скажу, жуткое. А в океане шторм. Как при такой волне пересадить женщин и детей со сторожевика на «Баку»?

Размышлениям моим был положен конец, когда раскаленные камни начали сыпаться на территорию базы и с шипением, оставляя клубы пара, плюхаться в воду. Один из таких «камушков» грохнулся на крышу штаба.

Обрушилась балка, пробила потолок и ранила обоих радистов.

«Желательно оставить на острове одного-двух наблюдателей-радистов»,— вспомнилась радиограмма из отряда. Кого же я могу оставить? «Кириянова»,— подсказал боцман Доронин.

— Почему же именно Кириянова?— перебил я капитана третьего ранга.

— Потому что был полный резон. Вам Доронин не рассказывал, как он Алексея радиолюбителем сделал?

— И вы попросили Кириянова остаться один на один с коварным «Стариком»?

— Зачем попросил? Приказал! Выбирать добровольцев мне было некогда, а в Алексее я был уверен: назубок овладел радиоделом.

— Разве «бомба» не разбила рацию?

— Проверили на скорую руку — работает.— Баулин снова уселся за стол.— В общем, мы пошли к «Баку», а Кириянов остался на острове.

— И как же вы в такую бурю высадили на «Баку» пассажиров?

— Высадили. Одному богу Нептуну известно как, а высадили... Сейчас речь не о нас. Словом, едва мы отошли от острова мили за две, как на нашем Н. раздался чудовищной силы взрыв. Из кратера полетели не камни, а уже целые раскаленные глыбы; тучи, буквально тучи пепла закрыли небо — не поймешь, день или ночь. Потом мы узнали, что этот пепел донесло даже до Петропавловска-Камчатского.

«Все в порядке,— радирует Кириянов с острова,— повторяются сильные и частые подземные толчки...»

Внезапно зуммер стоявшего на письменном столе левого телефона прервал рассказ.

— «Второй» слушает,— дав отбой, отозвался Баулин.— Так... Понятно... Готовьте «Вихрь». Сам пойду...

Неслыханно! — гневно бросил он, поспешно надевая реглан и фуражку.— Представьте себе, американец не пошел на сигнал бедствия «Тайсей-Мару».

— Как — не пошел?

— А вот так! Мы пойдем.— Баулин достал из ящика стола клеенчатую тетрадь, точь-в-точь такую же, в какую были переписаны «Сказки дяди Алеши».— Прочитайте — это дневник Кирьянова. Он вел его, когда оставался на острове один на один с коварным «Стариком». Забыл взять с собой...

Вот некоторые из записей этого дневника.

«26 октября, 10 часов. Извержение продолжается с неослабевающей силой. Дом трясется, будто в лихорадке. Полдень, а небо черное. Над вулканом багровое зарево. Временами вспыхивают то ярко-алые, то голубоватые огни. Измерил на дворе базы слой пепла — 50 сантиметров. Позавтракал консервами и бутербродами. Полкан от пищи отказался, скулит. Слушал по радио «Последние известия»...

Что-то поддельвает в Загорье Дуняша? Стыд мне, что не ответил еще на ее последние письма. Почему-то Дуня все стоит перед моими глазами такая, какой я видел ее на вокзале в Ярцеве. Ведь она специально приехала из Загорья, чтобы проводить меня, а я даже не попрощался с ней как следует, не поговорил, все глядел на Нину. Почему это так: не любит тебя человек, и ты знаешь, что он недостоин твоей любви, а из сердца вырвать его никак не можешь?..

На всякий случай запаковал Маришины игрушки и коллекции, надо будет отнести их поближе к берегу. Голова идет кругом: а вдруг потечет лава?

26 октября, 16 часов. Из кратера пошла лава двумя потоками ярко-красного цвета. Один поток течет в сторону лежбища сивучей и нерп, другой — к посел-

ку. Температура воздуха $+35^{\circ}$, температура пепла $+60^{\circ}$. Осколки камней барабанят по крыше, как шрапнель. Раскаленный камень угодил в фойе клуба. Начался пожар. Погасил его тремя огнетушителями. Не пора ли удирать на стоянку судов? Струсили, товарищ Кирьянов?

27 октября, 2 часа. Ночь, а светло как днем. Из кратера полились три новых потока лавы. Лава течет бурно. Первый поток водопадом обрушился в океан. Вода кипит, все кругом в клубах пара. Температура воздуха $+41^{\circ}$. Полкан забился под койку. Дом держится, крепко сколочен. Опять взрывы. Не дрейфь, Кирьянов!

27 октября, 10 часов. Только что проснулся. Проспал целых три часа. Разбудил меня громкий рев. Это сивучи и нерпы перебазировались к самому пирсу: с лежбища их прогнала лава. Из воды торчат сотни голов перепуганных животных. Подходил к ним близко, совсем не испугались.

Похоже, что извержение пошло на убыль. А гроза над островом бушует вот уже пятые сутки. Из-за электрических разрядов опять нарушилась радиосвязь. «Вихря» не слышно и не видно: кругом острова густой туман. Где же сейчас «Баку»?

27 октября, 20 часов. Извержение снова усилилось. Вершина вулкана похожа на огромный красный колпак. Второй поток лавы подполз к крайнему жилу дому. От лавы пышет жаром. Стена накалилась — не дотронешься. Дом вот-вот вспыхнет. Перенес из него все, что мог, в клуб. К счастью, клуб стоит на высоком мысу, и лаве сюда не добраться. Назвал мыс Мысом Доброй Надежды. Радиосвязи все нет и нет.

Даже не верится, что Робинзон прожил на необитаемом острове в полном одиночестве целых двадцать

восемь лет. Трудно человеку оставаться совсем-совсем одному. За эти дни у меня было время подумать. Я так мало, почти ничего еще не сделал в жизни полезного, хорошего для своего народа, зато сколько ошибок успел натворить...

Когда отец уходил на фронт, он сказал мне: «Подрастешь, Алеша, может, и тебе придется взять винтовку в руки. Крепко держи ее, народ ее тебе вручит». А я? Выскочил по боевой тревоге на палубу без оружия.

Павел Федорович Дубравин, второй мой отец, говорил, что плох тот человек, который любит только самого себя. А я до чего достукался? Раком-отшельником назвали, трусом, бирюком...

«Главное, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы...»

Только что заработало радио. Время для связи с «Вихрем» и отрядом еще не наступило. Слушал «Последние известия». На целинных землях Сибири и Казахстана собран небывалый урожай. Как-то с урожаем у нас на Смоленщине? Дуня писала, что из Ярцева приехали в колхоз новый председатель и агроном и вроде бы дело пошло на поправку.

28 октября, 8 часов. Установил радиосвязь с «Вихрем» и отрядом. «Вихрь» все еще штормует в открытом море. Капитан третьего ранга запросил, не надо ли меня сменить. Ответил, что нужды в этом нет. Сообщил обстановку на острове.

28 октября, 16 часов. Только что вернулся от самого кратера. Подъем занял три часа. Очень жарко, но терпеть можно. На всякий случай, чтобы не ударило вылетающими из кратера камнями, привязал на голову две подушки. Камни в голову не попадали, но от жары подушки помогли. Кратер — огромная круглая впадина. Лава пыхтит, как тесто в квашне. Внут-

ри вулкана все клокочет. Почва непрерывно колеблется. Взрывы следуют один за другим. В воздух взлетают «капли» лавы, каждая с хорошим бочонок, закручиваются винтом и с оглушительным треском лопаются. Падая на склоны, они сплющиваются, как комья глины. Красиво, но страшновато. Трудно дышать: воздух насыщен серой.

Смотрел в кратер и думал: какая чудовищная, могучая силища таится в недрах земли. Вот бы обуздать ее, заставить работать на человека. Сколько энергии пропадает зря, да еще и людям приносит беды и несчастья!

На всякий случай перетащил из жилых домов все, что мог, в клуб, на Мыс Доброй Надежды.

29 октября, 10 часов. Извержение, кажется, действительно идет на убыль. Потоки лавы уменьшились. Тот, что подполз к поселку, остановился и начал остывать. Сверху его образовалась корка серо-бурого цвета. Из трещин вырываются струйки сернистого газа. Бросил на корку порядочный камень, он ее не пробил. Наступил сам. Держит. Но ногам так жарко, что пришлось подпрыгивать. Пробил корку шомполом. Шомпол вмиг накалился.

Полкан повеселел. Шторм не больше пяти баллов. Сходил на скалу «Птичий базар» — ни одной птицы, перелетели на другие острова.

Написал Дуне, что после демобилизации обязательно вернусь в Загорье, в школу. Буду преподавать и поступлю в заочный пединститут. (Написать-то письмо я написал, а когда оно пойдет на Большую землю?!)

30 октября, 1 час 30 минут. Произошел самый сильный взрыв. Меня сбросило с койки. Выбежал на улицу.

Вулкана не узнать: почти треть его вершины исчезла.

Сразу стало тихо. Подземные толчки прекратились. Обошел всю базу и поселок. Дома целы. Стекла окон, обращенных к вулкану, вылетели. Многие крыши пробиты камнями. Передал радиogramму в отряд: «Нужны стекло и шифер. Питание рации на исходе. Все в порядке».

Последняя фраза в дневнике Алексея Кирьянова осталась незаконченной: «По-моему, необходимо, чтобы на Мысе Доброй Надежды...»

«Вихрь» ошвартовался у пирса только в девятом часу утра, вымытый, надраенный, словно был на параде.

Неужели он не нашел «Тайсей-Мару»?

Или опоздал и шхуна пошла ко дну?

Вопросы вертелись у меня на языке, но я не рискнул задать их Баулину: уж больно мрачен он был.

Собрав всех офицеров в штабе, Баулин рассказал о случившемся.

Когда сторожевик подошел к «Тайсей-Мару», обнаружилось, что палуба ее пуста. Вроде бы экипаж давным-давно покинул потерявшую управление шхуну. «Вихрь» дал несколько отрывистых сигналов сиреной, и тогда только на палубе появилась пошатывающаяся фигура японца в синем платке. Он едва смог помахать рукой.

Высаженные на борт «Тайсей-Мару» боцман, военный врач и трое матросов обнаружили, что двигатель и рулевое управление шхуны в полной исправности, но все двенадцать членов ее экипажа недвижимо лежат в носовом и кормовом кубриках. Только тринадцатый, тот, что встретил «Вихрь» — он оказался радистом, — был еще в состоянии держаться на ногах.

«Похоже на острую форму лучевой болезни», — осмотрев рыбаков, заключил врач.

Из несвязных рассказов радиста выяснилось, что ме-

сяц назад в южной части Тихого океана шхуна попала в ливень с пеплом. Пепел принесло с юга, должно быть, из района Бикини, где американцы произвели новые испытания нескольких водородных бомб.

Японские рыбаки не сразу догадались, что за страшная беда настигла их корабль,— дождь и пепел были радиоактивными. Когда же болезнь свалила их, было поздно. Тела людей были покрыты язвами, легкие поражены. Радиосвязь была на долгое время нарушена, а течения и ветры все несли и несли шхуну к северу.

Узнав, какое именно бедствие терпит «Тайсей-Мару», американский китобоец «Гарпун», подошедший было к ней, немедленно повернул обратно.

Пограничники обмыли рыбаков, окатили палубу «Тайсей-Мару» из пожарных шлангов, снабдили японцев свежими продуктами и водой и сообщили о происшедшем по радио в отряд и японским кораблям, которые могли находиться поблизости.

Под утро к «Вихрю» и «Тайсей-Мару» подошел японский краболов. Не мешкая, проделав все необходимые формальности, пограничники передали ему соотечественников и шхуну.

— Как же у капитана «Гарпуна» хватило совести бросить несчастных рыбаков? — сказал я, когда мы с Баулиным шли домой.

— Наверное, капитан китобойца испугался заразы,— ответил Баулин.— А может быть, он снесся по радио с кем-то из своего начальства и получил соответствующую инструкцию: может быть, кому-то и хотелось, чтобы «Тайсей-Мару» пропала без вести, чтобы никто не знал, что случилось... — Баулин помолчал.— Вы прочли кирьяновский дневник?

— Натерпелся парень, прямо герой!

— Вы знаете,— сказал Баулин,— Алексей ведь не встретил нас, когда мы вернулись на остров после из-

вержения «Старика». Спал на пирсе как убитый. Видно, вышел встречать, да так, не дождавшись, и уснул.

— Что это он тут не дописал? — показал я неоконченную фразу в дневнике.

— Алексей предлагал впредь все склады базы строить на мысе, который он окрестил Мысом Доброй Надежды. С тех пор мы этот мыс так и называем, там и строимся.

— А многие ли семьи возвратились тогда на остров?

— Все! — Баулин рассмеялся. — Чудак вы человек! Не каждый же год подряд «Старик» будет кашлять. Напротив, народу у нас с тех пор прибавилось: пятеро офицеров из отпуска с материка семьи привезли.

— А Кирьянова чем-нибудь отметили?

— Как же! Начальник пограничного округа наградил его именными часами, а Дальневосточный филиал Академии наук — Почетной грамотой.

— Филиал Академии наук?

— Чему вы удивляетесь? Ведь за все время извержения коварного «Старика» Алексей, помимо личного дневника, вел подробнейшие записи. Из Петропавловска-Камчатского к нам на Н. приезжали ученые, так они просто диву дались: «Наблюдения товарища Кирьянова за извержением вулкана — для нас сущий клад!»

Мыс Доброй Надежды... Как-то, неделю спустя, мы гуляли на нем с Маринкой и боцманом Дорониным. Далеко, почти на самом горизонте, шел какой-то корабль.

— Парусник, — посмотрела в бинокль Маринка.

— Японец. Двухмачтовая, моторно-парусная шхуна типа «Хризантема», — подтвердил боцман. — Красавица шхуна!

— Как вы поймали-то ее, в конце концов, эту «Хризантему»? — спросил я.

— В ледовом шторме у мыса Туманов, — сказал Доронин.

ПЕСЕНКА СПЕТА

Трудно узнать в этой обледенелой, засыпанной снегом шхуне красавицу «Хризантему». Бушприт превратился в огромную, неуклюжую ледяную болванку, мачты и реи тоже обледенели. Снасти смерзлись, провисли под тяжестью снега. Даже рында и та в снеговой шапке. Вокруг «Хризантемы» громоздятся торосы. Они сжали ее, наклонив на левый борт.

Не видно на местах расторопного экипажа, не отдает с мостика команды шкипер. Если бы не дымок, поднимающийся из железных труб, над носовым кубриком и над камбузом, да не занесенная снегом фигура человека с автоматом через плечо у двери в тот же камбуз,— можно было бы подумать, что на «Хризантеме» давно уже никого нет, что это мертвый корабль.

— У камбуза — Алексей Кирьянов,— объяснил капитан третьего ранга, когда я отложил фотографию.

— Почему же он оказался на «Хризантеме» один?

— Фактически оказался один,— с всегдашней своей точностью поправил Баулин.— Первое время нарушителей в кубрике сторожил и боцман Доронин.

— Это та самая операция у мыса Туманов?

— Она самая,— кивнул Баулин.— Ох, и переволновались за трое суток все мы на базе! Рацию «рыбаки» успели испортить, самолетам мешала непогода, и мы никак не могли узнать, что же происходит на «Хризантеме».— Баулин вдруг довольно усмехнулся.— Больше уж «Хризантема» никогда не будет водить нас за нос.

— Она затонула?

— Цела-целехонька.

— Тогда я ничего не понимаю,— осталось признаться мне...

...В ту зиму свирепые январские циклоны разломали лед в Беринговом море, и его понесло к Курильской гряде. С каждым днем льды наваливались с севера все гуще и вскоре начали забивать бухточки и узкие проливы между островами. Громоздясь друг на друга, они раздроблялись с пушечным грохотом, образуя у берегов гряды торосов.

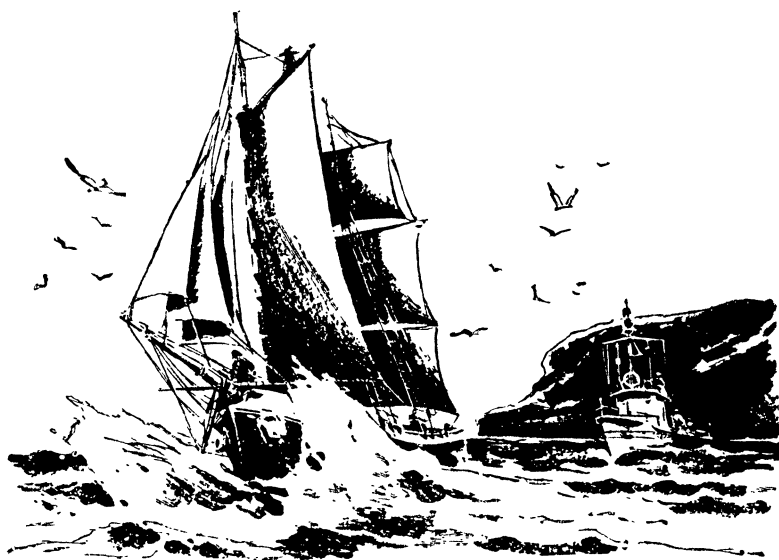
В сравнении с материковыми морозы были не так уж злы: двенадцать — четырнадцать градусов, но на океанском сквозняке стояли тридцати. Волны, обрушиваясь на корабль, стыли на студеном ветру, покрывая толстым слоем льда фальшборт, палубу, надстройки, орудия. Корабль тяжелел, погружаясь глубже ватерлинии. Скалывание льда превращалось чуть ли не в непрерывный аврал.

Четыре часа вахты тянулись как вечность, время отдыха пролетало мгновенно. В сушилке не успевали просыхать панцири-плащи и бушлаты, кок не успевал кипятить обжигающий чай.

Одним словом, плавать в эту пору было крайне трудно, но плавать было необходимо.

Пересекая разными курсами заданные ему квадраты, «Вихрь» только что сбросил за борт несколько тонн скелетного льда. Наступило очередное хмурое утро. Капитан третьего ранга собирался сдать вахту помощнику и спуститься в каюту, чтобы хоть часика два, да поспать, когда впередсмотрящий доложил о появлении в наших водах «Хризантемы». Впрочем, тотчас же увидел и сразу узнал ее по рангоуту и сам Баулин. Высокие, слегка наклоненные к корме фок- и грот-мачты, изящные длинные реи, гордо вздернутый над заостренным форштевнем бушприт придавали шхуне тот особый щеголеватый вид, который так ценят истые моряки. Старая знакомая!

Шхуна вынырнула из-за скалистого мыса необитае-

мого островка, ритмично постукивая своим стосорока-сильным «симомото». До нее было меньше кабельтова — метров сто, и Баулину даже показалось, что черноволосый шкипер в треухе из меха лахтака ослабил в рот. «Смеешься?!» — Баулин вмиг вспомнил все неприятности, которые пришлось претерпеть из-за этой нахальной шхуны.

Тут же он понял и всю серьезность обстановки: метрах в полутораста левее «Хризантемы», как гигантский занавес, надвигался туман. Такой туман, наплывающий резко обозначенными полосами, явление редкое вообще, и особенно в холодное время года, но факт оставался фактом. «Хризантема» свернула с курса и ринулась навстречу туману, как перепуганный ястреб.

Колоколом громкого боя на «Вихре» была объявлена боевая тревога, в машину дана команда: «Полный форсированный!» На фалах подняли сигнал по международному коду: «Требую остановиться!»

Никакого впечатления! «Хризантема» продолжала нестись к спасительному туману. Не остановила ее и зеленая ракета.

Баулин знал, что шхуна хорошо приспособлена для плавания в битых льдах: у нее окованный форштевень, противоледовая обшивка из дуба, стальной руль. Неужели опять удерет? В густом тумане, во льдах поймать ее будет трудно. Еще пара минут — и «Хризантема» войдет в этот туман...

Баулин, как и в прошлый раз, пошел на крайность: дал предупредительный выстрел из носового орудия.

Шхуна тотчас застопорила ход.

«Следовать за нами!» — подняли сигнал на «Вихре». «Следовать своим ходом не могу, сломалась машина», — ответил шкипер «Хризантемы», хотя всего минуту назад «симомото» стучал без перебоев.

Уже в полосе тумана «Вихрь» подошел к шхуне и, высадив на ее борт осмотровую группу, взял «Хризантему» на буксир.

На сей раз шкипер не каялся, не извинялся, он только зло сказал, что очутился в советских водах из-за тумана.

— Из-за тумана? Но ведь туман только-только нагрянул, — возразил Баулин.

Однако шкипер продолжал гнуть свое: он будет протестовать, он не виноват, виноват туман. И опять старое: «Хризантема» не собиралась ловить рыбу. Советские пограничники могут убедиться — в трюмах ни одной рыбки. Сети сухие, уложены в ящики в форпике.

Наглость шкипера могла бы вывести из себя даже

глухонемого. Баулин, заложив руки за спину, барабанил пальцами о ладонь.

Рыбы действительно в трюме нет; сети действительно сухие и уложены в ящики, но зачем все же понадобилось «Хризантеме» заходить в советские воды? Туристская прогулка? Тогда где же путешественники? Ах, шкипер тренирует молодой экипаж? Обучает молодежь плаванию в сложных метеорологических условиях, обращению с локатором, эхолотом и радиопеленгатором? Допустим. Но как же можно выходить в учебное плавание с неисправной машиной?

— Двигатель в полной исправности,— доложил Баулину боцман Доронин.— Нет подачи в топливной магистрали.

Двигатель новенький, а хитрость старая, шитая гнилыми нитками: пока «Вихрь» подходил к «Хризантеме», «молодые рыбаки» постарались насовать в трубопроводы всяких затычек.

Механик не видел, как это сделали? Очень похвально для опытного, аккуратного механика!..

Кожаная заграничная куртка с застежками-«молния» на механике новенькая. И все крепыши матросы почему-то в новеньком американском шерстяном белье, будто японцы разучились сами делать отличное белье.

Зачем же на этот раз «Хризантема» пожаловала в советские территориальные воды? Ответ на вопрос нашелся не сразу, но он оказался как нельзя более убедительным.

Обыскивая один из отсеков носового трюма шхуны, Баулин — он сам возглавил осмотрную группу — обратил внимание на то, что отсек этот как будто бы на полметра короче других. Измерили соседние — точно: короче на семьдесят сантиметров. Глухая поперечная переборка при простукивании загудела, как днище пустой бочки. Что же за ней?

Громкие протесты шкипера ни к чему не привели: Баулин приказал взломать переборку. Впрочем, пускать в ход топор и ломы не пришлось: боцман Доронин обнаружил дубовые клинья, загнанные между внутренней обшивкой борта и верхним и нижним брусьями продольной переборки. Стоило вытащить клинья, и ложная поперечная переборка отвалилась сама собой. За ней находился потайной отсек, до половины заполненный какими-то тщательно упакованными приборами, аккуратно свернутыми обочками малых воздушных шаров, легкими контейнерами и стальными баллонами.

Картина ясная: «Хризантема» никогда не была гидрографическим судном и не несла метеорологической службы. А если бы даже и несла такую службу, то зачем же упрячивать научные приборы в тайник? И зачем снаряжать воздушные шары-зонды американскими автофотоаппаратами с телеобъективом и автоматическими телепередатчиками? Оборудование явно разведывательного назначения!

Шары предназначались для запуска в наше, советское воздушное пространство — тут нечего и гадать! Вопрос в другом — не успела ли «Хризантема» уже запустить несколько таких шаров-шпионов? И кто из команды руководил их запуском? Конечно же, не этот юркий шкипер.

Однако все это будет выяснять уже не Баулин. Задача «Вихря» — задержав нарушителя границы с поличным, доставить его в пограничный отряд. И доставить как можно скорее, пока не испортилась вконец погода.

Баулин невольно прислушивался к шороху и скрежету за бортом: льды все напирают и напирают. Должно быть, где-то к северу тайфун разломал огромное ледяное поле. Вот о борт ударились крупная льдина, еще одна. Шхуна задрожала от киля до клотика. А «Вихрь» ведь почти не приспособлен к плаванию в ледовых условиях,

металлическая обшивка его корпуса не так мягко пружинит, как деревянная, усиленная дубовыми обводами обшивка «Хризантемы».

Поднявшись из трюма шхуны на палубу, Баулин понял, что заниматься «симомото» уже нет времени: льды окружили суда со всех сторон.

— Останетесь со старшиной первой статьи Кирьяновым на шхуне,— приказал Баулин боцману.

Трюм с отсеком-тайником был задраен и опечатан, команду шхуны заперли в носовом кубрике, переброшенный с «Вихря» буксирный трос закрепили за кнехты на носу шхуны.

Разумеется, Баулин строго-настрого наказал боцману, чтобы ни одна душа из экипажа «Хризантемы» не пробралась в трюм: там вещественные доказательства того, что шхуна заслана в советские воды с преступными целями. На сей раз юркому шкиперу не увильнуть от суда!

С трудом развернувшись в битых льдах, «Вихрь» лег курсом к острову Н. Похолодало. Туман отступил перед крепчающим морозом, волнение не больше трех баллов, и Баулин прикинул, что часа через три, не позже, сторожевик будет на базе.

Время от времени поглядывая за корму, капитан третьего ранга видел там кланяющуюся волнам «Хризантему», Алексея Кирьянова на баке и радовался, что на этот раз все обошлось как нельзя более удачно. Теперь песенка разбойничьей шхуны спета!

Можно бы наконец-то спуститься в каюту, ну да успеем отдохнуть и дома. Он только попросил вестового принести в рубку термос чая «погорячее и покрепче».

За годы службы на границе частенько приходилось сталкиваться с врагом, вступать с ним в схватку, испытать не мало и поражений и побед, но почему-то именно сегодняшняя победа казалась Баулину наиболее значи-

мой. И он вспомнил, как безошибочно угадывала всегда Ольга его тревоги и, ничего не выспрашивая, умела успокоить его. Как бы рада была она сейчас за него... Как они были счастливы, счастливы их солнышком Маринкой, счастливы есей жизнью, которая выпала на их долю...

От резкого ветра на глаза навернулась слеза. Сморгнув ее, Баулин схватился за бинокль. «Этого еще не хватало!»

С юго-запада несло сизо-свинцовое растрепанное облако. Шквал! Минут через пятнадцать — двадцать он пригонит с собой вздыбленные океанские волны.

Не будь за кормой «Вихря» шхуны, Баулин поставил бы его встречу шквалу. Но «Хризантема» беспомощна: машина не работает, у штурвала один боцман Доронин. Кругом битые льды. Шквал, без сомнения, оборвет буксирный трос. Нельзя рисковать ни людьми, ни шхуной... «Вихрь» находится неподалеку от необитаемого скалистого островка. Там есть бухточка. Нужно завести туда шхуну и поставить на якорь. Баулин отдал необходимые команды.

За несколько минут до того, как налетел шквал, Доронин и Кирьянов успели отдать якорь за скалистым мыском. Для второго судна места в бухточке не было, и «Вихрю» пришлось выйти в открытый океан.

Баулин рассчитывал, что, как только пройдет шквал — ну, через полчаса, через час, — «Вихрь» вернется к острову и снова забуксирует шхуну. На деле же все обернулось иначе: шквал принес с юго-запада потоки теплого воздуха, с севера вместе с битыми льдами шли массы холодного. Они столкнулись, и начался затяжной ледовый шторм. Температура упала до минус восемнадцати.

Двое суток боролся «Вихрь» с волнами, ветром и битыми льдами, поневоле отходя к югу. Когда же шторм

утих наконец, обледенелый сторожевик не смог пробиться к бухточке: путь преграждали торосы...

— Веселей, чем у бабушки на свадьбе! — усмехнулся Доронин, оттирая щеки и уши.

Наступал ранний январский вечер, а шторм и не думал утихать. Нечего было и надеяться, что «Вихрь» вернется сегодня за «Хризантемой». А бухточка скорее походила на ловушку ставного невода, чем на спасительную гавань. От океана ее отделяла невысокая каменистая гряда, шириной метров семь, не больше. Ударяясь о гряду, огромные волны переклестывали через нее и оказывали притулившуюся шхуну холодным, тяжелым ливнем.

Выбивая на обледенелой палубе чечетку и отчаянно размахивая руками, Алексей никак не мог согреться.

Дверь носового кубрика сотрясалась от непрерывных ударов. «Ловцы» вопили, что они замерзают, что они голодны, требовали затопить печку и дать им горячий ужин. Изо всех голосов выделялся пронзительный фальцет шкипера.

— Образованный господин, — кивнул Доронин на дверь: шкипер выкрикивал ругательства и на японском, и на английском, и на русском языках. Вперемежку с бранью он требовал, протестовал и взывал к гуманным чувствам советских пограничников.

— Две недели в нервном санатории, и синдо¹ будет здоров, — пробормотал сквозь зубы Алексей.

— Плюс два года за решеткой, — уточнил Доронин.

Однако шутки шутками, а нужно было что-то предпринимать. Приказав Алексею встать с автоматом наизготовку у двери в кубрик, Доронин притащил из камбу-

¹ С и н д о (японск.) — шкипер.

за корзину угля и, вежливо предупредив японцев, чтобы не шумели зря, передал им уголь и коробок со спичками. Когда в железной печке затрещал огонь, Доронин потребовал коробок обратно: «Со спичками баловать не положено».

Вскоре разгорелась и печка в камбузе, был разогрет бульон из кубиков и чай.

Бульонные кубики, галеты, шоколад говорили пограничникам не меньше, чем новенькое заграничное белье экипажа: обычно ловцы и матросы японских шхун питаются вонючей соленой треской и прогорклой морской капустой.

— Усиленный рацион шпионского образца,— буркнул Доронин.

Сами они с Алексеем по очереди поужинали в камбузе. В том же камбузе они будут и отогреваться по очереди. Через каждые два часа. Так решил боцман.

Сняв гакобортный и бортовые фонари, Доронин до полна заправил их маслом, зажег и поставил на палубе, прикрыв с боков бухтами манильского троса и парусами. Из шкиперской кладовой были извлечены запасные парусиновые плащи.

— Теперь нам сам «Егор, сними шапку» не страшен,— сказал боцман, первым заступая на ночную вахту.

— Какой Егор? — не понял Кирьянов.

— Так мой батя норд-ост кличет.

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что волны окатывали и окатывали шхуну, и она обледенела, потеряв всю свою недавнюю красоту. Раз десять принимался падать снег, и пограничники не успевали очищать от него фонари.

Зато с рассветом неприятности посыпались, как горох из худого мешка. Бухточку начало забивать обломками льда. Они с грохотом громоздились друг на друга, под-

пирали шхуну, и та заметно накренилась на левый борт. Крепкий корпус потрескивал, в кормовом трюме обнаружилась течь. Если бы двигатель работал, можно было бы пустить в ход мотопомпу, но «если бы», как известно, в помощники не годится.

Кое-как законопатив трещину паклей и откачав воду ручной помпой, Доронин поспешил на стук и вопли арестованных к носовому кубрику.

— Роске! Роске! — звал явно перепуганный шкипер. — Летаем воздух! Бомба! Ба-бах! Будет взрыв!

— Тихо! — прикрикнул Доронин. — Говорить реже и точнее.

«О какой бомбе вопит синдо? Во время обыска на «Хризантеме» не было найдено ни одной бомбы...»

И тут Доронина осенила догадка. Это действительно вроде бомбы! В трюмном отсеке, под фонарной и малярной кладовкой, хранятся банки с карбидом. Обычно рыбаки заправляют карбидом плавучие фонари на ставных неводах «Ако-Мари». По ночам фонари обозначают линии невода, оберегая его таким образом от судов. Соединись карбид с водой — взрыв!

Что делать? Выбросить банки с карбидом за борт нельзя, они разобьются о торосы — опять-таки взрыв или пожар...

Вспотев от страха и тяжести, Доронин перетащил все банки в штурманскую рубку. (Алексей в это время стоял на часах.) Теперь, даже если шхуна полузатонет и ляжет на грунт, вода не дойдет до карбида. Доронин измерил глубины по бортам шхуны и несколько успокоился: вода не покроеет и палубы.

Ликвидировав «очаг возможной опасности» — так он назвал склад карбида, — боцман перелез через фальшборт на торосы и сфотографировал «Хризантему».

— Для отчета, — объяснил он Алексею.

С запада бухточку обступили отвесные скалы, со сто-

роны же океана низкая каменная гряда не могла препятствовать шторму творить все, что ему вздумается. Фока-рей, утяжеленный льдом и снегом, не выдержал одного из порывов девятибалльного ветра, переломился и с треском и звоном полетел вниз. Раскачиваясь на смерзшихся вантах, он со всего размаха ударил Доронина в грудь, и тот свалился как подрубленный.

— Не волнуйся, Алеха! Ключицу зашибло,— прошептал боцман подбежавшему Алексею...

Так Алексей фактически остался один против тринадцати здоровенных озлобившихся парней. Правда, парни были заперты в кубрике, но ведь им нужно носить и уголь и пищу...

Через иллюминатор в тамбуре кубрика японцы видели, как был ранен боцман. Видели они и как Алексей унес его в камбуз.

Скоро ли кончится этот окаянный шторм? Скоро ли подойдет к острову «Вихрь»? Да и сможет ли он вытащить «Хризантему» из этой ледяной ловушки?

Вернувшись на пост к кубрику, Алексей услышал, что кто-то зовет его по имени. Уж не спит ли он, стоя на ногах?

— Алексея! Эй, Алексея, ходи сюда близко...

Вот в чем дело! Его зовет шкипер. Должно быть, он слышал, как они с Дорониным разговаривали.

— Что надо?

— Иди близко. Важное разговор. Обязательно.

Алексей подошел к двери кубрика, держа палец на спусковом крючке автомата.

— Важное разговор,— учтиво продолжал шкипер.— Твоя холодно. И есть sake, водка. Мало-мало пей — холод нет.

— Черта с два! — усмехнулся Алексей.

— Плохо! Твоя хочет деньги?

— Что? — возмутился Алексей.— Молчать!

— Зачем молчать?..

Шкипер заговорил торопливее — положение их скверное: ледовый шторм будет продолжаться еще дней пять, если не все десять. Продуктов хватит на два дня, угля — от силы на сутки. Они все умрут от голода или замерзнут. Замерзнет и раненый боцман Семен. Выход только один: Алексей должен выпустить из кубрика его, шкипера, и радиста. Они починят рацию и вызовут какое-нибудь судно. Если не придет судно, то они спустят две шлюпки и поплывут, куда им надо. В шлюпках есть баллоны с воздухом, и шторм им не страшен. Шкипер заплатит Алексею двадцать тысяч рублей. Деньги есть деньги.

— Молчать! — гаркнул Алексей и зашагал поперек обледенелой палубы, от фальшборта к фальшборту: четырнадцать шагов в одну сторону, четырнадцать — в другую.

Он насчитал две тысячи восемьсот шагов, а из-за двери кубрика все еще доносился зудящий голос шкипера:

— Зачем такой молодой человек хочет замерзнуть? Разве у красивого Алексея нет невесты, которая его ждет? Неужели у Алексея вместо сердца стеклянный поплавок и ему не жалко боцмана?..

Алексей сбегал в камбуз, укутал боцмана парусиной, пододвинул к нему корзину с углем, чайник с водой, пачку галет.

— Управитесь без меня, товарищ боцман?

— Управлюсь, Алеша. Отдать носовые! Слева по носу неизвестное плавсредство!.. — У Доронина начался бред.

Прибежав обратно к носовому кубрику, Алексей увидел, что «рыбаки» успели выдавить стекло в иллюминаторе и стараются сбить запор рейкой, сорванной с потолка.

— Отставить! Вниз! — крикнул Алексей, наводя на иллюминатор автомат.

Прошла вторая ночь. Минул второй день. Шторм все еще неистовствовал. Палуба «Хризантемы» стала горбатой ото льда, по ней нельзя было ходить. Обжигая на морозном ветру руки, Алексей с великим трудом протя-

нул от кубрика к камбузу обледенелый трос, закрепил конец и ходил, держась за него.

Чтобы нарушители не смогли выломать дверь, он подпер ее обрушившимся фока-реем, навалил около якорь-цепь. Пищу передавал японцам через иллюминатор, туда же вместо угля совал изрубленную обшивку фальшборта.

— Ремонт шхуны за мой счет! — отвечал на протесты шкипера.

Третья ночь прошла для Алексея, как в угарном сне. Он почти не чувствовал ни рук, ни ног. Губы задеревенели, обмороженные щеки облупились. Все лицо опухло от холода.

Но он все ж таки смог, как положено по уставу, отпрапортовать капитану третьего ранга, когда тот пришел к острову на ледоколе.

— Такая вот история,— закончил свой рассказ Баулин.

— Что же вы сделали с «Хризантемой» и с ее командой?

— Мы лично ничего не делали. Мы только отбуксировали ее в Энск,— сказал Баулин.— Шкипера судили там за шпионаж. А «Хризантему» конфисковали. Документов ведь на ней никаких не было. А если б и были — какой владелец признается, что это он посылал шхуну со шпионским заданием? — Николай Иванович помолчал.— Документов не оказалось, владелец не признался, а кто хозяин — яснее ясного: дельфины к нам шары-разведчики не засылают... Да, я забыл сказать: до того как мы ее задержали, «Хризантема» успела-таки выпустить два шарика. Их подбили наши истребители... Словом, они летели к району, фотографии которого мы вовсе не намерены дарить кому-нибудь на память.

ДО СВИДАНИЯ, КУРИЛЫ!

— Завтра прибывает «Мичурин»,— сказал Баулин в один из первых дней декабря.— Механик и рабочие с семьями к нам приезжают, в судоремонтную мастерскую. Теперь сами будем сторожевики ремонтировать.

«Мичурин» был последним грузо-пассажирским пароходом в текущую навигацию: на Курилах наступала пора зимних штормов и ураганов. Подошло к концу и мое пребывание на острове Н.

Сказать, что мне жаль было покидать людей, с которыми свела здесь судьба, значило бы почти ничего не сказать. И капитан третьего ранга Баулин, и боцман Доронин, и главстаршина Игнат Атласов, как и многие другие пограничники базы, стали мне добрыми, верными друзьями.

И, конечно, грустнее, чем с кем-либо, было расставаться с Баулиным и Маринкой.

«Мичурин» известил о своем приходе по радио, и задолго до того, как он показался на горизонте, почти все население острова поднялось на высокий мыс, с нетерпением глядя в море: пароход вез не только долгожданную почту, а и новых жителей, новых соратников по труду.

На этот раз с острова на материк уезжал один я, и следовало поторапливаться со сборами: попусту стоять на внешнем рейде капитан «Мичурина» не станет.

Помогая укладывать чемодан, Маринка наставляла меня в путь-дорогу:

— Если тебя начнет укачивать, поднимайся из кубрика на палубу. Папа всем так советует. Не забудь попросить у штурмана бинокль, я тебе буду махать платочком.

Много милых, добрых советов дала мне Маринка и

напоследок потребовала, чтобы я обязательно разыскал на Большой земле дядю Алешу и напомнил ему про обещание часто-часто писать ей письма.

— Я тоже буду тебе писать,— сказал я.

— Когда уезжают, все так говорят,— вздохнув, сказала Маринка.

Как тут не смутиться...

— Я обязательно буду писать,— повторил я.

Пришел Баулин.

— Неужто не слышали, как «Мичурин» гудел? — спросил он с порога.— Впрочем, свежак сегодня норд-остовый, могли и не слышать.

Я заторопился, начал запереть чемоданы.

— Отставить! — шутливо приказал Баулин.— Не опоздаете, успеем еще и чайком побаловаться.

Оказалось, что «Мичурин» привез пограничникам «крылатого помощника», как выразился Баулин,— вертолет.

Сейчас вертолет перегружают на внешнем рейде на один из сторожевиков.

— Пляши, дочка, тебе письмо! — Улыбаясь, Баулин достал из кармана конверт.

— От дяди Алёши? — запрыгала Маринка.

— От него от самого.

Маринка принялась читать письмо.

— Дядя Алеша и сказку прислал! — воскликнула она радостно.— Хотите, я прочитаю вам вслух?

— Хотим!

— «Про реку Ангару, про Падун-порог, про чайку и моряка-пограничника»,— медленно, с выражением прочитала Маринка заглавие. И так же с выражением продолжала: — «Жил-был на свете моряк-пограничник, по прозвищу Алексей. Служил он на далеком острове и плавал в Тихом океане на красавце сторожевом корабле «Вихрь».

Год служит Алексей, два служит, четвертый к концу подходит. Пришел срок ехать домой.

Распрощался Алексей с «Вихрем», поплыл на большом корабле на Большую землю. Приплыл, а дальше поехал поездом, глядит из вагона и не насмотрится: до чего же хороша советская земля, до чего же она красивая! За окошком то поле, то лес дремучий, то села, то города с высокими домами, с заводами и фабриками. На каждой станции поезд встречают девушки и парни, как увидят Алексея-пограничника, к себе зовут: «Оставайся у нас, работать вместе с нами будешь, песни петь». — «Не могу остаться! — отвечает Алексей. — Я еду на Смоленщину, ребят в школе учить». Дальше бежит поезд, стучит колесами: «Скоро и твой дом, скоро и твой дом!..» И тут вдруг влетела в окошко чайка, села Алексею на плечо, зашептала человеческим голосом: «Здравствуй, Алеша-пограничник! Все мне про тебя ведомо, все думки твои мне известны: тоскует твое сердце по большой работе. Оставайся в нашем краю». — «Я бы остался, — отвечает чайке Алеша-пограничник, — да моря нет в вашем краю. Как сама ты сюда, бедная, залетела?» Рассмеялась чайка: «Есть у нас в краю Байкал-море и его дочка, красавица река Ангара. На той реке большой порог-камень лежит. Падунум называется. Истерзал Падун грудь красавицы Ангары, днем и ночью плачет Ангара. Услышали советские люди ее плач, решили: «Избавим красавицу от вечной тяжелой боли! Поставим поперек Ангары плотину, поднимется вода и затопит злой Падун-порог. Разольется Ангара во все стороны новым морем, вздохнет свободно, всей грудью. Ангаре — счастье и нам, людям, — польза: поплывут по новому морю корабли». — «Неужели, — спрашивает чайка Алексея-пограничника, — не хочешь ты помочь спасти красавицу Ангару от злого Падуна?» Взмахнула крыльями и улетела в окошко.

Задумался Алексей-пограничник. А тут — новая станция. «Город Иркутск! — кричат в окошко парни и девушки.— Пересадка на Падун-порог. Выходите, у кого руки крепкие, совесть чистая!»

Решил Алексей-пограничник и сошел с поезда — вырывать Ангару! Тут и сказке конец».

А вот письмо, которое Алексей Кирьянов прислал Баулину:

«Здравия желаю, товарищ капитан третьего ранга! Не сердитесь, что я так долго Вам не писал. До материка мы добрались без особых приключений. Правда, в Охотском море попали в хороший шторм, баллов на девять. Капитан объявил аврал по закреплению груза на верхней палубе. Мы, бывшие пограничники, работали как положено. Особенно старался Петя Милешкин.

Вот я написал «бывшие пограничники» и даже сам не поверил: неужели я — «бывший»? Нет, Николай Иванович, никогда я не буду «бывшим». Всегда и везде, пока жив, буду пограничником.

Теперь хочу написать Вам о самом главном.

Во Владивостоке, в порту, мы встретили демобилизованных солдат и сержантов из Таманской дивизии. Они ждали «Ломоносова». Начались взаимные расспросы: «Куда едете?» Оказывается, таманцы — их двести человек — сговорились еще с полгода назад поехать по призыву партии на Дальний Восток. И вот с комсомольскими путевками они спешат на Южный Сахалин строить дороги и шахты.

В Хабаровске на вокзале играл оркестр, было полно народу, со знаменами, с плакатами. Встречали только что прибывший скорый поезд с молодыми строителями.

В Чите нам повстречался новый поезд с запада, тоже с комсомольцами. И опять демобилизованные—матросы и старшины из Севастополя. Спрашивают: «Куда загребаете?» — «По домам»,— отвечаем. «А мы всей боевой частью взяли курс на Якутские алмазные россыпи».

Тут у нас такое началось! «Запад на восток подался, а восток катит на запад — непорядок! Встречные перевозки!»

Словом, Николай Иванович, в Иркутске душа моя не выдержала. Пожелал я нашим ребятам дальнейшего счастливого плавания, а сам свернул с курса на север, к Падунским порогам. В обкоме комсомола мне все документы оформили за полчаса и включили меня в группу ленинградцев и горьковчан, которая едет на строительство Братской гидростанции. Одобряете?

Ребята наши сказали на прощание, что повидаются с родными и тоже сюда махнут. Милешкин почесал за ухом: «Я тоже подумаю». Подумать решил, и то хорошо!

Планы мои, Николай Иванович, такие: в Братске на первых порах поработаю на том участке, куда поставят. Строителем так строителем. Могу и электриком, и бетонщиком, и радистом на трассе будущей электромагистрали. А там, глядишь, школы построят — снова стану учителем.

Сегодня наша группа выезжает из Иркутска. Пишу на пристани, на берегу Ангары. Она действительно красавица. Посылаю письмо и сказку Марише. Если она чего-нибудь не поймет, Вы, пожалуйста, ей объясните. Написал письмо в Загорье Дуне, зову ее сюда, то есть на Падун.

С нетерпением жду от Вас письма. Пишите мне по адресу: Братск, до востребования. (Другого адреса я пока еще не имею.)

Горячий привет боцману Доронину, Игнату Атласову и всем нашим пограничникам. Поцелуйте за меня Маришу.

Спасибо Вам за все хорошее!

До свидания!

Ваш Алексей Кирьянов, старшина I статьи».

Тот же самый «ПК-5», на котором когда-то ходил в дозор Алексей Кирьянов, хлопотливо урча мотором, вез меня к «Мичурину», бросившему якорь на внешнем рейде. За штурвалом стоял главстаршина Игнат Атласов.

На причале прощально махали фуражками, бескозырками и кепками свободные от службы пограничники и рабочие. И долго еще я видел среди них высокого, слегка суховатого Баулина и боцмана Доронина с Маринкой на плече.

«ПК-5» подошел к борту парохода. Мы с Атласовым крепко пожали друг другу руки.

— Счастливого пути! — крикнул мне главстаршина, когда я поднялся на борт парохода. — Пишите!

— Обязательно! Не поминайте лихом, счастливо оставаться! — крикнул я в ответ.

Выбрав якорь, «Мичурин» попрощался с островом протяжным басовым гудком и лег на курс.

Взбежав по трапу на капитанский мостик, я попросил у штурмана бинокль.

У причала стояли сторожевики, недавно возвратившиеся из ночного дозорного крейсерства. Свежий декабрьский ветер рвал флаги пограничного флота. На Мысе Доброй Надежды белели домики служб и клуба базы. А вот и утес, на котором выщербленный временем и непогодами каменный крест и гранитный обелиск с пятиконечной звездой. Вот и замшелый камень, и на нем Маринка, а рядом с ней капитан третьего ранга Баулин.

Начала разгуливаться океанская волна. Буревестник промелькнул над мостиком. Наползли тучи, сразу стало пасмурно, холодно, а мне вспомнились любимые стихи Баулина:

«Над моей отчизной солнце не заходит, до чего отчизна велика!..»

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Осенью 1944 года на одной из погранзастав Белоруссии Лев Александрович Линьков услышал от старожилы ближайшей деревни рассказ о том, как в первый день войны пограничники приняли на себя удар гитлеровских войск и как геройски погиб начальник заставы Александр Сивачев.

Спустя несколько лет, работая над фронтовыми записями, Лев Александрович написал о Сивачеве очерк, который был опубликован в газете.

Вскоре в квартире писателя раздался телефонный звонок.

— Лев Александрович? Здравствуйте. С вами говорит Александр Сивачев.

— Как? А разве...

— Да нет, вы не поняли. Я сын того Александра Сивачева, тоже Александр Сивачев.

В тот же день жена и сын погибшего командира приехали к Л. Линькову. Оказалось, что они ничего не знали о Сивачеве, без вести пропавшем в первые дни войны.

Так писатель помог восстановить имя еще одного героя. И семья теперь знает, как погиб Сивачев и где он похоронен.

Впоследствии Л. Линьков написал рассказ «Сердце Александра Сивачева».

Вот такие непридуманные, живые истории стоят почти за каждым произведением писателя.

Увлечение пограничной темой началось давно. Еще в 30-е годы по заданию «Комсомольской правды» он начинает собирать материал о первых пограничниках и всерьез, можно сказать, на всю жизнь «заболевает» этой темой.

Работа в газете, а позднее в журнале «Пограничник» позволила ему познакомиться с интереснейшими материалами по истории советской погранохраны.

А с начала войны, перейдя на службу в погранвойска и прослужив там несколько лет внештатным пропагандистом, Л. Линьков побывал на очень многих погранзаставах и подолгу жил там.

Недаром среди его наград, а их у него более десяти, рядом с медалью «За боевые заслуги» — медали «За отличие в охране государственных границ СССР» и «50 лет погранвойск СССР».

Л. Линьков хорошо знал самые отдаленные погранзаставы нашей страны: Сибири, Тихого океана, Курильских островов.

Не раз бывал он на заставах Средней Азии, где в начале тридцатых годов пограничники вели бои с последними бандами басмачей.

Хорошо были знакомы писателю и трудности пограничной службы, с которыми пришлось столкнуться первым таежным заставам Дальнего Востока.

Подлинные события ложились в основу его произведений, а герои пограничных будней становились героями его книг. Именно поэтому рассказы и повести, сценарии и очерки Л. Линькова, посвященные советским пограничникам, отличаются предельной достоверностью и правдой.

Имя этого писателя хорошо знакомо юному и взрослому читателю. Сборники его рассказов и повестей — «Капитан старой черепахи», «Источник жизни», «Мыс Доброй Надежды», «Пост семи героев», «Сигнал тревоги» — неоднократно переиздавались в издательствах «Молодая гвардия», «Детская литература», в Воениздате. А Одесская киностудия дважды ставила фильмы по сценариям Льва Линькова. Фильмы эти — «Морской пост» и «Капитан старой черепахи» — тоже посвящены пограничникам.

Написанные много лет назад книги Льва Александровича Линькова и в наши дни не утратили своей художественной познавательной и воспитательной ценности. Они помогают современному читателю почувствовать революционную устремленность первых пограничников, безграничную верность солдата своему высокому воинскому долгу, рассказывают о добрых традициях пограничной службы, которые в то далекое время только закладывались.

В. Писаревская

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НАЧАЛО ПУТИ	3
ПОСТ СЕМИ ГЕРОЕВ	29
ИСТОЧНИК ЖИЗНИ	44
ПРИЗВАНИЕ	61
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	75
СЕРДЦЕ АЛЕКСАНДРА СИВАЧЕВА . .	86
ТОМИК ПУШКИНА	93
ИНАЧЕ ОН НЕ МОГ...	101
МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ. Повесть. .	111
Об авторе этой книги	238

Для среднего и старшего возраста

Лев Александрович Линьков

ПРИЗВАНИЕ

ИБ № 2296

Ответственный редактор В. М. Писаревская. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Г. Е. Гафт. Корректоры Н. А. Сафронова и Е. И. Щербакова. Сдано в набор 13/XII 1977 г. Подписано к печати 6/IV 1978 г. А00391 Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1 Шрифт литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 10,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1670. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Цена 55 коп.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY
DIVERSITY
AND
INCLUSION
IN
TECHNOLOGY
AND
BUSINESS